

У (2) -
В-48

БЕЛОРУССИЯ
В БОРЬБЕ
ПРОТИВ ПОЛЬСКИХ
ЗАХВАТЧИКОВ
В 1919 — 1920 ГГ.

ОТДЕЛ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЕЧАТНИЦЫ
ПОЛТАВСКОЙ ОБЛАСТИ
1920

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СЕКРЕТАРИАТ ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИИ
«ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ»

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СССР
В ОЧЕРКАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ
УЧАСТНИКОВ

8(СЗ)
Б-43

БЕЛОРУССИЯ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ПОЛЬСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В 1919~1920 Г.Г.

МАР 1941

МАР 1949

СЕН 1950

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1940

Установа адукацыі
«Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя П. М. Машэрава»
НАУКОВАЯ БІБЛІЯТЭКА

АННОТАЦИЯ

Сборник «Белоруссия в борьбе против польских захватчиков в 1919—1920 гг.» составлен из воспоминаний рабочих, колхозников, красных партизан и работников большевистского подполья Белоруссии.

В конце книги помещены архивные документы.

Сборник освещает положение белорусского народа под властью панской Польши и героическую борьбу трудящихся Белоруссии против белополяков под руководством коммунистической партии.

Подготовили к печати научные сотрудники
Секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны»:
О. ШЕКУН, Р. КРОЛЬ и Н. ТРУСОВА.

В подготовке сборника и в литературной обработке воспоминаний принимали участие белорусские писатели: орденносец З. БЯДУЛЯ, орденносец М. ЛЫНЬКОВ, М. ПОСЛЕДОВИЧ, К. ЧЕРНЫЙ, А. ШАРАПОВ, Ф. ШИНКЛЕР.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила белорусский народ от власти помещиков и капиталистов, от национального угнетения. В огне гражданской войны, в жестокой борьбе с полчищами международного империализма родилась Белорусская советская социалистическая республика. Вопрос о ее создании поставил Центральный комитет российской коммунистической партии (большевиков). 30 декабря 1918 г. VI конференция большевиков Северо-западной области, на которой были представлены партийные организации Белоруссии и Смоленской губернии, объявила себя I съездом коммунистической партии большевиков Белоруссии и приняла решение об образовании самостоятельной Белорусской советской социалистической республики.

Молодая Советская республика создавалась под непосредственным руководством товарища Сталина. На основе его указаний шло строительство БССР и коммунистической партии большевиков Белоруссии.

Товарищ Сталин редактировал Манифест Временного рабоче-крестьянского правительства Белоруссии.

Всероссийский центральный исполнительный комитет признал независимость БССР. 2 февраля 1919 г. в Минске открылся I Белорусский съезд советов. Приехали делегаты от Минской, Гродненской, Смоленской, Могилевской и Виленской губерний. Съезд показал, каким влиянием и доверием у трудящихся Белоруссии пользовалась коммунистическая партия. Из 230 делегатов с решающим голосом было 213 большевиков.

Белорусский народ свободно вздохнул от ужасов империалистической войны и немецкой оккупации. Но с запада угрожал новый враг — панская Польша. Англия, Франция и Соединенные Штаты Америки создали польскую помещичье-буржуазную республику в качестве заслона против влияния большевизма, как орудие и плацдарм для борьбы против Советской России.

Польские помещики и капиталисты смертельно ненавидели Советскую страну. Социалистическая революция лишила их громадных имений и предприятий в Белоруссии и на Украине, лишила их возможности угнетать украинские и белорусские трудящиеся массы. Под влиянием революции в России росло революционное движение польских рабочих и крестьян. Польская белогвардейщина в любую минуту готова была выступить против Страны Советов.

Польша получала от Антанты деньги, оружие, инструкторов и участвовала во всех ее походах против Советской России. В декабре 1918 г. польское правительство разрывает дипломатические отношения с Советской Россией и стягивает свои войска к советским границам. Для борьбы против международного империализма Советская Литва и Белоруссия объединились в одну Литовско-Белорусскую советскую социалистическую республику (Литбел). Они обратились к Польше с предложением заключить мир. Но польские пань и их заграничные хозяева хотели воевать.

В тот момент, когда Колчак двинул свои полчища на Советскую страну, белополяки начинают широкое наступление на западе. Главную опасность для Советской страны представлял Колчак, и основные силы были брошены на восточный фронт. Польские войска, хорошо вооруженные Англией и Францией, по количеству значительно превосходили красные части западного фронта. Пользуясь этим, белополяки в ночь на 17 апреля 1919 г. захватили Лиду, 21 апреля — Вильно.

Партия подняла на борьбу против наглых захватчиков весь белорусский народ. Центральный комитет коммунистической партии Литвы и Белоруссии постановил направить на западный фронт 50% всех коммунистов. Большевики Минска дали на фронт около 500 человек. В прифронтовой полосе коммунисты и комсомольцы поголовно шли в Красную Армию. Создавались коммунистические отряды, которые героически дрались против врага.

Рабочий класс Белоруссии дружно встал на защиту родины. В начале мая объединенное собрание профсоюзов Минска решило создать штаб рабочей обороны. 20 мая на чрезвычайном заседании Совнаркома, ЦИК и Минского совета совместно с правлениями профсоюзов и фабзавкомов было принято постановление о поголовной мобилизации рабочих.

Был организован минский рабочий полк. Не отрываясь от станка, рабочие обучались военному делу. Во всех городах шла мобилизация на фронт рабочих, членов профсоюзов, с 19 до 25 лет. Формировались рабочие отряды. Узнав о нападении польских панов, крестьяне вступают добровольцами в Красную Армию.

Партия и советское правительство объединяют силы всей страны для отпора интервентам и белогвардейцам. Первого июня был издан декрет ВЦИК о военном союзе советских республик.

Ленин и Сталин с большим вниманием следили за героической борьбой белорусского народа. Советское правительство оказывает Белоруссии военную, организационно-политическую и материальную помощь. Летом 1919 г. рабочие в городах Белоруссии голодали, нехватало продовольствия для западного фронта. Узнав об этом, Ленин 3 июня посылает телеграмму Наркомпроду Украины:

«Наряды для белитармии¹ и вообще Наркомпрод литбел Минск очень прошу не задерживать и направлять по назначению [в] Минск, всячески ускорять»².

В июне председатель ВЦИК М. И. Калинин совершил поездку по Белоруссии. Он был в Минске, Витебске, Могилеве, Гомеле, Бобруйске, Орше. Выступая 20 июня на объединенном заседании ЦИК Литвы и Белоруссии, Минского совета и профсоюзов, М. И. Калинин говорил:

«Российская советская республика послала вам военную помощь. Я не сомневаюсь, что во все тяжелые моменты на западном фронте Россия будет вас защищать»³.

В конце июня, собрав большие силы, поляки начали наступление на Молодечно и Вилейку. Пятого июля они захватили укрепленный Молодечненский район. Это создало непосредственную угрозу Минску.

В этот грозный для белорусского народа момент Центральный комитет партии направляет в Белоруссию товарища Сталина.

После разгрома полчищ Юденича и белофиннов под Петроградом и подавления белогвардейского мятежа на Красной горке товарищ Сталин приезжает в Смоленск, в штаб западного фронта. Из Смоленска он выезжает в Минск. Положение в этот момент было тяжелое. Фронт простирался от латвийской границы на севере до Мозыря на юге. Отдельные мелкие отряды держали ряд боевых участков. От командования фронта требовалось проявление исключительных организационных способностей, умение маневрировать скудными силами и использовать местные ресурсы. А на фронте не было крепкого политического и оперативного руководства.

Под руководством товарища Сталина фронт был укреплен. Создавались пополнения из рабочих и крестьян прифронтовой полосы. В частях была развернута политическая и партийная работа. С отходом Красной Армии местные партийные, профсоюзные и советские работники вливались в ее ряды.

Укрепляется тыл Красной Армии. Идет чистка его от белогвардейцев, шпионов и диверсантов. Для борьбы с контрреволюцией в тылу в помощь коменданту прифронтовой полосы было мобилизовано 60 партийцев.

¹ Белитармия — белорусско-литовская армия.

² «Ленинский сборник» XXIV, стр. 126.

³ «Звезда» от 22 июня 1919 г.

Благодаря принятым мерам Красная Армия больше месяца героически обороняла подступы к Минску. Но на стороне польских войск было громадное численное превосходство и прекрасное вооружение. 28 июля, после сильной артиллерийской подготовки, поляки повели наступление в районе Радошкович. Части 52-й дивизии вынуждены были отступить на линию Новошино-Ворошилы, в 28 километрах от Минска. Подтянув последние резервы и получив в подкрепление 1-й минский рабочий полк, дивизия еще несколько дней сдерживала натиск противника. Но поляки вводили в бой свежие части. Утром 8 августа им удалось прорвать красный фронт и под прикрытием сильного артиллерийского огня ворваться в предместья Минска. Бой на улицах города продолжался целый день. Только к вечеру части Красной Армии отошли от Минска. К концу августа поляки захватили Слуцк, Игумен¹, Ново-Борисов и Бобруйск.

Польское наступление было задержано на Березине. Красная Армия под руководством товарища Сталина готовилась к удару по врагу. Была создана ударная группа 16-й армии во главе с Серго Орджоникидзе, организована Припятская боевая флотилия.

Осенью 1919 г. Польша делает попытку захватить остальные районы Белоруссии. В начале сентября польские части переправились через Березину в районе Бобруйска и начали наступление на Рогачев и Жлобин в обход Гомельского укрепленного района.

Товарищ Сталин вместе с Орджоникидзе наметил план разгрома польских войск, выдвинувшихся за Березину. 4 сентября 1919 г. был дан приказ Реввоенсовета западного фронта: «Сосредоточить большие силы в районе Могилева, разбить бобруйскую группу противника, нанеся ей удар во фланг и тыл»². Бобруйская группа поляков была разгромлена.

В конце сентября товарищ Сталин уехал из Белоруссии. Центральный комитет направил его на южный фронт. Новый опасный враг угрожал Советской стране: полчища генерала Деникина двигались на Москву. Но на западе положение уже упрочилось: Красная Армия закрепилась на Березине, и все попытки польских войск прорваться через этот рубеж на восток терпели крах.

В захваченных районах Белоруссии белополяки восстановили власть помещиков и капиталистов. На предприятия вернулись хозяева. Крестьяне должны были возвратитъ помещикам землю, уплатить за разрушения в имениях, за срубленный помещичий лес, внести прежние аренды. В некоторых местах паны установили настоящую барщину: крестьяне должны были работать в помещичьих хозяйствах по два дня в неделю. Советы, профсоюзы были разгромлены. Государственным языком был объявлен

¹ Ныне г. Червень Минской области.

² ЦАКА, д. 56—735, лл. 1—2.

польский. Белорусские школы были закрыты. Десятки тысяч рабочих и служащих — белоруссов и евреев — были уволены и обречены на безработицу.

Польские войска вступили в Советскую Белоруссию, как армия грабителей и убийц. Они увозили в Польшу богатства Белоруссии: лес, хлеб, скот, сало, овчины. Неслыханным издевательствам и пыткам подвергали они трудящихся Белоруссии.

Враги белорусского народа — буржуазные националисты, эсеры, бундовцы — помогали польским панам. Они хотели превратить Белоруссию в колонию панской Польши. Белорусские нацдемы призывали поляков к дальнейшему наступлению на Советскую страну. По указке Пилсудского они начали формировать контрреволюционные отряды, которые входили в польскую армию и содержались на средства, получаемые от польской дефензивы, от французской и английской буржуазии. Но все попытки нацдемов вовлечь трудящихся Белоруссии в это смехотворное «войско» провалились. •

Белорусский народ единодушно поднялся на борьбу против ненавистных панов. Коммунистическая партия превратила стихийное движение против иноземных захватчиков в организованную народную войну. При ЦК коммунистической партии Литвы и Белоруссии было создано бюро по нелегальной работе. Были организованы краевые центры подпольной работы в Минске, Белостоке и Вильно. Большевики ушли в глубокое подполье и в условиях осадного положения сохранили свои организации. Подпольные комитеты проводили большую пропагандистскую и агитационную работу. Они получали из Смоленска литературу, газеты и распространяли их среди масс, сами печатали листовки, обращения.

Большевики организовали революционные профсоюзы, вели успешную борьбу с бундовцами за руководство профсоюзами. Профсоюзы являлись базой для большевистской работы в массах. Революционные профсоюзы провели ряд забастовок. Несмотря на преследования стачечников, забастовки нередко кончались победой рабочих.

Большевики были окружены массой сочувствовавших им рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции. Только этим можно объяснить, что в условиях жестокого оккупационного режима росли большевистские организации, появлялись новые ячейки, созывались конференции.

Большевики Белоруссии создали широкую сеть партизанских отрядов для вооруженной борьбы с белополяками. Партизаны действовали в глубоком тылу польских войск: в Пинском, Слуцком, Минском, Мозырском, Стародорожском, Игуменском, Молодечненском, Докшицком, Новогрудском районах. Особенно много партизан было в прифронтной полосе: Борисовском и Бобруйском уездах. В последнем насчитывалось до 80 партизанских отрядов. Действуя в тылу польских войск, разрушая пути

сообщения и военные сооружения, они сеяли тревогу во вражеском лагере.

Для красных партизан Белоруссии характерна их тесная связь с Красной Армией. Особенно ярко видна она на действиях партизан прифронтовой полосы. Их отряды объединялись в довольно крупные боевые единицы и действовали вместе с передовыми частями Красной Армии, совершая глубокие рейды в тыл противника. Они давали Красной Армии проводников, разведчиков, от нее получали военных руководителей и оружие.

Наступила весна 1920 г. Польские войска готовились к вторжению на Украину. Желая обеспечить свой тыл, польские правители принимают все меры, чтобы уничтожить большевистские организации и революционную партизанскую армию в Белоруссии. В апреле учащаются аресты, казни, посылаются сотни карательных отрядов, уничтожаются партизанские деревни. Но все это приводит только к усилению народной войны против интервентов.

Мужественное сопротивление белорусского народа внушало польским панам ужас, предвещая им близкий конец. Этим и объясняется та исключительная жестокость, с какой они расправлялись с большевиками и партизанами.

Большевики вели большую работу среди польских солдат. Для них издавалась литература на польском языке: листовки, воззвания. В польских казармах распространялись «Правда» и «Звезда». Среди польских войск нарастало революционное брожение. Отдельные польские солдаты из рабочих и крестьян начинали связываться с местными коммунистическими ячейками и партизанскими отрядами, помогали им доставать оружие, сообщали нужные сведения. Польское командование сильно боялось распространения большевистского влияния в оккупационной армии. Оно часто сменяет тыловые части, так называемые этапные батальоны, запрещает солдатам сношения с белорусским и еврейским населением, предлагает офицерам следить за чтением солдат. Жестоко расправлялись польские власти с революционными солдатами. Многие из них погибли в панских застенках, были казнены вместе с большевиками и партизанами Белоруссии.

Но никакие репрессии не помогали. В польской армии были неустойчивы целые части, особенно те, в которых большинство состояло из мобилизованных белоруссов, украинцев, литовцев.

Почва горела под ногами у польских панов. Белорусский народ и его вооруженная сила — партизанские отряды — только ожидали наступления Красной Армии, чтобы ударить вместе с ней по ненавистным оккупантам.

И этот момент настал. По плану товарища Сталина, возглавлявшего Реввоенсовет юго-западного фронта, польским войскам на Украине был нанесен сокрушительный удар. С Северного Кавказа была двинута против поляков Первая Конная армия.

5 июня она прорвала польский фронт, прошла рейдом район Бердичева и 7 июня взяла Житомир. Началось повальное бегство польских войск. Вслед за Первой Конной перешли в стремительное наступление 12 и 14-я Красные армии.

Весь польский фронт был потрясен. Красная Армия на Украине продвинулась за месяц на 200 километров. Это дало возможность Красным армиям западного фронта подготовиться к наступлению. На западный фронт перебрасывались подкрепления, посылались политработники. Были созданы две новые армии — 3 и 4-я.

Утром 4 июля Первая Конная взяла Ровно. В этот же день на западном фронте Красные армии начали общее наступление. 15, 3 и 4-я армии в упорных двухдневных боях, 4 и 5 июля, разбили 1-ю польскую армию. В ночь на 7 июля перешла в наступление и 16-я Красная армия. К 8 июля части ее выдвинулись вперед на 20—25 километров. Польские войска поспешно и беспорядочно отступали. Красная Армия победоносно двигалась вперед. По пути к ней присоединялись партизаны. 11 июля 1920 г. была освобождена от белополяков столица Белоруссии — Минск.

Не только панской Польше, но и всей версальской системе угрожал крах. Антанта бросилась спасать Польшу. В Варшаву приехал французский генерал Вейган и много офицеров. Вейган взял на себя руководство польскими войсками. Англия потребовала прекращения наступления Красной Армии. Советское правительство отвергло эти требования, Красная Армия продолжала наступать. К началу августа и над Западной Белоруссией взвилось красное знамя советов. 29 июля был освобожден Белосток, 1 августа — Брест-Литовск. Все вперед шла Красная Армия, освобождая белорусский и украинский народ от польских панов. Радостно приветствовали ее трудящиеся. К половине августа Красная Армия подошла к Варшаве и Львову.

Успехи Красной Армии вызвали рост революционного движения в капиталистических странах. Рабочие Англии, Франции и других стран выступают против помощи белополякам. Но успехи Красной Армии были сорваны изменниками, пробравшимися в штаб Красной Армии. Наступление красных войск на западном фронте проходило по вине изменников Троцкого и Тухачевского совершенно неорганизованно. Это дало возможность польским войскам прорвать наш фронт и привело к отступлению Красной Армии от Варшавы.

П.П.С.¹, мелкобуржуазная националистическая партия, сохранившая влияние среди отсталых масс трудящихся Польши, помогла польским панам и буржуазии в борьбе против Красной Армии. Объединенные черные силы мирового империализма спасли в этот момент панскую Польшу.

¹ П. П. С. — Польская социалистическая партия.

Красная Армия вынуждена была отступить из Западной Белоруссии. Но проученные Красной Армией польские паны пошли на мир, и большая часть Белоруссии была освобождена от польских захватчиков.

Прошли годы. Неизмеримо выросла и укрепилась страна социализма. Трудящиеся Западной Белоруссии с надеждой обращали к ней свои взоры. И через 19 лет Красная Армия вновь двинулась в свой великий освободительный поход и навсегда выбросила польских захватчиков с белорусской земли. Разорванные в течение 19 лет две части Белоруссии вновь соединились в единую Белорусскую советскую социалистическую республику.

Сборник «Белоруссия в борьбе против польских захватчиков в 1919—1920 гг.» посвящен героической борьбе белорусского народа против белополяков.

Сборник составлен из воспоминаний красных партизан Белоруссии, рабочих, колхозников, работников большевистского подполья. Эти воспоминания показывают проводившуюся панской Польшей политику национально-колониального угнетения в захваченных районах Белоруссии и освещают самоотверженную борьбу красных партизан Белоруссии против наглых интервентов. Боевые действия доблестной Красной Армии даны в виде общих очерков.

В конце книги даны документы. Часть документов получена из белорусских архивов, часть — из Центрального архива Октябрьской революции. Большой интерес представляют документы польского командования, из польского фонда ЦАОР. Они подтверждают воспоминания участников событий, трудящихся Белоруссии, о хозяйничанье польских панов, о разложении польских войск.

Воспоминания и документы показывают великую роль коммунистической партии, которая под руководством Ленина и Сталина подняла белорусский народ на борьбу против интервентов и организовала помощь ему всей Советской страны.

Публикуемые материалы являются яркой иллюстрацией крепости и мощи военно-политического союза братских республик — РСФСР, БССР и УССР — в борьбе против интервентов, доказательством мощного стремления белорусского народа к единству с русским народом.

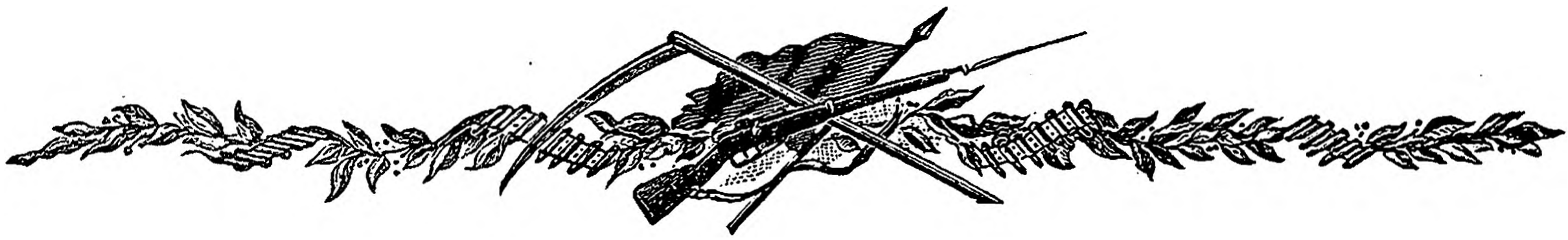
В сборнике нет материалов о героической борьбе против белополяков в 1919—1920 гг. трудящихся Западной Белоруссии, так как к собиранию их еще только приступлено.

II

ПОД ПАНСКИМ
ГНЕТОМ

«ЕСТЬ МНОГО СПОСОБОВ ОПОЗОРИТЬ СЕБЯ,
ПОЛЯКИ ВЫБРАЛИ ХУДШИЙ»
(М. ГОРЬКИЙ)

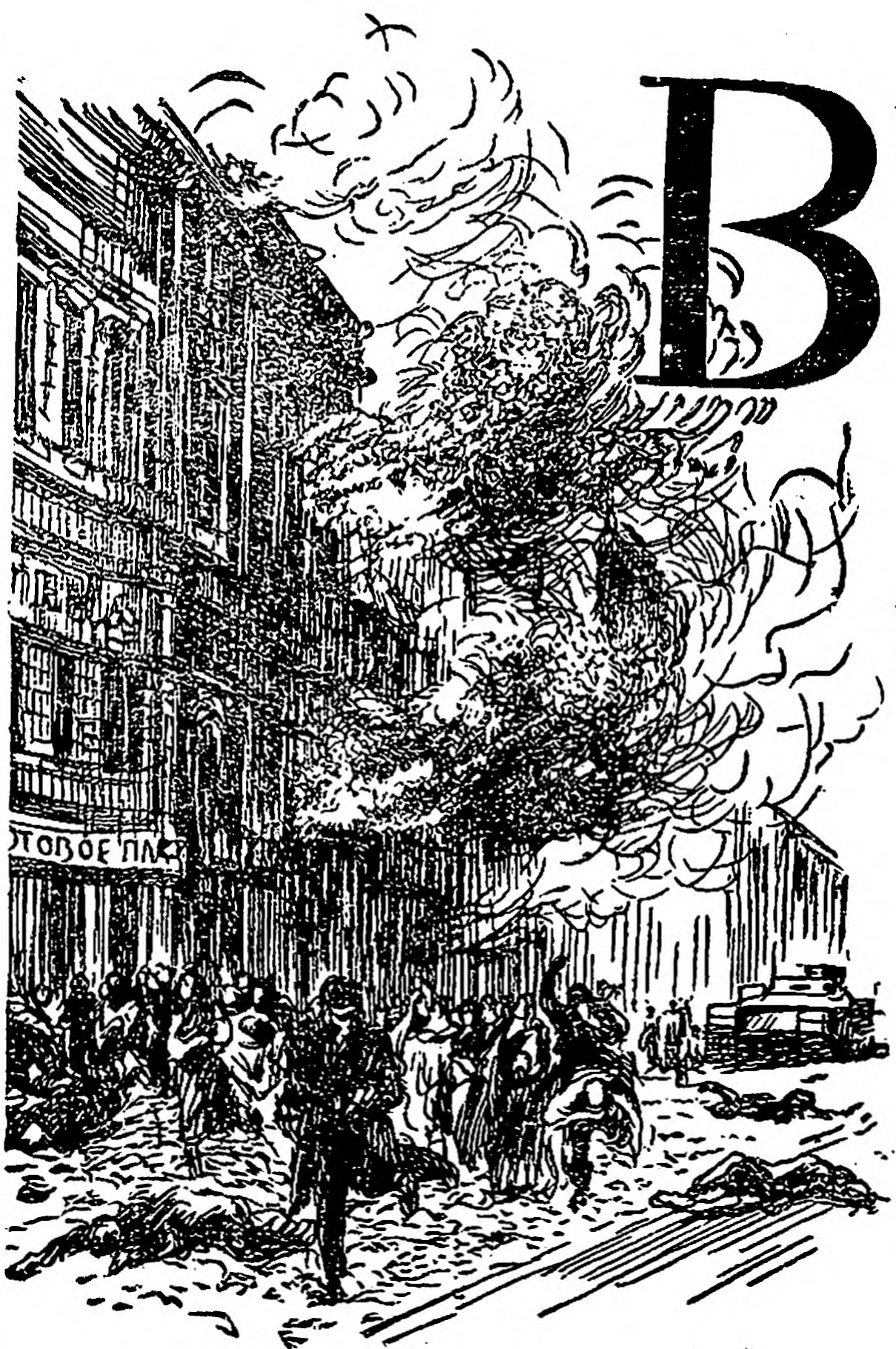

ПРИШЛИ ИНТЕРВЕНТЫ

*Воспоминания Е. ГУСЕВА и
И. ГОЛЯШЕВИЧА, рабочих
завода имени Мясникова*

БЕЛОПОЛЯКИ В МИНСКЕ

В начале августа 1919 г. в железнодорожных мастерских Минска собрались рабочие. К Минску приближались польские войска, и надо было решить судьбу мастерских. Шли горячие споры. «Эвакуировать мастерские», — в один голос требовали кадровые рабочие, — «а мы пойдем на фронт». В среде железнодорожников проникли предатели — белорусские буржуазные националисты, эсеры, меньшевики. Они выступили против эвакуации, пытались дезорганизовать рабочие ряды и отдать белополякам хорошо оборудованные мастерские. Но их усилия были напрасны.

Минские железнодорожники организованно вывезли оборудование мастерских, а затем помогли рабочим газового завода эвакуировать и их имущество.

В мае ЦИК и Совнарком Белоруссии бросили клич: «Каждый рабочий должен быть солдатом революции». Эти слова дошли до каждого сознательного пролетария. Они звали к защите социалистической родины. Железнодорожники вооружились. Работали, а рядом стояла винтовка.

Рабочие встретили белополяков с оружием в руках, сражались в частях Красной Армии или в партизанских отрядах. Рабочие минского железнодорожного узла организовали отряд и оборудовали блиндированный поезд. Отряд железнодорожников вел борьбу в районе железной дороги.

Утро 8 августа 1919 г. началось в Минске трескотней пулеметов и громом орудий. В кровавом тумане вставало над городом солнце. К безоблачному небу поднимались багровые длинные языки пожара. От бомбардировки обрушивались стены каменных домов. Снарядов и патронов паны не жалели.

Люди метались от двора к двору, ища спасения в глубоких погребах и ямах.

Красноармейцы упорно сражались за каждый квартал, за каждую улицу. Под артиллерийским и пулеметным огнем врага минские железнодорожники эвакуировали подвижной состав и паровозы. Отряд рабочих мастерских получил задание выехать на станцию Смолевичи и прикрывать тыл отступающих частей Красной Армии. В помощь был дан небольшой отряд красноармейцев, среди которых было много китайцев. Около Смолевич отряд вступил в бой с наступающим неприятелем и выбил его из ближайшей деревни. Но поляки подвезли артиллерию и с опушки леса стали бить из полевых орудий по блиндированному поезду. У железнодорожников были лишь пулеметы и винтовки. Отряду пришлось отступить.

В два часа дня по Старовиленскому тракту ворвались поляки в Минск. Рассвирепевшие паны вымещали свою злобу на мирных жителях. Всех, кто попадался им на улице, убивали на месте. Не щадили ни стариков, ни женщин.

Офицеры и солдаты заходили в дома, выводили во двор мужчин и тут же расстреливали их на глазах помертвевшей от ужаса семьи. Солдаты целыми отрядами врывались в магазины и лавки. Звенели разбитые стекла витрин, трещали выламываемые двери...

Пять дней и ночей в побежденном городе продолжался безудержный грабеж и насилия. Были расстреляны сотни людей. Убивали без всякого суда, просто «по подозрению». Около тысячи человек было арестовано и отправлено в застенки дефензивы.

На улицах слышалась польская речь и несмолкаемое бряцание оружия. Разодетые помещики, купцы, выползшие из темных нор спекулянты бродили под руку с офицерами, указывая дома, где проживали коммунисты, дома, где оставались семьи красноармейцев и советских работников.

Через несколько дней после занятия Минска паны принялись за «мирное строительство». Город оказался во власти польской военщины и жандармов.

В школах принудительно начали вводить польский язык. Заявления и прошения принимали только на польском языке...

На заводы вернулись хозяева. Снова началась зверская эксплуатация рабочих. Восемь тысяч служащих и рабочих были уволены с работы. Работала лишь двадцатая часть минских рабочих, остальные были безработными. Принимали на работу в первую очередь поляков и отсталых рабочих, а членов профсоюза совсем не принимали.

На кожевенных заводах работало всего по 20—30 человек, а в мастерских — не больше 1—2 рабочих. Многие мастерские были закрыты.

Ремесленники — столяры, плотники, печники, каменщики — распродали свое имущество и стояли на пороге голодной смерти. Заработная плата была очень низка. Часто рабочие вовсе не получали заработанных денег. Смельчаков, требовавших расчета, как бунтовщиков, сажали в дефензиву и подвергали изощренным пыткам.

Цены на хлеб увеличились вдвое. Дрова могли покупать только богачи. В рабочих семьях стала роскошью картошка.

Минским железнодорожникам и почтово-телеграфным служащим было сообщено, что они увольняются с работы.

К декабрю 1919 г. в Минске и в Минском уезде было около двух тысяч безработных железнодорожников. Рассчитав старых, кадровых рабочих, поляки стали нанимать на железную дорогу новых людей. Большей частью их привозили из Польши. Для поступления на работу требовалась рекомендация ксендза или взятка мастеру, причем с русскими, белоруссами и евреями белополяки не желали даже разговаривать. При приеме на работу тщательно проверяли: не большевик ли, не был ли в Красной Армии, нет ли родственников в Советской России. По мастерским и депо разгуливали жандармы.

Маляра Гусева не приняли на работу в мастерские. «Ты большевик и русский», — заявили ему. Он пошел наниматься в железнодорожную больницу. Фельдшер-поляк оглядел его с головы до ног, прищурил глаза, покрутил усы и спрашивает:

— Как зовут?

— Егор Гусев.

— Что? !! Не понимаю!

— Меня зовут Жорж, — решил схитрить Гусев.

— Это другое дело!

За взятку Гусева взяли на работу.

Другой рабочий — Скоробогатый попал на работу в поезд-мастерскую, где ремонтировали автомобили. Работал за похлебку. Утром давали цикорий без сахара, в обед — тарелку супа и кусочек хлеба. Обещали платить за работу 5 марок в день, но он их так и не получил. Скоробогатый осмелился напомнить о жалованье. «Иди к чорту, — заорал заведующий мастерской, — чтобы тебя здесь больше не было, а то сейчас арестую».

Белополяки разгромили профессиональные союзы и рабочие кооперативы.

Они создавали желтые, христианские профсоюзы, в которых одновременно состояли и рабочие и их хозяева. Эти профсоюзы работали в тесном единении с польской жандармерией. Всяческими способами пытались оккупанты привлечь рабочих в эти союзы. Рабочим обещали дешевый хлеб, материальную помощь. Но рабочие не шли на эту удочку. Так и не удалось дефензиве привлечь рабочих в свои полицейские профсоюзы. Рабочие шли за большевиками.

*По материалам бобруйской комиссии
по расследованию польских зверств*

ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ

В течение нескольких дней шли ожесточенные бои. Белополяки заняли Осиповичи. В ночь на 28 августа познанская дивизия, вооруженная и снабженная всем, что может дать техника и капитал, с тяжелой и легкой артиллерией, с танками двинулись на Бобруйск.

Орудийными выстрелами и взрывами снарядов разбужен город. В предрассветном сумраке над Бобруйском появились польские самолеты.

На улицах идут митинги. Выступают большевики — красноармейцы, рабочие. Вышел последний номер советской газеты. Большевики обратились к трудящимся:

«Товарищи! Идут белополяки, идут наймиты международного капитала, чтобы вновь штыками навязать республике гнет помещиков и капиталистов. Но нет такой силы, которая смогла бы задуть свободу, кровью тысяч рабочих и крестьян добытую в боях. Мы уходим, товарищи, но уходим ненадолго. Не дайте согнуть себя. С вами большевистская партия».

Отступая за Березину, уходят последние красные части.

К вечеру с разных концов города врываются поляки.

По выбитой мостовой цокают подковами кони. Грохочут танки. Зловеще поблескивают штыки. Нагло идут по опустевшим улицам познанцы. Случайные прохожие спешат свернуть в ближайший переулок.

Дети предупреждают взрослых о приближении белополяков. И только небольшая группа людей движется навстречу белополякам. Семьи местных богачей, одетые в праздничные платья, с застывшими на лицах улыбками, с цветами, с хлебом-солью, вышли встречать их.

Бобруйск захвачен. На улицах творится кровавая расправа над красноармейцами, оставшими от своих частей. Изуродованные трупы бросают посреди улицы, не разрешая жителям убирать их.

Трудящиеся прятались, но польские солдаты с громкой руганью врывались в их квартиры: искали коммунистов. Начались массовые аресты. Арестовывали по малейшему подозрению: плохо посмотрел на польского офицера или солдата — арест, шапки не снял — арест, не сказал «панове» — арест. На второй день после прихода белополяков начался еврейский погром. Три дня продолжалась дикая оргия. Десятки домов, магазины и почти все лавки на базаре были разграблены. После погрома была объявлена свободная торговля.

На предприятия возвратились капиталисты. Выползли бывшие жандармы, городовые, охранники. Организовалась «группа содействия дефензиве»¹. Эта банда пользовалась неограниченными правами. По ее доносу любой житель подвергался аресту.

*

Под лучами августовского солнца лежит притихший город. По тротуарам шагают часовые. Озираясь по сторонам, спешат редкие прохожие. Нежилыми кажутся дома с закрытыми ставнями. Тревожное молчание нарушают только выстрелы и окрики конвойных, сопровождающих жителей на принудительные работы.

В городе объявлено осадное положение.

Залуженные, голодные, измученные люди не знали ни сна, ни отдыха. Поляки грабили, издевались, насиловали женщин и девушек, прикладами выгоняли жителей на улицу, гнали их на работу: чистить конюшни и уборные в польских казармах, грузить награбленным добром вагоны на станции.

Театр и школы были превращены в тюрьмы. Ксендз Нацевич говорил: «Школа не сделает из мужика пана, только испортит мужика».

Красная Армия остановила дальнейшее продвижение польских войск. Не сбылись мечты польских панов о захвате всей Белоруссии и о походе на Москву. Неудачи на фронте белополяки вымещали на мирных жителях. Из города в Бобруйскую крепость ежедневно уводились новые жертвы. Палачи убивали целые семьи за одно только подозрение в сочувствии коммунистам.

Не щадили белополяки даже детей: грудных ребят выбрасывали из люлек, подростков, так же как и взрослых, гнали на работу, били, подвергали издевательствам.

Наступила холодная зима 1919 г.

Зяме Городкину было тогда 13 лет. Отец умер. Солдаты гоняли Зяму вместе с другими жителями на станцию грузить вагоны. Во время работы к мальчику подошел польский капрал и обратился к нему с каким-то вопросом. Зяма не знал польского языка. «Не понимаю», — ответил он по-русски. Капрал изо всей силы ударил его сапогом. Мальчик от боли потерял сознание.

¹ *Дефензива* — польская охранка.

*

Однажды Зяма и его десятилетний братишка бежали с саночками на станцию: на станции всегда можно подработать — перевезти кому-нибудь вещи. По дороге их остановили два польских солдата. Сели в санки и крикнули: «Вези, жидзе!» По всему городу, изнемогая от усталости, возили малыши негодяев. Плакали, а возили. А когда дети совсем выбились из сил и стали падать, солдатам надоела эта затея. Ударами сапог они сшибли в снег ребят и ушли. Долго на снегу лежали неподвижные детские фигурки.

Зверски издевались поляки над еврейским трудовым населением — на улице, дома, на работе. Самая разнузданная фантазия бессильна представить себе все способы глумления над человеком, которые изобретали польские палачи. Они загоняли евреев в казармы и заставляли руками чистить уборные. По воскресеньям поляки устраивали религиозные шествия. Шествия обычно возглавлялись ксендзом Нацевичем. Его сопровождали генералы Коноржевский и Милевский.

Горе тому еврею, которого в этот день белополяки видели за работой!

Однажды в воскресенье, заметив на крыше двух работавших евреев-кровельщиков, солдаты-поляки сбросили их с крыши на мостовую.

В Йом-кипур¹ в синагоге по Адамовской улице собрались старики-евреи. В десять часов утра в синагогу ворвались два солдата десятой роты. С криками «Жиды, на работу!» они стали избивать собравшихся прикладами, срывать молитвенные одеяния — талесы, вырывали из рук молитвенники и бросали их на пол. В синагоге поднялась страшная паника. Молящиеся начали выскакивать из синагоги через окна. Около тридцати человек осталось в синагоге. Солдаты расставили их в шеренгу и повели к другой синагоге, на Татьянинскую улицу. Там повторились те же самые издевательства. Прибавилось еще человек двадцать пять арестованных. Всех их погнали на работу. Если кто-либо из стариков по слабости отставал, его избивали нагайками и прикладами. Когда к несчастным пытались подойти жены и дети, чтобы дать им обувь (верующие евреи по обычаю в этот день молились в галошах или в носках), их отгоняли с побоями.

Всю дорогу стариков заставляли петь. Кто пел недостаточно громко, того жестоко избивали. Наконец, несчастных привели к месту работ. Они должны были нагружать на возы сено. Стога стояли в болотистом месте. Старикам приходилось таскать охапками сено по колена в топкой грязи на расстоянии полуверсты.

У возов стояли солдаты и избивали тех, кто работал медленно. Особенно сильно были избиты Янкель Палуш, учитель Шмуэль Силель и Янкель Евно — все трое глубокие старики.

¹ *Йом-кипур* — еврейский религиозный праздник.

Слабым и хилым доставалось больше всех. Они не могли быстро ходить и переносить много сена. Когда все возы были нагружены, стариков вновь выстроили в шеренгу и повели дальше. Издевались всячески: заставляли петь, ежеминутно снимать и надевать шапки, подсаживать солдат на возы, снимать их с возов.

Так всю группу привели в деревню Киселевичи. Снова расставили в ряды и подвели к куче бревен. Поочередно выводили самых высоких, приказывали становиться на бревна, махать руками, петь и изображать дирижера, а всем остальным — петь за ним. Янкель Папуш, вместо того чтобы дирижировать, поднял руки к небу и стал плакать и молиться. Его жестоко избили шомполами.

Только к вечеру старики вернулись в город. Их отпустили, наградив каждого ударом нагайки. Янкель Папуш через несколько дней умер.

*Воспоминания М. ГОЛУБА,
рабочего фабрики имени Кирова*

НА ФАБРИКЕ

Борисов поляки ворвались 18 августа 1919 г. Были люди, которых приход белополяков радовал. Не скрывал своей радости Лурье, управляющий спичечной фабрикой. Когда началась бомбардировка, мы, рабочие фабрики, вырыли яму и в ней спрятались. К нам в яму залез и Лурье.

Вблизи раздались выстрелы. Я осторожно высунул голову и увидел во дворе фабрики вооруженных польских солдат. Пришлось снова спрятаться. Лурье говорит:

— Ну, слава богу. Пришли наши люди.

Он сейчас же выскочил из ямы. Руки в карманах, на груди золотая цепочка и часы.

— Ну, здравствуйте, — улыбается Лурье полякам. Поляки грубо спрашивают, кто он такой. Лурье поклонился и ответил. С него тут же сняли часы с цепочкой. Показалось мало — полезли в карман и забрали бумажник. Лурье не только обобрали, но и стукнули несколько раз. К нему подбежала испуганная жена. И ей как следует всыпали. Я все это наблюдал, сидя в яме. Когда Лурье вернулся, рабочие его спросили:

— Ну, что, господин Лурье, слава богу?

Я хоть и боялся выходить, но нужно было посмотреть, что творится с товарищами.

Вижу, польские солдаты зверски избивают мастера фанерного завода. Я не выдержал и выскочил из ямы к нему на выручку, оттащил его и удрал. Я видел, как поляки избивали

прикладами других рабочих. Потом польские солдаты начали взламывать заводскую кассу. Забрали все деньги. За кассой нашли 3 винтовки.

Приехал владелец фабрики Берман. Фабрика начала работать. Первое время давали гудки на обед и на работу. Но поляки заявили, что гудков больше давать не будут, потому что здесь много большевиков, и гудки служат им сигналом. При советской власти мы работали 8 часов в день. С приходом поляков и с возвращением на фабрику хозяина начали работать по 12—15 часов и больше.

Хозяин упивался своей властью и мстил рабочим. На каждом шагу он говорил: «Это вам не большевики». Платили нам за работу мало и неаккуратно. Размер заработка целиком зависел от хозяина. Сколько захотел, столько и давал. Иногда платили марками, чаще николаевскими деньгами, которых нигде не принимали.

Когда начала наступать наша Красная Армия, поляки пытались разрушить и ограбить фабрику. Они снимали ремни, уничтожали машины, забирали инструменты, спички, материал, муку, крахмал, масло — грабили все, что только возможно было. Но рабочие тоже не дремали. Мы уносили и прятали наиболее дорогие части фабричного оборудования — верблюжьи, резиновые ремни, отдельные детали машин. Прятали в колодцах, канавах, зарывали в землю, относили в лес. Мы знали, что как только вернуться большевики, нам нужно будет пустить фабрику. Поляки стали отступать. 24 мая приходят на фабрику два вооруженных офицера и два солдата. Спрашивают, где сторож. Сторожем был тогда покойный Бабицкий. Поляки приказали проводить их к механику или его помощнику и открыть машинное отделение. Забрали меня и еще одного товарища.

— Сделайте так, чтобы машины никогда не работали.

— У нас нет инструментов, чтобы разобрать машину. Инструменты забрали ваши же солдаты, — отвечаем мы.

Под угрозой смерти приказали немедленно приступить к уничтожению машин. Тяжело было это делать. Мы старались портить машину так, чтобы через день-два можно было ее снова пустить. Поляки заставили нас разобрать регулятор. Они очень спешили. С руганью и побоями заставили уложить в мешок части регулятора и приказали мне нести. Я падал под тяжестью мешка. Солдаты прикладами винтовок «подбадривали» меня. Так через силу донес я мешок до ворот. Потом нас прогнали.

Наконец, поляки удрали. Мы созвали свой рабочий комитет для восстановления разгромленной фабрики.

Вначале нам было очень трудно наладить дело. За время польского господства большинство рабочих с фабрики убежало, людей мало, машины или разобраны или вовсе разрушены, чертежей нет. Мы выделили бригаду под руководством т. Мытника. Она приступила к ремонту котлов и баков. Поехали на

Баранский гвоздильный завод. Там предоставили металл и разрешили работать на станках. Через месяц рабочие привезли оттуда части для машин.

Рабочие пустили фабрику и начали делать спички. Первую партию спичек отослали оказавшему товарищескую помощь Баранскому гвоздильному заводу.

Воспоминания С. ГЕКЛЕР-ТУНКЕЛЬ

СТРАШНОЕ ЗЛОДЕЯНИЕ

Мой брат Гдаля Геклер был кустарем. У него было несколько специальностей. Он был столяром, токарем, механиком-конструктором, имел даже патент на собственное изобретение.

Когда белополяки захватили Бобруйск, они издали приказ о сдаче в комендатуру всех телефонов.

Любимым занятием брата была электротехника, в его рабочей комнате имелись телефонные провода, аппаратура. Родные просили его:

— Гдаля, пожалей себя и нас, сожги свои телефоны. Как ты не боишься хранить их?

— У меня нет врагов, на меня никто не донесет, — отвечал он.

Сын Гдали Борис был комсомольцем — об этом кое-кто знал.

Мы просили брата уехать из города, но Гдаля только посмеивался.

Однажды утром в октябре 1919 г. к нам в дом вбежала соседка и, обращаясь к моей матери, закричала:

— Вы ничего не знаете... У вашего сына Гдали Геклера уже со вчерашнего вечера происходит обыск. Все арестованы... Поляки оцепили улицу и никого не пропускают, всех гонят прочь или забирают...

Мы поняли: семья Гдали погибла.

Я бросилась к брату. Когда я добежала до его дома, обыск уже окончился. От соседей я узнала, что накануне поздно вечером польские жандармы во главе с капитаном Казуба-Казубским ворвались в квартиру Гдали. Всю ночь длился обыск. Обыскали квартиру, двор, сарай. Под утро перекопали сад.

Обнаружив несколько мотков телефонного провода и злосчастные телефонные части, белополяки заявили: «Здесь разговаривают по телефону с большевиками».

Все сколько-нибудь ценные домашние вещи упаковывались в ящики и уносились поляками. Это стало «собственностью» капитана Казуба-Казубского. Две коровы также были уведены со двора.

Семья брата, включая и маленьких детей, была арестована.

Я обошла всех знакомых и даже многих незнакомых богачей, у которых были связи с белополяками. Я просила спасти брата, обещала деньги. Но богачи меня так встречали, что я поняла: помощи ждать неоткуда.

Арестованных отвели в дефензиву. Едва дождавшись следующего утра, я тоже отправилась туда. Дефензива помещалась в маленьком домике на Интернациональной улице. Я подошла к окну и увидела брата Гдаля и племянника Бориса. В их глазах был ужас. Заметив меня, они зашептали:

— Уйди, уйди сию минуту, иначе сейчас будешь тут же.

Прошел еще один мучительный день. Неожиданно для всех нас была освобождена Шифра, жена брата, и ее дочери — Лиза и Фаня, девочки 9 и 7 лет. Прямо из дефензивы они пришли к нам. Дети дрожали. Мы с трудом успокоили их. Шифра держалась бодро.

— Надо надеяться, — сказала она, — что дело не такое уж страшное. Раз выпустили нас, выпустят и остальных. Хуже, если это донос...

Шифра была так уверена в освобождении семьи, что даже пошла к польскому коменданту с просьбой вернуть ей хотя бы одну корову. Но в комендатуре Шифру снова задержали.

В это время девочки Лиза и Фаня находились у нас, в доме их бабушки. В 7 часов вечера к нам пришел сторож дефензивы и потребовал девочек обратно в дефензиву. Он заявил, что дети нужны для «допроса». Не дать их мы боялись. Думали, что это плохо отразится на ходе дела.

Мы проводили плачущих и перепуганных детей, умоляя сторожа привести их скорее обратно после допроса. Мы обещали ему хорошо заплатить. В то время город был на осадном положении, и вечером выходить на улицу нельзя было.

Я никогда не забуду, как плакали, как рвались к бабушке дети.

— Бабушка, мы боимся, мы не пойдем...

Их увели, и они больше не вернулись.

Когда Шифру отпустили из дефензивы, она сказала нам, что оставшиеся под арестом Гдаля, дочь его Эсфирь, сыновья Борис, Исаак, Мендель и муж Эсфири Соломон Баскин будут переведены из дефензивы в крепость. Я пошла к зданию дефензивы, надеясь их увидеть. Я долго стояла у здания, казалось, целую вечность... Наконец, они вышли в сопровождении конвоира — польского солдата с винтовкой. Я пошла за ними...

На мой вопрос, как с ними обращаются здесь, они ответили по-еврейски:

— Если вернемся, будет о чем рассказать. Пока нужно действовать. Сделать что-нибудь можно только деньгами. Идите к брату Шифры, может быть, он поможет.

Я шла за арестованными по направлению к крепости. Кон-

воир начал меня гнать. Я не уходила. Он поднял винтовку и сказал:

— Уйди, пся крев, а то дам прикладом.

— Уходи, — просили и арестованные. — Не все ли равно — меньше или больше на несколько шагов...

Мы издали попрощались. Попрощались навсегда...

Несколько дней арестованные просидели в крепости. Потом их перевели обратно в дефензиву. Мы так и не узнали, что сделали с ними в дефензиве. Гдале польские жандармы сказали, что его с семьей переводят в минскую тюрьму. Но вместо того чтобы повести их к вокзалу, — повели в сторону скотобойни. Арестованные, повидимому, поняли намерения палачей.

Жители улиц, по которым их вели, слышали нечеловеческие крики о помощи. Многие выбегали из домов, пытаясь узнать, в чем дело. Но жандармы прикладами загоняли их обратно.

Арестованных привели на бойню... Никакое воображение не в состоянии нарисовать картину происшедшего там.

Несчастных заставили выкопать себе яму...

Девять человек, полных сил и энергии, — взрослые, подростки и совсем еще маленькие дети — родная, дружная семья были зверски убиты на глазах друг у друга.

Люди, жившие недалеко от бойни, были предупреждены поляками, чтобы они никому не рассказывали о том, что услышат, иначе с ними сделают то же самое.

Несколько часов продолжалась «работа» жандармов над своими жертвами. Они погибли после жестоких пыток, под градом побоев. Один из солдат, окончив свое гнусное дело, зашел обмыть руки в соседний дом и сказал:

— Ох, и устал. Самое трудное было уложить эту молодую женщину. Ну и здоровая же она была.

Это он говорил об Эсфири.

В тот страшный вечер, ничего еще не зная, мы с матерью молча сидели дома за закрытыми ставнями, измученные неизвестностью и пережитым за эти бесконечно долгие два дня.

Вдруг мы услышали отдаленные выстрелы. Прижавшись к матери, я сказала:

— Мама, мне страшно от этих выстрелов.

— Мне тоже... — ответила мать.

Мы были совсем одни с нашим огромным горем. Нам некого было позвать на помощь.

До сих пор у нас осталась уверенность, что именно эти выстрелы — глухие и жуткие — унесли в ту ночь жизнь наших близких.

Наутро мы понесли арестованным передачу. Ни в дефензиве, ни в крепости мы их не нашли. В комендатуре нам грубо заявили, что они отправлены в Минск. Это нас немного успокоило.

Но как добраться до Минска? Для этого необходим пропуск.

Мы начали умолять брата Шифры поехать в Минск. Он был книготорговец, и ему легко было получить пропуск. Он уехал.

Но в Минске семьи Геклера не оказалось.

Прошло несколько дней. В городе начали распространяться слухи, что наши родные убиты белополяками. Говорили, что на бойне около большой свежесыпанной ямы видели человеческие мозги и разбросанные части одежды — детский башмак, воротник от платья.

Мы с сестрой пошли на бойню к сторожу Брегману. Он сказал, что около ямы действительно видели человеческие мозги, но нас это не должно интересовать, так как нашу семью увезли в Минск. Брегман еще рассказал, что поляки предупредили живущих недалеко от бойни, чтобы к яме никто не подходил, так как в ней зарыты павшие от сапа лошади.

*

Слухи о том, что семья Геклера убита на бойне, становились все более упорными. Мы снова пошли к Брегману. На этот раз Брегман молчал, и его молчание было красноречивее всякого ответа.

Моя мать подала заявление генералу Милевскому с просьбой разрешить откопать и похоронить нашу семью на еврейском кладбище. Генерал разрешил.

Был холодный, зимний день. Я никогда его не забуду. Метель застилала глаза. По глубокому снегу в казенной польской повозке девять изуродованных трупов были перевезены на еврейское кладбище. Их сложили в сарае. Хоронить должны были на следующий день. Весь следующий день польское начальство продержало нас на кладбище и, наконец, заявило, что похороны откладываются еще на день.

С раннего утра мы снова уже были на кладбище.

Посторонних сюда не пропускали. Были наша мать, сестра с мужем и я. Двое знакомых, сказавшись родственниками, пришли нас поддержать. Со стороны поляков были — пристав, судебный следователь и врач.

Перед тем, как трупы стали выносить из сарая, к нам подошел пристав и сказал:

— Мы будем вас здесь терпеть при условии, если вы будете молчать. Если вы хоть пикнете, мы вас выгоним.

Начали выносить трупы.

Когда мы увидели первый труп, мы с сестрой вскрикнули: — Это не наш.

Череп трупа был совершенно разбит, внутри его было пусто. Лицо было страшное, как будто застывшее от жуткого крика или смеха. Рот был раскрыт, сверкали два ряда белых прекрасных зубов.

Мать, всмотревшись в лицо, сказала:

— Это наш Соломон.

У меня подкосились ноги. Исчез последний луч надежды. Значит, все правда... это наши...

Труп унесли в мертвецкую для «вскрытия»... Мне и Берте нужно было опознавать трупы. Мы всматривались и узнавали знакомые черты...

Следующий был труп Шифры. Ее с небольшой проседью волосы стали белы, как лунь. Черты лица исказились, рот был раскрыт, как будто она жадно ловила воздух. Очевидно, ее закопали живой. Платье, испачканное кровью и землей, было разорвано и измято. Нижняя часть тела была обнажена. Все тело прострелено пулями.

Затем вынесли еще два тела — Бориса и Исаака. Борису было 18 лет, Исааку — 16.

При жизни они мало были похожи друг на друга. Теперь же трудно было сказать, кто из них Борис и кто Исаак. У обоих были разбиты и опустошены черепа. Берта указала на труп с выбитым глазом:

— Это Борис, — едва выговорила она. Мы горько зарыдали... Борис был нашим общим любимцем...

Нас снова позвали в мертвецкую.

Каждый раз, когда из сарая выносили новый труп, я закрывала обеими руками голову моей матери и прижимала к своей груди, чтобы она не видела обезображенные тела любимых людей. Я боялась за ее рассудок. Я держала ее до тех пор, пока труп не уносили в мертвецкую, куда ее не пропускали.

Вынесли тело Эсфири. Ее голова и лицо были обернуты черным шарфом. Повидимому, она прятала в шарф свое лицо, чтобы не видеть, что делается кругом. Прекрасные, густые черные пряди волос выбивались из-под шарфа... Эсфирь была беременна. Сейчас она лежала с разрезанным животом. Изуродованный труп 14-летнего Менделя лежал рядом с его форменной фуражкой Бобруйского городского училища.

Наконец, вынесли труп брата Гдали. Мать рванулась к нему. Я пыталась удержать ее, но она закричала:

— Пусти, пусти меня к моему дорогому сыну, я хочу попрощаться, посмотреть его черты...

Картину прощания трудно передать. Голова брата не была изуродована, губы крепко сжаты. Лицо его как бы застыло от ужаса. Ведь он видел, как убивали его жену и детей...

Последними вынесли двух маленьких девочек — Лизу и Фаню. Два маленьких трупика в знакомых платьицах, замерзшие, с простреленными ножками, лежали рядом...

При виде их кладбище огласилось жутким криком мужа сестры.

— Я больше не могу, не могу молчать... За что вы их убили?

Как мы вернулись домой, я не помню. Не помню, что было потом. В памяти остался только ответ судебного следователя:

— Они убиты как евреи и коммунисты.

ЗА КРЕПОСТНЫМ ВАЛОМ

обруйская военная крепость.

Обнесенная высокими стенами и насыпью с каменными башнями, с черными, устремленными на город глазами бойниц.

Угрюмые, из серого камня стены крепостных зданий — немые свидетели мрачного прошлого, свидетели пыток над томившимися в каменных мешках крепости декабристами, свидетели кровавой расправы над восставшими в 1905 г. солдатами дисциплинарного батальона, свидетели варварства легионеров Довбор-Мусницкого.

Здесь, в здании бывшего дисциплинарного батальона, томились красноармейцы, попавшие в плен к белоколякам. Здание представляло собой каменную коробку с просторным двором.

Польское командование двойным кольцом стражи окружило лагерь, отрезав его от внешнего мира. Время от времени открывались тяжелые ворота. В лагерь вводили новые партии пленников.

Снежное морозное утро.

Со стороны Титовки, через Березину, в направлении лагеря медленно движется партия пленных красноармейцев. Их уже успели раздеть на первых этапах, и сейчас, одетые во что попало, они жмутся друг к другу, чтобы хоть как-нибудь согреть стынущее на морозе тело.

Впереди партии идет польский офицер, по бокам — конвой.

— А ну, запевай, — приказывает офицер идущему в первом ряду красноармейцу.

Тот удивленно поднимает глаза.

— Запевай, говорят, пся крев, не видишь, к польским казармам подходишь.

Приказ офицера конвоиры прикладами доводят до сведения остальных красноармейцев. Двое красноармейцев пробуют возражать, но их тут же прикладами сбивают с ног.

И вот в морозную тишину утра врезаются слова старой солдатской песни. Запел силоватый голос. Несколько голосов подхватили. Это было очень мало похоже на песню.

«Чубарики, чубчики», — пели полуголые, обессиленные красноармейцы, спотыкаясь от толчков хохочущих конвоиров.

Лагерь. Открываются двойные ворота, пленных вводят во двор. Выстраиваются. Ветер носит по двору снежную пыль. Тонкие иглы снега впиваются в лицо. Кто-то подает на русском языке команду: «Смирно!» Из помещения канцелярии выходит комендант лагеря, поручик Серба,

— Коммунисты, жидаы и поляки, выходи, — спокойно командует он.

Из строя выходят девять человек.

Поправив пенсне, отвернув рукава шинели, Серба подходит к каждому в отдельности и бьет. Бьет спокойно, бьет до тех пор, пока у избиваемого не показывается кровь. Наибольшее количество ударов падает на долю поляков. «Изменники нации», — рычит Серба.

— Раздеть и поставить у ворот, — коротко приказывает он тюремщикам.

Молча стоят остальные товарищи, злобой блещут глаза, но они бессильны помочь.

Через полчаса в помещение вносят оставленных во дворе. Только один из них в сознании. Двое тут же умирают.

Крестьяне, приехавшие в город, видели, как вооруженные польские солдаты водили на работу изнуренных, одетых в жалкие лохмотья пленных красноармейцев, — копать за городом окопы. Изнемогая от голода, они останавливались около польских казарм и рылись в помойных ямах, выскивая картофельную шелуху и вылизывая банки из-под консервов. В городе узнали о мучениях пленных, о том, что лагерь охвачен эпидемией тифа. Подпольный большевистский комитет через Красный крест мобилизовал общественность на помощь пленным красноармейцам. Местные врачи предложили свои услуги для борьбы с тифом. Но польское командование на предложение врачей лечить красноармейцев ответило:

— Их не лечить, их расстреливать нужно.

И только тогда, когда на предприятиях Бобруйска вспыхнула забастовка протеста против зверского обращения с пленными красноармейцами, и о лагере стала писать советская и заграничная пресса, генерал Милевский решил организовать санитарно-эпидемический отряд.

Утром 10 декабря 1919 г. группа врачей была вызвана в комендатуру.

Начальник санитарной части лагеря фельдшер-поляк объяснил врачам их основные обязанности.

— Ваше дело, уважаемые коллеги, — говорил он, поблескивая стеклами пенсне, — сортировать больных. Учтите, что все то, что происходит в лагере, в городе не должно быть известно.

В грязных, нетопленных казематах, с выбитыми стеклами, на голом цементном полу, на сгнившем сене, съедаемые паразитами копошились люди. Рядом с больными, мечущимися в тифозной горячке, лежали давно остывшие трупы. С них сняли одежду живые товарищи, чтобы согреть коченевшее тело.

— Пить... Пить... — доносится из всех углов. Но воды в помещении нет.

Высоко в углу мигает керосиновая лампа. Больной красноармеец через трупы и живых ползет к дверям, чтобы спуститься

по лестнице и снегом смочить пересохшие губы. Карабкается, срывается со скользких ступеней и падает вниз на каменную площадку.

Пленных почти не кормили. Приносимой в ведрах коричневой бурды, именуемой кофе, на всех нехватало. Многие не могли подняться, чтобы ее получить. Счастливым удавалось иногда поживиться помоями из лагерной кухни. Узники искали еды, в порыве отчаяния шли на риск. Однажды пять пленных, согнувшись, пробрались по двору к хлебному складу. У одного в руках был кол с гвоздем на конце. Один стал на плечи другому, просунул кол. Буханка хлеба уже в руках, но тишину ночи неожиданно нарушает ружейный залп. Пять человек убито. Из-за угла здания вышел кем-то предупрежденный поручик Серба с группой вооруженных солдат.

Санитарно-эпидемический отряд обратился к высшему командованию с просьбой об улучшении положения пленных красноармейцев.

Генерал Милевский заявил:

— Мы очень плохо делаем, что берем большевиков в плен. Их нужно просто расстреливать. Они несут нам только заразу.

Другой генерал сказал:

— Господа, не думайте устраивать лазареты. Лазареты нужны для наших солдат. И стоит ли говорить о том, что мы не можем давать этому быдлу ни белья, ни медикаментов? И то и другое необходимо нашим солдатам. Что за беда, если больные пленные перемрут, по крайней мере их не придется кормить. Самое лучшее, что можно сделать, это сжечь лагерь вместе с пленными.

Санитарно-эпидемический отряд приступил к работе. Из казематов были вынесены трупы. Носилками служили сорванные с петель двери.

Жуткую картину представляла собой погрузка трупов. При свете фонаря продрогшие красноармейцы, раскачивая, бросали на возы закоченевшие трупы товарищей. «Погрузка» шла всю ночь. Три раза направлялась мрачная процессия в сторону военного кладбища. Группа пленных под наблюдением польского конвоя сопровождала возы. Изнемогая от усталости и холода, они еле держались на ногах. Некоторые падали; конвоиры поднимали их на ноги пинками и прикладами.

Когда процессия достигла военного кладбища, пленным красноармейцам было приказано рыть одну общую могилу. Трупы сбрасывались в огромную яму.

Под высокими соснами нашли себе покой замученные белополяками бойцы Красной Армии. Двести пятьдесят и один. Двести пятьдесят первым был красноармеец Жиморский. Живым его заставили лечь в эту страшную могилу. Над могилой склонилась усатая морда начальника конвоя. Бандит два раза выстрелил в грудь красноармейца. Товарищи закопали могилу.

Красный крест организовал сбор среди населения белья, продуктов питания и средств для закупок медикаментов. Учащаяся молодежь отиравалась в ближайшие деревни, собирала хлеб, сало, сено, дрова и все это доставляла в лагерь.

Среди пленных разнеслась радостная весть: в лагере будет баня. Баня! Теплая вода для измученного тела! О бане говорили, как о празднике. В самом деле, во дворе по настоянию санитарно-эпидемического отряда была оборудована заброшенная баня. Организацию пропуска пленных через баню тюремщики взяли на себя.

Был февраль. Стояли сильные морозы.

Группу выздоравливающих выстроили во дворе. По команде пленные разделись. Одежду забрали в дезинфекционную камеру. Часть пленных пустили в баню, большая часть осталась в холодном предбаннике в ожидании своей очереди.

На каждого входившего в баню набрасывались два молодца и терли его щетками, которыми чистят лошадей. Это причиняло невыносимую боль. Многие кричали. Через десять минут раздалась команда: «Выходи!» Вымывшиеся выходят в предбанник. Здесь кричат и стонут посиневшие от холода ожидающие своей очереди. Кос-как пленные из предбанника ползут в баню, уступая свое место вымывшимся.

Большинство из этой группы вскоре умерло от крупозного воспаления легких.

Как ни велики были усилия санитарно-эпидемического отряда, смерть вырывала из лагеря каждый день по сорок-пятьдесят жертв. Погибали и работники отряда. Заразились тифом и умерли врач Раскин, сестра Боборыкина и многие другие.

В один из весенних дней в лагере произошли большие перемены. Из сотен больных командование лагеря отобрало наиболее здоровых и поместило их в отдельное помещение. Туда поставили койки. Больных одели в чистое белье. По двору хлопотливо бегал комендант лагеря поручик Серба, отдавая солдатам различные распоряжения.

Сбившийся с ног медицинский персонал знал только одно: приехала какая-то комиссия.

Действительно, в Бобруйск приехала комиссия американского Красного креста.

Утром этого дня генерал Милевский вызвал главного врача эпидемического отряда и коротко объяснил:

— Миссия должна убедиться, что никаких эпидемий, никакого бесчеловечного отношения к военнопленным и вообще всего того, о чем писали большевистски настроенные американские газеты, в лагере нет. Можете получить в польском военном госпитале белье на 50 коек, медикаменты и халаты на 10 человек медицинского персонала.

Прежде чем отпустить врача, генерал Милевский встал из-за стола, его лицо потеряло обычную суровость.

— Я надеюсь, доктор, — мягко заговорил он, — что к десяти часам утра госпиталь будет иметь надлежащий вид. Во избежание каких-либо недоразумений, — генерал несколько минут помолчал, — количество больных не должно превышать пятидесяти человек. Чтобы действительно было не больше пятидесяти, позаботится поручик Серба. До свидания.

Когда американская миссия посетила лагерь, она нашла сравнительно чистое помещение с покрытыми свежим бельем койками. Между койками бесшумно ходили сестры в белых халатах с красными крестами на рукавах. Двери других помещений были забиты досками как пустующие.

Миссия осталась довольна. Члены миссии крепко пожали руку коменданту крепости и впервые пришедшему в лагерь гарнизонному врачу. Они сделали несколько фотографических снимков.

Вечером в разукрашенном зале офицерского казино провозглашались торжественные тосты. Автомобиль генерала Милевского доставил членов миссии на вокзал, где их ожидал специальный вагон.

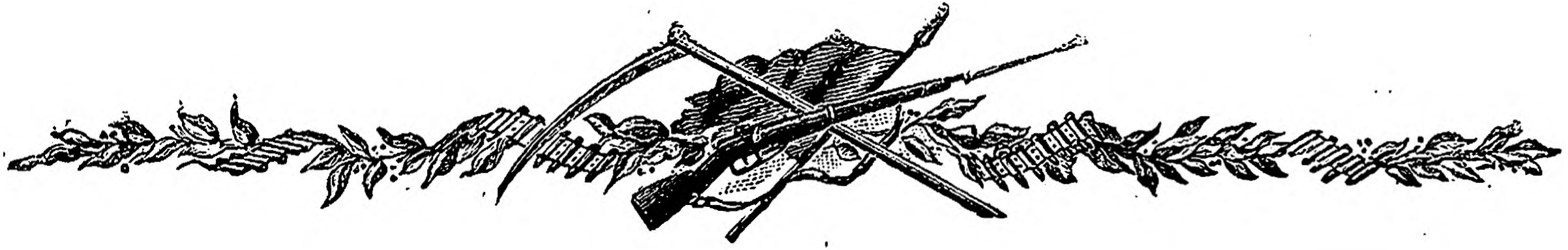
Шестого июля, удирая под натиском красных войск, белополяки подожгли лагерь.

Около трехсот пленных, более здоровых, они увели с собой. Остальных оставили в подожженном лагере. Работники санитарно-эпидемического отряда, рискуя жизнью, с помощью подоспевших жителей спасали пленных из пылавшего здания.

За окраиной города, там, где начинаются зеленые поля, где, покачивая верхушками, стоят на возвышенности березы и сосны, расположено военное кладбище.

На братской могиле пленных красноармейцев стоит серый гранитный памятник. На памятнике высечена надпись:

«Вечная слава красным бойцам, погибшим за победу Октябрьской революции. Тихий покой их братским могилам. Месть сражившему их классовому врагу».

РАЗОРЕННЫЕ ДЕРЕВНИ

Воспоминания Н. РУНЦО, колхозника
колхоза «Червоные Дубники»

ШПИОН

Х8511

П

ри советской власти земельная комиссия роздала всю помещичью землю батракам, безземельным и малоземельным крестьянам. Когда в августе 1919 г. в село Дубники пришли белополяки, бывшие владельцы стали отнимать у крестьян землю.

Земли у нас с братом было мало: всего по три десятины на семью. Приходилось арендовать землю помещиков Шевича, Лунцевича и других и отдавать им за это половину урожая.

У меня на поле помещика Лунцевича уже была посеяна гречиха. Он ее всю снял... У моего брата Лунцевич всю рожь забрал, несмотря на то, что сам условился взять только половину урожая.

В имение Иванова прибыл с солдатами офицер Андреас. Андреас был сыном управляющего имением Шевича. Белополяки установили в имении пулемет и, чтобы нагнать страх на крестьян, начали пальбу.

Рабочие фабрики «Труд» и окрестные крестьяне услышали выстрелы и собрались посмотреть, что будут делать паны. Андреас, увидев их, заорал:

— Чтобы через пять минут здесь никого не было! Чтобы больше никто не посмел трогать господское добро!

Люди начали расходиться. Тогда Андреас крикнул:

— Стойте! Идите ближе, буду читать манифест!

И начал:

— Если кто взял что-либо раньше из помещичьего — с того кожу снимем. Если кто взял что-либо теперь — того расстреляем.

Владельцы фольварков полностью отняли у крестьян взятую ими помещичью землю. Крестьяне должны были отдавать с урожая помещику три снопа, а себе оставлять только два. Там, где рожь была убрана до прихода белополяков, они потребовали, чтобы за урожай, снятый с земли кулаков и помещиков, крестьяне отработали. Всю осень пахала и работала на полях помещиков и кулаков деревенская беднота. Но нашлись смельчаки, которые заявили, что требования мироедов о сдаче части урожая они выполнять не будут.

— Земля не ваша, мне ее по закону дали, я сеял, я и убирать должен.

Тогда в деревню приезжали легионеры и забирали силой весь урожай, забирали даже то, что было посажено на огородах.

Помещики и кулаки наглели все больше и больше. С крестьян, которые участвовали в работе по продразверстке, начали требовать собранный советской властью хлеб и фураж. Требовали скот и даже срубленные деревья, из которых крестьяне успели построить новые избы и заборы. По деревне зашныряли панские лакеи. Начался самый дикий и беспощадный грабеж трудового крестьянства.

Как-то зимой, в начале 1920 года, брат мой Иван Рунцо ехал в Игумен. Нагоняет человека. Неизвестный попросил подвезти его. Брат согласился. Человек стал расспрашивать, как живет в деревне. Брат ему рассказал, как плохо живут крестьяне при белополяках. Разговорились. Незнакомец назвал себя жителем деревни Дукоры. Он объяснил:

— Я от Красной Армии. Всеми мерами, какие только возможны, веду работу в помощь красным.

Брат понял, что незнакомец — большевик. Он привез его в нашу деревню и помог ему собрать надежных людей.

Таким образом у нас организовался партизанский отряд, в него вошли: брат, я, мой родственник и тезка Николай Рунцо, Григорий Кравченко и Тимофей Пехота.

Мы собирали сведения о расположении и укреплениях польских войск и передавали их большевикам за реку Березину. Оттуда же приносили оружие: гранаты, винтовки и даже динамит. Динамит был у нас спрятан в дровах. Это дело было возложено на Тимофея Пехоту. Один раз за Березину ходил Кравченко. На собраниях партизан наш руководитель говорил, что наша задача с помощью этого оружия всячески помочь Красной Армии при ее наступлении. Где необходимо, взорвать железнодоро-

рожные мосты, испортить пути. Правда, это оружие у нас не задерживалось. У нас было нечто вроде передаточного пункта. Оружие, гранаты передавались в деревни Чернову и Дукору.

Часто собирались и крестьяне. Они ненавидели белополяков. Соберутся и начнут между собой беседовать.

— До каких пор будут продолжаться такие порядки? Неужели граница останется на реке Березине, и нам придется жить под панским ярмом? Наш руководитель всегда в таких случаях говорил:

«Надо бороться. Придет время, и мы снова избавимся от панского ярма».

Нам с братом Иваном было поручено хранить и распространять прокламации. Прокламации лежали у нас на чердаке во мху.

По заданию большевиков мы их разбрасывали среди населения и там, где стояли польские части. Однажды мне притащили много прокламаций на польском языке. Я и сейчас помню книжечки папиросной бумаги с надписью: «Закури да призадумайся». Книжечки рассказывали, зачем в Советскую страну пришли польские интервенты, описывали их дикие зверства.

У меня лошади не было. Один крестьянин запряг свою лошадь и поехал будто бы в Гродзянку на заработки. Положили мы на сани прокламации, листовки и повезли. Разбросали в Лядах, Курганах, Горках и Гродзянке. Старались наклеивать на заборы.

Этого поляки очень не любили. Сейчас же приказывали собирать и сжигать все прокламации. Польских солдат, которые читали прокламации, жестоко избивали.

Так мы собирались и работали всю зиму. Мы знали, что в середине мая предполагается наступление Красной Армии. Мы и готовились к этому наступлению. Стали чаще навещать красноармейцев за Березиной.

Но наша неопытность и в особенности невыдержанность Григория Кравченко погубили все дело. Несмотря на неоднократные предупреждения, что надо быть особенно осторожным, Кравченко, получив задание доставить секретные сведения за Березину, проболтался об этом своей знакомой. Она провожала его, плакала, и все это видели. Возвратившись домой как раз перед пасхой, он решил идти ко всеобщей в Игумен. Зашел ко мне, чтобы я ему дал пальто... Я заметил у него красную ленту, перетянутую через плечо. «Сними, — говорю ему, — зачем это, ведь могут увидеть». Но он не послушался, надел пальто и так пошел.

К Кравченко белополяки подослали шпиона из дефензивы. К нему явился человек и назвал себя большевиком. На эту удочку Кравченко и попался. Шпион подошел так, что Кравченко ему и про динамит рассказал и состав партизанского отряда выдал. В Дубниках этот шпион был раза три. Был и в соседних деревнях, познакомился с партизанами.

Через несколько дней под утро, было еще темновато, наехали целым отрядом в нашу деревню поляки. Мы еще спали.

Я проснулся от какого-то странного шума. Выглянул в окно и понял — нас окружили. Я удрал на гумно и там спрятался. Не прошло и получаса, как польские солдаты нашли меня и стали зверски избивать. Наконец, сковали мне цепями руки на спине, прикладами вытолкали за калитку и привязали этой же цепью к забору. Вскоре привели брата Ивана, Николая Рунцо и Григория Кравченко. Их также к забору привязали и стали избивать шомполами и нагайками. Я понял, что нас выдали.

*Воспоминания А. РУНЦО, доярки
колхоза «Червонные Дубники»*

АРЕСТ ПАРТИЗАН

Встал утром Иван, мой муж, и вышел из хаты. Сказал, что идет покормить лошадь. А во дворе полно поляков. Они зашли в хату.

— Где большевик твой? — спрашивают.

— Нет у меня никакого большевика, а есть мой муж.

— А где твой муж?

— Вышел лошадь покормить.

Смотрю на улицу, а муж мой стоит, к забору цепью привязанный. Поляки в хате все обшарили, пол подняли, в сундуке все перевернули. Забрали полотенца, 100 рублей денег. Все выбросили на пол и кричат: «Давай большевика!» и бьют меня плеткой. Потом полезли на чердак и забрали сало.

Смотрю на улицу: Кравченко и Николая Рунцо — брата моего мужа — тоже привязали к забору, бьют их шомполами, нагайками и о чем-то у них все спрашивают. Потом нас, жен, загнали в одну хату и заперли. Кравченко бросили на телегу и повезли в Колодежи. Мой муж и Николай остались на улице привязанными к забору. Когда нас вели в хату, я успела дать им покурить.

В хате поляки стали требовать:

— Отдавайте винтовки, гранаты и пулеметы.

Мы говорим:

— Нет у нас никакого оружия.

— А динамиту три пуда кто принес к вам?

Мы испугались и молчим. Тогда они говорят:

— Не скажете, так мы вас здесь подождем, и вы все сгорите.

Держали нас долго, издевались над нами, но мы ничего не сказали. Наконец, нас отпустили и приказали готовить завтрак для поляков.

Вышла я из хаты, где нас допрашивали, вижу — арестованных нет возле забора, увели куда-то. Прихожу домой — за сто-

лом сидят поляки. Офицер приказывает мне готовить завтрак. Пришлось отдать им все, что было в хате. Когда я нажарила полную сковородку сала, один польский солдат тихонько говорит: — Отнеси своему большевику поесть, он в хате Николая Рунцо.

Понесла я ему несколько шкварок и пару яичек. В хате кроме моего мужа сидели Николай Рунцо и другие партизаны. Муж откусил один раз яйцо и взял кусочек хлеба, а остальные ни до чего не дотронулись. Я выбежала и принесла им кувшин молока. Со мной сынишка прибежал. Гляжу, он играет замком, которым скреплены цепи на руках отца. Отец показывает на польского солдата и говорит мальчику:

— Проси, сынок, этого пана, чтобы он отомкнул замок, тогда мы вместе с тобой домой пойдем.

Один поляк и говорит:

— Если бы наша власть, так мы бы тебя из дому даже не взяли, сирот бы малых не оставляли.

Другой же солдат буркнул:

— О, пся крив, еще их, большевиков, жалеть, — и оттолкнул ребенка от отца.

Не разрешили нам больше сидеть. Обула я мужа в лапти и пошла домой. Через некоторое время их по одному привели в нашу хату. Нас выгнали, а Ивана вишневыми розгами и дубцами начали сечь неимоверно. Так били, что на нем места живого не осталось, все тело кровью налилось, а дубцы на куски поломались. Он уже не мог терпеть и рычал, стиснув зубы. Страшно было слушать.

После этого поляки велели запрягать лошадей и везти арестованных в Пуховичи. Я попросила:

— Паночки, разрешите мне везти самой, хоть коник у меня и плохой.

— Вези, — говорят.

Запрягла я лошадь. Моего мужа и Николая, связанных одной цепью, положили ко мне на воз. Другого Николая Рунцо, нашего родственника, связанного с Денисевичем, — на подводу моего деверя бросили. Поехали. От каждого толчка телеги несчастные стонали от боли, не зная, куда деваться. В особенности руки у них болели, их так сильно перетянули цепями, что они синие стали и самих цепей не было видно: они врезались в мясо. Я начала просить:

— Паночку, освободите хоть немножко, они же не доедут от боли.

— О, пся крив! — закричал он. — Мы подержим их так дня три, так руки с костями сами отвалятся.

И не освободил, гад!

Когда приехали в Ляды, белополяки опять начали издеваться над арестованными. Плевали в лицо, били прикладами и кулаками по подбородку. Языки у них распухли, изо рта шла

кровь. Лица были расцарапаны и изранены. На раны поляки сыпали пепел от папирос. Мать Григория Кравченко не узнала родного сына.

В Лядах меня отпустили домой, а их положили на другую подводу и повезли дальше в Пуховичи.

*Воспоминания К. ДЕНИСЕВИЧА,
сторожа колхоза «Червонные Дубники»*

СУД НАД ПАРТИЗАНАМИ

Когда поляки ворвались в деревню, было еще темно. Надев свитку, я выбежал из хаты и спрятался за сараем. Белополяки искали меня в хате, перевернули все вверх дном, пытались взломать пол. В это время два польских солдата, ловя кур, стали приближаться к тому месту, где я прятался. Я вижу, что меня найдут, и сам вышел. Солдаты ко мне:

— Денисевич?

— Да.

И они принялись бить меня по лицу. Бьют и повторяют:

— Давай 200 винтовок, давай пулеметы.

— Нет у меня, ничего я не знаю.

Они мне на руки надели цепь и так ее закрутили винтовкой, что кости затрепали. Меня привязали к забору рядом с Иваном и Николаем Рунцо. Нас начали бить и все спрашивали, где динамит, где пулеметы. Григорию Кравченко положили патроны между пальцами рук и давили прикладом винтовки. Обломали все пальцы. Он не выдержал боли и сказал, где лежит динамит. После этого поляки начали избивать нас еще сильнее.

Скованных, почти без сознания, положили нас на телеги и привезли в Пуховичи. У нас все болело, особенно руки. Из глаз слезы сами лились. В Пуховичах начались допросы. На допрос нас вызывали по одному человеку. Меня вызвали и первым делом ударили сначала по одному, потом по другому уху и спрашивают:

— Где винтовки и пулеметы?

Я говорю:

— Не знаю.

А они продолжают спрашивать:

— Где 200 винтовок?

У нас их столько и не было. Два пулемета были разобраны и лежали у Николая Рунцо. Когда я сказал «не знаю» и отошел, один из жандармов взял меня за волосы и ударил головой о стенку. У меня изо рта кровь пошла. Они приказали ее вытереть своими портянками. Я ничего не ответил. Меня начали сечь

плетками. Дали мне 25 плеток. Я молчу. Они намочили в воде мешок, накрыли меня и опять начали сечь. Я молчу. Они стали меня бить шомполами по пяткам. Приставляли к виску наган, плевали в лицо, издевались, как хотели. Наконец, отвели в камеру.

Всех так избili, что не осталось живого места. К вечеру нас опять заковали по-двое и бросили в темную комнату.

На завтра был суд. На суде был и священник. Он принимал от нас присягу, что будем говорить правду. Нас увели и потом еще два раза вызывали, когда речь шла о динамите и пулеметах. Все остальное время суд проходил без нашего присутствия. Судья спрашивает:

— Где динамит брали?

Иван Рунцо отвечает:

— Нашел в лесу в дровах и привез.

Судья постучал в дверку, вошел провокатор и говорит:

— Собачья ваша морда, вы же мне сами говорили, что вам динамит из-за реки передавали.

Тут судья свистнул, показал рукой на выход, и нас опять вывели в коридор.

Вызвали второй раз. Я так и не помню, что им говорил Николай Рунцо. Помню, он никого не выдал. Меня отвязали от них и, надев ручные кандалы, отвели в другую камеру, а их троих бросили в умывальную комнату караульного помещения. Им очень хотелось курить. Через старшего по караулу они попросили дать им покурить. Я достал махорки и бумаги, свернул одну папироску и понес им. Руки у них были связаны на спине. Так я им по очереди эту папироску и давал. Они жадно курили. За ночь я им три раза носил покурить.

На утро прочитали приговор: мне 8 лет концентрационных лагерей, а Рунцо Ивана, Рунцо Николая и Григория Кравченко приговорили к расстрелу.

Я все видел через щелку. Перед смертью им развязали руки и сказали:

— Можете причесаться.

— У нас нет гребенки, — говорит Кравченко.

Им дали гребенку. Они причесались и попросили покурить. Жандармы отказали.

— Так дайте есть.

Еду принесли, но никто из них до нее даже не дотронулся. Им снова скрутили проволокой руки и вывели. Через некоторое время раздался залп... Это их расстреляли. Меня же в кандалах отправили в Осиповичи.

В мае при наступлении красных нас вместе с осужденными польскими солдатами отправили в Лиду, где находился концентрационный лагерь.

Когда я в начале июля заболел, с меня сняли кандалы и по просьбе врача стали пускать на прогулку, а затем назначили помощником кочегара. Я мог дальше отходить от лагеря и по-

знакомился с пленными красноармейцами. С ними я убежал из концлагеря и пробрался к себе в деревню.

После расстрела партизан поляки опять оцепили нашу деревню, наложили штраф по 500 рублей на каждую хату и приказали собрать овса, яиц, сала, масла. Ограбили село начисто. Каждый нес последнее — так все были напуганы.

Когда приехала к нам красная конница, крестьяне угощали красноармейцев всем, что имели. Мы показывали красноармейцам дорогу и помогали им ловить удиравших бандитов.

Женщины плакали от радости и просили, чтобы больше к нам не допускали белополяков. Скоро белополяки были выгнаны с нашей земли окончательно.

*Рассказ Е. ПАВЛОВИЧА, сторожа
колхоза имени Ворошилова*

ЖИВЫХ В ЗЕМЛЮ ЗАКАПЫВАЛИ

В село Драхчу-Булгакскую белополяки пришли в августе 1919 г. Я был десятским села. Помню, как пришли, так сразу же потребовали овса. И какой у кого был овес, весь забрали. За время своего пребывания все очистили. Придут в хату и спрашивают:

- Есть корова?
- Есть.
- Режь на мясо...

Один раз приехали и приказали: дать на мясо двух коров. Я тут же собрал крестьян. Решили забрать корову у объездчика и кулака Крука. За это Крук меня чуть не загубил. Он донес белополякам, что я зарезал его корову, а мясо отравил. Кроме того, он рассказал, что я красным патроны давал, партизан скрывал, оружие хранил. Ужас что потом было.

— Бей его! — говорят поляки Круку. — Мясо травить вздумал, старый пес.

А Павел Крук и рад стараться. Он, здоровый гад, раз десять так меня ударил кулаком, что у меня кровь из ушей пошла. Я еле поднялся. Упаду, подымусь, он опять бьет. А бандиты своими бизунами¹ еще добавляют.

Затем мне и моему соседу бедняку Степану сказали, чтобы мы попрощались с родными. Стали прощаться, поднялся крик, плач: баба плачет, дочь плачет, а они, двенадцать человек, схватили нас, повели за деревню в поле и велели копать яму.

Копаем. Они кричат: «Довольно!» Я говорю:

— Мало, собаки вытащат... — и шепчу Степану: — Будем глубже копать.

Вырыли глубокую яму. Они поставили нас у края ямы, за-

¹ *Бизун* — по-белорусски кнут. Здесь бизунами названы нагайки.

крыли шапками глаза и дали залп. Мы стоим. Оказывается, солдаты выстрелили вверх.

Подожли они, втолкнули нас в яму, велели ложиться и начали заваливать нас землей. Не знаю, как глубоко мы были засыпаны, только стало ужасно тяжело — земля давит, песок лезет в глаза, уши, рот. Вдруг кто-то прыгнул в яму. Откопали меня. Когда солдат поднял мою голову, в глазах у меня зеленые круги пошли. Я стоять не мог — ноги подкашивались, а тут велют мне Степана откапывать. Дрожу я весь, стараюсь быстрее освободить товарища. Откопал его. Вытащили нас из ямы. Я еще держался на ногах, так они меня в подвал в имение Драпча-Паненская погнали, а бедняжку Степана в Игумен в госпиталь отвезли. Там он и скончался.

В подвале барского дома сидели все наши односельчане. Некоторые были избиты до неузнаваемости. Духота, тесно, ничего не видно. Не только сесть — стоять негде. Просим пить, так они издеваются — ведро с конской мочой показывают. Сидели мы в этом подвале целую неделю. Избивали нас до полусмерти и так мучили, что сказать нельзя. Принесут ветки шиповника, одному велют лечь, а другому — бить его этими ветками. Ну, как будешь бить своего? Стоишь. Тогда солдат шомполом или бизуном ударит тебя по голове. Ну, начнешь для вида бить.

— Не так! — орет жандарм. — Ложись сам, а ты поднимайся и бей его.

Товарищ бьет также для вида. Тогда жандарм показывает, как надо бить. Он так хлещет, что даже пришедшие с ним польские солдаты смотреть не могут: отвернутся и плачут.

Бросит жандарм шиповник, железным прутом начнет ударять. Согнется прут — велит выпрямить и опять принимается бить. Обомлеет человек. Обольют его холодной водой — отойдет, зашевелится. Прикроют его мокрым мешком и опять бьют. Обертывают бумагой или соломой ноги и поджигают. На ногах вздуваются пузыри, лопаются, из них течет — смотреть страшно. Шомполами как дадут по пяткам — вся кожа отстает. Стоять нельзя, ползают на коленках. Так избивали до полусмерти целую неделю... Ивану Павловичу все ногти повырывали. Резали ему ножом плечи и посыпали раны солью. Константина Сушу подвешивали вверх ногами. Нельзя и поверить, чтобы человек мог выдержать такие страдания.

Тюремщики подговаривали нас к побегу, хотели под этим предлогом расстрелять. Но мы на это не поддались.

Наконец, нас погнали в Игумен в тюрьму. Допросы длились девять дней. Ведут из тюрьмы в разведку и так дадут прикладом, что падаешь. Раз десять ударят пока на допрос приведут. На допросе одно и то же:

— Говори, кто партизаны, кто оружие имеет, у кого патроны есть?

— Панок, — отвечаешь, — ничего не ведаю, не знаю.

Сейчас же пальцы в дверь и прищепят. Наконец, на десятый день привели нас в суд. Один из нас спросил, можно ли показать, как нас избили. Судья разрешил.

Товарищ показал им тело, все черное, как смолой крашеное. Присудили нас — кого на сколько: Ивана Шкуру расстрелять, меня — в Белосток на вечную каторгу.

Ивана Шкуру расстреляли на второй же день после суда. Раньше ему глаза выкололи, потом все тело ножами изрезали и после этого пристрелили. . .

На деревню нашу наложили контрибуцию: на двор по корове и по 1500 марок. Забрали все: хлеб, сало, одежду, даже сапоги с ног снимали, одним словом, все очистили.

Мы ожидали отправки этапа, а тут пришли красные части. Освободили нас из тюрьмы. Плачем мы все от радости, людей собралась уйма, и они плачут, глядя на нас. Что вы думаете, — это же из могилы на волю выйти!

Пришел я домой, собрал из жита патроны и отдал их красным войскам:

— Бейте, детки, бейте гадов, не жалейте, бейте так, чтобы больше они к нам не вернулись.

Воспоминания Л. ПАВЛОВИЧА.

Деревня ДОМОВИЦК, Червеньского района

«ПОДАВАЙ СЮДА РАССОЛ!»

В дождливое майское утро 1920 года нагрянули в Домовицк белополяки. — Есть рассол? — спрашивали они у встречных крестьян, стучали в окна, заходили в хаты, залезали в сени, в погреба, переворачивали бочонки. — Подавай сюда рассол!

— Зачем им рассол? — недоуменно покачивали головами крестьяне. — Масла и молока нажрались, так подавай рассол!

Истрадавшаяся деревня Домовицк хорошо узнала белопольских бандитов. С первого же дня они потребовали лошадей и подвод, коров и овец. Шли из хаты в хату, выпивали молоко, съедали хлеб, яйца. Хлева и амбары давно уже были пусты.

Не осталось в Домовицке человека, который не испытал бы польского бизуна или приклада. Жену Лаврена Павловича вконец истерзали. Секли плетьюми. У нее на руках был грудной ребенок, ударили и ребенка по ногам.

Старика Томчина зверски били, приставляли к стенке, угрожали расстрелом. . . Акулича схватили, перевязали руки колючей проволокой и давай закручивать штыком. . .

Всего натерпелись домовичане! И теперь с тревогой ожидали: что же будут делать паны, если найдут у кого рассол?

Моросил холодный дождь. Небольшой двор Степана был окружен плотным кольцом белополяков. Во дворе стояли согнанные со всей деревни крестьяне — мужчины и женщины. Все были раздеты до пояса, дрожали от холода.

Здесь домовичане увидели и узнали, для чего понадобился белополякам рассол.

Время от времени из хаты выходил солдат. Отсчитав десять человек, он вводил их в хату. Посреди хаты на полу лежало перевернутое корыто, а рядом — ушат с рассолом. Несколько солдат, вооруженных бизунами, стояли наготове.

За столом сидел пьяный польский офицер. Он вел «допрос».

— У кого оружие? — хрипел офицер. — Кто партизан? Кто нас обстреливал, когда мы отступали?

— Не знаю, паночки. . . — слышалось в ответ.

— Взять.

Полураздетого, посиневшего от холода человека бросали на корыто спиной вверх. Один солдат держал за ноги, другой — за голову. Секли бизунами без всякого счета. . .

— Кто помогал большевикам? — кричали над ухом избиваемого озверевшие палачи.

Вздувались на теле багровые рубцы. Их поливали рассолом и опять секли. Снова поливали рассолом. Когда истязуемый не мог уже ни кричать, ни стонать, его оттаскивали в сторону.

Изувечив таким образом тридцать человек, их вывели и заперли в темный амбар. Несколько дней оттуда слышались стоны. Соль разъедала раны. Огромные пузыри вздувались по телу и лопались от каждого неосторожного движения. . . Потом пришли жандармы. Вытолкнули полуживых людей из амбара и повели по деревне. Приказали петь веселые песни и маршировать из одного конца деревни в другой.

*Воспоминания красноармейца Н. МАГЛЫША,
бывшего колхозника колхоза «Комбайн»*

НЕОЖИДАННОЕ СПАСЕНИЕ

1920 году мне было 16 лет. Однажды утром будит меня сестра:

— Вставай и прячься скорее, у нас в доме поляки.

Из соседней комнаты доносился запах жареного сала.

Это мать и сестра «угощали» незваных гостей, чтобы дать мне возможность спрятаться. Поляки пили и ели.

Бежать в поле было уже поздно: все равно заметили бы. Решил пробраться на чердак. На чердаке в углу лежала пакля. Я залез в паклю, спрятался и лежу.

Вдруг слышу — идут ко мне на чердак. Я притаился, не дышу. Шаги все ближе и ближе. Через минуту пакля была разбросана по чердаку. Передо мной стоял польский солдат. Он гадко улыбался:

— Что пан тут делает?

От его улыбки жутко. Я говорю:

— Ничего. Боюсь панов.

Все с той же улыбкой он приказал мне идти за ним. Мы пришли в соседний сад. Там его ждали пять польских солдат.

— Вот где есть большевик, пся крив, — заявил он солдатам, показывая на меня.

В эту минуту подходит еще один солдат, он нашел у нас во дворе под сложенными досками несколько патронов. Повидимому, их подобрали и спрятали туда ребята.

Поляки окружили меня. Один ударил по лицу.

— Признайся, где прячешь оружие!

— Пань, я ничего не знаю об оружии.

— А откуда здесь патроны?

Подошел другой, тоже ударил.

— Где лежит оружие?

Так все шесть человек по очереди избивали меня. Я перестал сознавать, где нахожусь и что со мной.

Один из солдат потянул меня за руку:

— Идем!

Другой потянул в другую сторону — чуть не разорвали меня.

Третий солдат вынул из кобуры револьвер и приставил к моему виску. Снова начались пытки.

— Признайся, а то застрелю.

Я не мог им ничего ответить.

Солдаты потащили меня под яблоню. Арестовавший меня поляк говорит:

— Ложись, пан!

Я лег. Солдат взял лопату и отметил на земле у моей головы и ног мой рост.

— Вставай, пан. Копай землю.

Не понимая еще, чего от меня хотят, я взял из его рук лопату и стал копать.

— Заснул! Быстрее копай! — орал солдат.

От непрерывных ударов в голову я перестал слышать и почти ничего не видел. Солдат снова начал бить меня по лицу. Я понял, что надо быстрее копать. Вырыл яму по пояс.

Легионер остановил меня:

— Довольно. Теперь или ты скажешь, где оружие, от которого я нашел патроны, или тебя живым закопаем в эту яму.

Он послал за матерью и сестрой, чтобы они попрощались со мной перед смертью. Не дожидаясь прихода родных, мне приказали лечь в яму. Солдат начал засыпать меня землей. Я

почувствовал, что земля меня сейчас задушит. Собрав последние силы, я приподнялся и закричал:

— Пане, я не хочу умирать такой смертью, лучше стреляйте.

Солдат замахнулся на меня лопатой и вдруг неожиданно опустил ее: перед ним стоял капрал.

— Что ты делаешь?

— Я нашел на чердаке большевика. Он прятал патроны. А оружия он не отдает и не признается.

— Пся крив твоя, — крикнул капрал, — это ж молодой хлопчик, ему только 16 лет. Отпустить его.

Меня вытащили из ямы. С помощью матери я с большим трудом добрался до хаты.

Потом мать рассказала мне, каким образом я был спасен. Узнав, что мне грозит смерть, она побежала к польскому капралу, который жил недалеко от нас. Она отнесла ему деньги, полотно, продукты — все, что еще оставалось у нас в хате, и за это капрал согласился меня освободить.

Польский отряд уходил из деревни. Подошел поручик, злобно оглядел группу арестованных крестьян и распорядился:

— Увезти их в Познань. Деревню сжечь!

Крестьяне собрали и поднесли поручику меду, яиц, сахару, масла. Нашу деревню поляки не подожгли, но издевались над крестьянами зверски. Встанет польский солдат под соломенную крышу, зажжет спичку, поднесет ее к соломе и говорит:

— Дай деньги, а то подожгу.

Крестьяне несли деньги, несли все, что могли, только бы не жгли деревню. Дают одному легионеру, а другой уже бежит и кричит:

— Давай мне деньги, а то я буду жечь, — и тоже зажигает спичку и подносит к соломе.

*Воспоминания А. ЯКИМОВИЧА,
колхозника колхоза «Шлях до социализма»*

ПАРТИЗАНЫ ДЕРЕВНИ МАРТЬЯНОВКИ

Особенно доставалось от белопольских оккупантов нам, крестьянам деревни Мартьяновки. Приедут человек пять кавалеристов, заходят к старосте и требуют: «Давай овса, давай масла, мяса, яичек». Не спрашивали, есть ли эти продукты или нет их. Назначат срок, к которому должно быть все собрано, а если в указанный срок продукты не собраны, действовали сами. Ходили по хатам и брали все, что попадется под руки, — продукты, шерстяные платки, кожухи, свитки; брали даже ткацкие станки с основой. Поляки выменивали все это в соседних деревнях на самогон. Они грабили, насильничали, тянули последнее. В прифронтовой полосе было особенно тяжело.

Нам стало невозможно терпеть такое положение. Собrania поляки запрещали. Но учитель из Подволоки приносил нам книжки и брошюры. Где он их брал — не знаю. Он просил читать их тайно и через детей передавать другим крестьянам. Эти книжки внушали нам смелость.

Мы решили действовать. Добыли оружие. У меня лично было три винтовки и много патронов. Жандарм Хуторской волости однажды сказал:

— Большевики наступают, и, значит, мы должны уходить.

В мае под натиском наступающей Красной Армии белополяки действительно начали собираться в путь. Ночью я, Иван Раткевич и другие партизаны вышли в засаду. Хотели ударить по польскому дозору, но нам это не удалось.

Утром, придя домой, я поставил в угол винтовку и, не раздеваясь, даже не сняв патронташа, прилег отдохнуть. Не успел уснуть, как на улице послышался звон оружия, топот лошадей. Я выглянул в окно: польские связисты спешно натягивали телефонную линию. Оказалось, из Бобруйска наехала целая банда белополяков. Они заполнили всю деревню.

Я выбросил через окно в палисадник патронташ и винтовку и вышел во двор.

Белополяки установили в деревне четыре орудия, а на крышах домов по направлению Микуличи — Негоничи поставили пулеметы. За околицей на деревьях расположились наблюдатели. В Микуличи двинулась часть польской пехоты. Красные приближались к деревне Костюковщина, расположенной в четырех километрах от Мартьяновки. Поляки начали бить из орудий. В это время ко мне подошел Иван Раткевич.

— Нужно перерезать полякам дорогу на Игумен, — сказал он.

Мы быстро связались с партизанами. Партизаны отправились в лес по направлению к Игумену с заданием открыть стрельбу по белополякам, если они будут отступать на Игумен. Мы с Иваном остались на месте наблюдать.

И действительно, белополяки послали разведку узнать, свободен ли путь на Игумен. Наши ребята в лесу обстреляли разведку. Белополяки не догадались, что по ним стреляли три человека. Они решили, что в лесу стоит целый полк Красной Армии. Разведчики бросились обратно в Мартьяновку. В это время с правой стороны деревни, с болота, подходили красноармейцы. Мы с Иваном Раткевичем еще затемно вышли из дому, чтобы показать красноармейцам подходы к Мартьяновке.

Крестьяне взяли винтовки, а у кого не было винтовок, взяли вилы, ухваты и вместе с Красной Армией пошли в наступление. Поляки начали удирать под Новины, бросив 4 орудия, 12 пулеметов и весь свой обоз. В Мартьяновке было взято в плен 100 белополяков.

К вечеру в Мартьяновку прибыл штаб дивизии Красной Армии.

РАСПРАВА С МАРТЪЯНОВКОЙ

Много было случаев: приезжали белополяки, забирали девушек и женщин, увозили их на вечеринки, издевались над ними и насиловали. Как женщины ни плакали, ни молили, все равно солдаты не отпускали. Как только они приедут, женщины и девушки в лес удирают — так были напуганы. Белополяки же заходят в дом, хватают родителей девушки и бьют: «Давайте дочку!» Мы их всегда за версту обходили.

Однажды Алексей Якимович и мой муж, Иван Раткевич, привели к нам через болото и кусты красных бойцов. Они пробрались ползком. За ними шла красная конница. Красноармейцы, босые, не все вооруженные, вышли из кустов и вместе с нами, сельскими жителями, кто с палкой, кто с вилами, кто с винтовкой бросились на поляков. Поляки давай бежать на Новины, по направлению к Богушевичам. Они оставили нам 4 орудия, 12 пулеметов и весь свой обоз. В обозе нашли печенье и яички. Печенье красноармейцы тут же роздали детям.

Вскоре налетела красная конница и погналась за отступавшими белополяками. А белополяки удирали до самых Пуховичей. Сто польских солдат было взято нами в плен.

Но недолго пробыли у нас красноармейцы. Снова в Мартьяновку вернулись белополяки. Они вывели из хаты моего мужа, повели его вдоль улицы и все спрашивают:

— Скажи, куда ты спрягал большевиков?

Поляки, видимо, узнали, что мой муж проводил в лес через огороды и через рожь тридцать красноармейцев. Красноармейцы ужасно устали, мы их, чем могли, покормили.

Муж ответил полякам:

— Один умру, а товарищей не выдам.

Мужа тут же убили. Когда он упал, солдаты вынули из его кармана деньги и пошли дальше людей убивать. Так они убили в нашей деревне 18 человек, из них двух женщин — Роху Эльперину, Марию Савицкую — и двоих ребят. После этого поляки схватили Якима Маковича. Они заставили его взять в руки горящую головешку и идти поджигать хату за хатой, гумно за гумном. За ним шли солдаты с винтовками. Когда Макович поджег последнюю избу, солдаты выстрелили ему в спину и убили его.

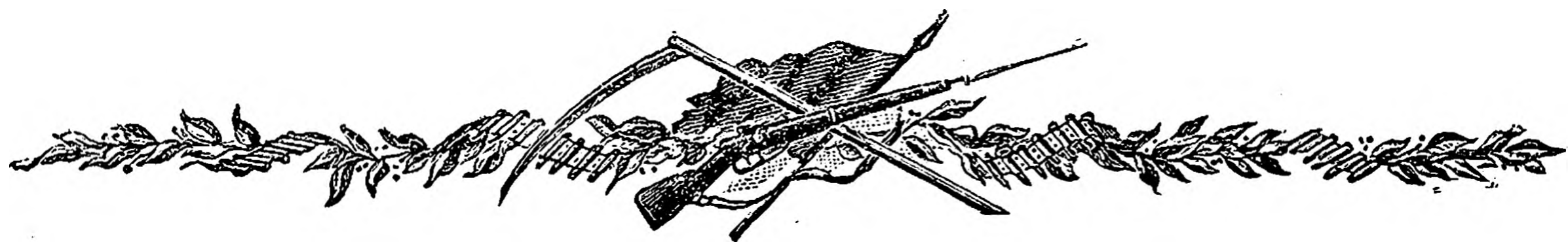
Сгорела дотла вся деревня. Осталась только баня да кузница, которые далеко от деревни, возле реки, стояли.

Крестьяне, кто остался жив, все в лес убежали и там спрятались.

Убитых хоронить нам не разрешали. Только на третий день мы, женщины, пришли из леса в деревню, собрали растерзан-

ные собаками и свиньями трупы родных и закопали их в землю. Мужчины же все семь недель в лесу просидели, пока поляков окончательно не вышибли. Мы послали в Богушевичи к польскому полковнику двух стариков с просьбой прекратить бесчинства. Пошли Иван Логовский и Иван Шинкевич. В Богушевичах обоих стариков приставили к стенке и хотели тут же убить, но потом отпустили.

Старики сильно перепугались и после этого прожили недолго. Логовский через месяц умер. Вообще после зверской расправы белополяков многие умирали, так что и гробов уже не делали. Да и делать было не из чего. Завертывали своих братьев, отцов и матерей в простыни и хоронили.

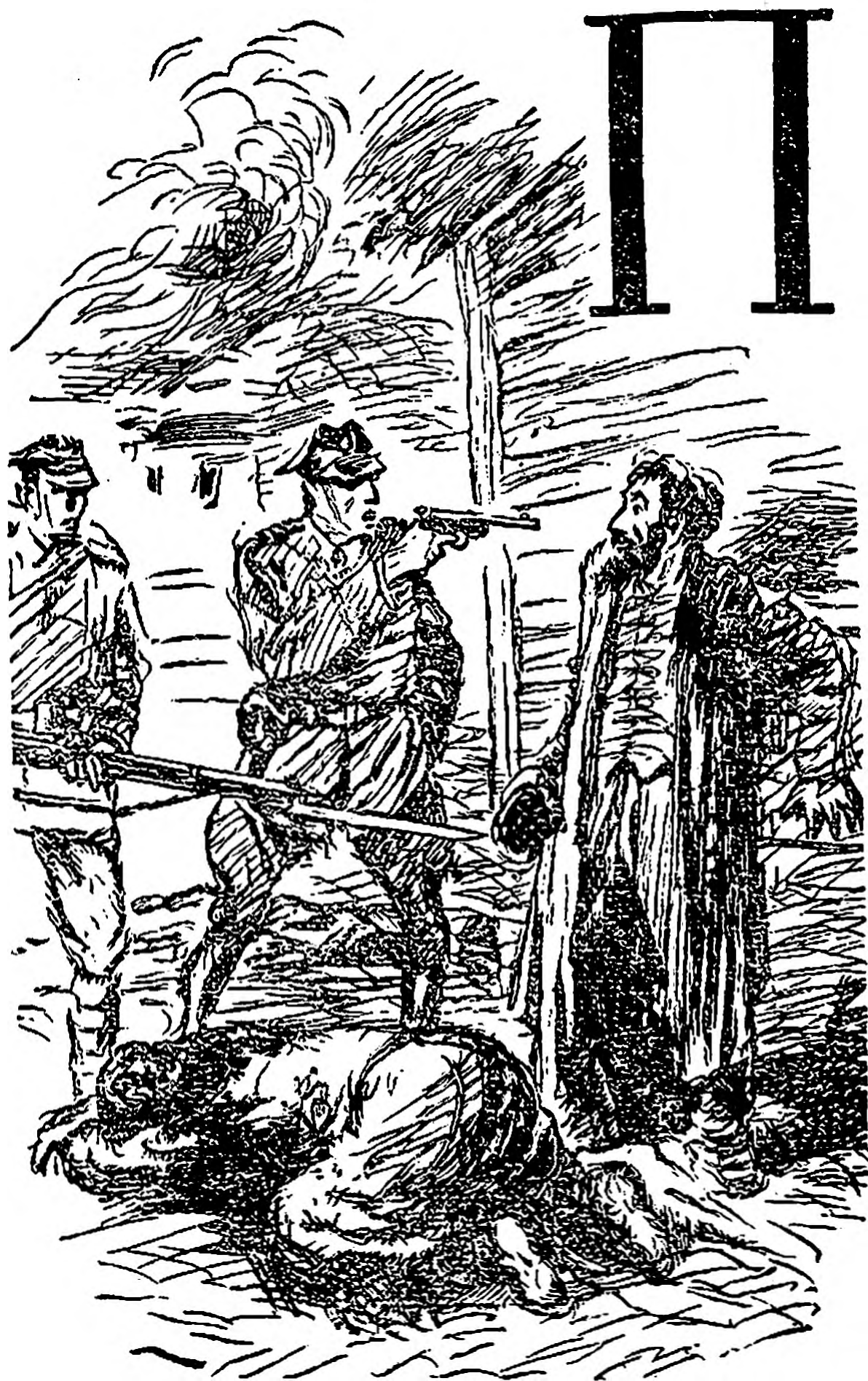

РАЗГРОМЛЕННЫЕ МЕСТЕЧКИ

Воспоминания С. ГЕЛЬФАНД

В ЛИПЕНИ

Поляки пришли в Липень в 9 часов вечера. В 11—12 часов ночи начался грабеж. У нас забрали все, начиная с коровы и кончая чайной ложкой. Польские солдаты взяли даже чулок, который вязала мама. С отца сняли подтяжки. Унесли самовар, маленькое зеркальце, белье, одеяла, даже чернильницу со стола.

Семья наша состояла из 8 человек. Жили бедно. Для маленьких детей молоко было единственным питанием.

К нам во двор зашли 5 вооруженных поляков. Они потребовали корову и, несмотря на плач детей, увели ее со двора. Отец пошел за ними, упрашивая оставить корову для ребят. Старика так избивали шомполами, что он еле добрался до дома.

После грабежа у нас поляки зашли к нашим соседям, у них также забрали домашние вещи: самовар, одежду, посуду и прочий домашний скарб.

Через неделю в местечко пришел польский батальон. В нашем доме поместили батальонную кухню. Всех нас выселили из

комнат в маленький чуланчик. Моего старшего брата, ему было 19 лет, заставляли таскать воду в котел, в который входило больше двадцати ведер. Это было непосильно. Однажды брат не во-время принес воду. Повар так избил его, что он неделю пролежал больной и едва выжил.

Когда поляки ворвались в местечко, они прежде всего разрушили синагогу. Выбили стекла, выломали двери. Все оттуда выбросили. В это время в местечке свирепствовал сыпной тиф. Под больницу для населения поляки приспособили разрушенную синагогу. Боясь заразиться, они заставляли отвозить туда больных. В синагоге тифозного больного при сорокаградусной температуре «обмывали» ледяной водой. В этом выражалась «медицинская помощь» поляков. От такого «лечения» многие умерли.

От голода у наших детей появились нарывы. У младшего братишки, ему было 3 года, так распухли и гноились ноги, что врач предупреждал: если не будете кормить, мальчик совсем потеряет ноги.

Из нашего местечка даже в соседнюю деревню нельзя было попасть без разрешения польского коменданта. Однажды отец выпросил у него пропуск и пошел в деревню Кобылянку добыть для голодных детей хлеба.

В Кобылянке его схватили польские солдаты. Не помог и пропуск. Отца избili, обратно дойти он уже не мог. Знакомый крестьянин привез его на подводе. Отец был не в силах говорить, он только стонал.

В польской комендатуре служил какой-то Радко. Все жители местечка, как только слышали голос этого Радко, прятались куда попало, потому что он каждого встречного избивал плеткой. Однажды он зашел к нам на квартиру, открыл шкаф и взял оттуда последнюю скатерть.

Он тащил к себе все — зеркала, столы, одеяла, подушки и другие вещи. Каждый день Радко выгонял нас на работу — подметать площадь и убирать польские казармы. Кто отказывался, того нещадно избивал плеткой. Однажды этот Радко так ударил плеткой мою сестру, что она долгое время не могла работать. Особенно он издевался над населением, когда чинили разрушенный мост. Глубокой осенью заставлял залезать в воду и работать, стоя по шею в воде. Одного молодого парня за то, что он отказался работать в воде, так избili, что он не мог идти, и его принесли домой на носилках.

Был в Липени еврей Лурье. Полякам на постройке моста не понравилась его работа, не так взял в руки головешку. Тогда один поляк выхватил эту головешку у него из рук и вымазал ему все лицо.

Поляки каждый день заставляли местечковое население приносить им свежее молоко.

Иногда молоко им казалось невкусным. Ударом ноги польский солдат опрокидывал прямо на землю ведро с молоком и приказывал принести другое. А в это время наши маленькие дети пухли и умирали от голода.

Не над всеми издевались паны. С некоторыми они очень дружили. Кулаки из деревни Химное помогали полякам: выдавали партизан, сообщали, у кого есть оружие.

— Радостно встретил поляков и наш лесничий. Он сразу с ними сблизился. На следующий же день по приходе поляков он выдал им партизана Козловского.

Козловский скрывался в лесу.

Вечером, когда стемнело, Козловский пришел домой поесть и переодеться. Лесничий побежал в польский штаб и заявил полякам, что Козловский находится дома. Его тотчас же арестовали, отвели за реку Свислочь, заставили вырыть себе яму и расстреляли. Семью партизана ограбили дочиста — забрали гусей, кур, кабана, всю рожь, коня, повозку, сбрую. Его старика-отца каждый день водили в штаб, избивали до полусмерти, пытали, издевались, два раза водили расстреливать за то, что он не говорил, где находится сын. Старика спас случай. Он не был убит, но на всю жизнь остался инвалидом.

По материалам «Секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны»

В ЛЮБОНИЧАХ

Местечко Любоничи — это совсем недалеко от Бобруйска. Однажды августовской ночью девятнадцатого года жители местечка услышали звуки орудийных выстрелов со стороны Бобруйска. Над Бобруйском в отблесках пожара пламенело черное небо.

— Скоро... — шептала местечковая беднота, и в голосе каждого слышался страх.

— Скоро... — говорил глухим голосом пан Зенкевич, и в подрагивающих уголках рта играла усмешка.

Все лучшее его в прошлом: имение недалеко от Любонич, каменный дом в городе. За это прошлое сражается его сын в мундире польского офицера. Пан Зенкевич радуется. Он ждет возвращения сына. Ему надоело улыбаться голытьбе и даже этому толстому мельнику Зенделю, у которого всегда потные руки. Мельник стоит сейчас у его окна и о чем-то разговаривает с местечковым раввином. Зенкевич открывает окно и негромко приветствует их с добрым утром.

— Жду перемен, Ишие Хаим, жду, — говорит, облокотившись на подоконник, Зенкевич.

— Нужно готовить встречу, — говорит Зендель и вопросительно смотрит на Зенкевича.

— Заходите, — показал глазами в сторону калитки Зенкевич и закрыл окно.

Части Красной Армии отходили на Любоничи. Расположившись в местечке, красноармейцы помогали мирному населению устраивать на случай боя защитные убежища: рыли блиндажи, оборудовали погреба, помогали людьми и советами.

Ночью на местечко двинулась польская кавалерия. Храп коней, блеск режущих воздух сабель, пик, крики всадников, — поляки бросились в атаку.

Но зорко смотрят на несущуюся лавину красные пулеметчики. Спокоен командир пулеметной команды. Послушные команде, зарокотали пулеметы, скашивая заметавшихся белополяков.

В начале сентября красные части отошли на новые боевые позиции — к Козуличам.

Вокруг Зенделя собирается группа местных лавочников и кулаков. После короткого совещания они расходятся по домам. Через несколько минут вдоль улицы вытягивается ряд столов, покрытых цветными и белыми скатертями. На столах хлеб-соль.

В местечко врывается отряд польских всадников.

— Где большевики?

— Нема, пане, никого нема. Медочку проше, пане, откупать, — приветствуют оккупантов лавочники и кулаки, путая польские слова с белорусскими.

Часть всадников рассыпается по селу искать большевиков. Другая часть спешивается и подходит к столам. Зендель доволен. На столах всевозможные яства, можно поесть и в карман взять. Хороший прием! Оккупанты пожимают руку Зенделя.

Население выходит на улицу. Опасно в этот час сидеть дома. Наевшись, белополяки бросались то к одному, то к другому дому.

На окраине местечка, возле лесничества, схватили красноармейца. Били, издевались. Потом галопом пустили коней по своей жертве. Долго на дороге лежало распростертое измятое тело. Только по шлему можно было узнать, что это красноармеец.

К месту происшествия помчалась толпа ребятишек. Вместе со всеми бежал и Шая Вильнер. Шая 14 лет.

По дороге бегущих встретила группа всадников.

— Стой! — ребят окружили. — Большевики?

— Любонические мы жители... — несмело ответил кто-то из толпы.

— А!.. — с надрывом крикнул офицер.

Выкрик послужил командой. Нагайки с тяжелыми оловянными наконечниками опустили на спины детей...

Шая Вильнер выбежал из толпы раньше, чем ее окружили

белополяки. Было страшно видеть этих несущихся всадников... Бегущего мальчика заметили. Двое всадников отделились от толпы.

— Стой!

Услышав окрик, Шая побежал еще быстрее. «Домой, скорей домой, — думал он, — дома мама, дома не тронут».

— Стой — крикнул один из белополяков и метнул пику. Шая почувствовал, как что-то ударило в спину. По спине побежали теплые струи. Он покачнулся, но не упал. Перед глазами дом, калитка. Шая вбегает в квартиру с громким воплем «мама!» и прячется под кровать. Вслед за ним в квартиру врываются солдаты, вытаскивают мальчика из-под кровати и выволакивают на улицу. Послышался выстрел, быстрый топот. Жители попрятались по домам. Над телом мальчика беззвучно рыдала мать.

Польские части двинулись дальше, оставив в местечке небольшой отряд — для «поддержания порядка». Польское командование наложило на местечко контрибуцию в 8 тысяч рублей. Взяли заложников и объявили, что в случае неуплаты они будут расстреляны и вместо них будут взяты новые люди и конфисковано все имущество жителей.

Деньги были собраны. Избитых, совершенно больных заложников белополяки отпустили домой.

Много услуг оказал оккупантам Зендель. На чердаке синагоги в течение нескольких дней прятался пленный красноармеец. Зендель первый заявил, что красноармейца нужно выдать польским властям. Его поддержал в этом раввин. В польском штабе красноармейца раздели, послали на огород копать картошку и во время работы застрелили.

Но когда польское командование стало просить у Зенделя хлеба, он поднял глаза к небу и развел руками. Откуда у Зенделя хлеб? У Зенделя есть паровая мельница, а хлеб есть у крестьян. Бои помешали крестьянам обмолотить хлеб, он стоит в снопах. Нужно его взять, и Зендель смелет.

На третий день был дан приказ: в субботу к 11 часам дня весь хлеб, имеющийся в снопах, должен быть отвезен на гумно старосты. Хлеб должен быть обмолочен и сдан польской армии безвозмездно. В случае невыполнения приказа жители местечка будут привлечены к ответственности.

Белополяки хозяйничали несколько дней подряд, но вскоре, теснимые красными войсками, вынуждены были оставить Любоничи.

Трудящееся население местечка, испытав весь ужас оккупации, с радостью и любовью встречало бойцов Красной Армии. Жители последним делились с красноармейцами.

В ноябре красноармейцы ушли из Любонич в Пацеву слободу. Любоническая волость была объявлена нейтральной зоной.

Несмотря на это, на местечко то и дело налетали отряды белополяков.

Ноябрь. Дождливые холодные дни. Люди сидят за закрытыми ставнями. Ветер ли рванет калитку, заскрипит ли журавль на колодце — холодок пробегает по спине: «Не идут ли?..» С грохотом и криком врывались в дома белополяки, издевались, зверствовали.

Стар сапожник Уман, не под силу стало работать: руки дрожат, глаза не видят. Жили впроголодь со старухой. Единственная поддержка — корова.

Пришли польские солдаты, стали забирать корову.

Просили старики солдат, умоляли: «Не трогайте корову, жить нечем!»

Похохотали солдаты, обрезали старику бороду его же сапожным ножом, взяли корову и ушли.

Но не приходится плакать Уману, не его одного ограбили: тяжелые тучи нависли над всем местечком, над всей Белоруссией.

Погиб в эти дни пильщик Данила Молойко.

У него поляки попытались отнять пилу. Он не отдавал. «Пила — мой кусок хлеба, не позволю грабить», — заявил он белополякам.

Бандиты били его прикладами, топтали ногами, а потом потащили расстреливать.

Жители местечка отстояли просьбами Данилу, не допустили до расстрела. Но все равно не перенес он побоев: умер через несколько дней.

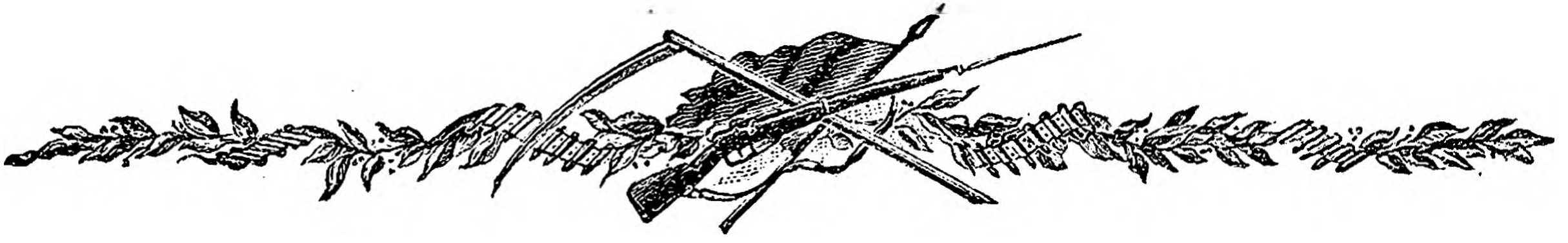
В феврале белополяки напали на школу. Выгнали на улицу учеников. Выбили окна, переломали парты. Ограбили учителя.

В декабре снова наехали в местечко бандиты. Снова потянулись с награбленным добром польские обозы.

Январь 1920 г. помнят жители местечка. Особенно памятен этот месяц старикам Голанд. В доме Берки Голанда четыре месяца назад стоял штаб красноармейского полка. На Голанда донесли. В его дом ворвались белополяки. Избили, связали руки, бросили в сани и вместе со всем имуществом увезли. «На вопрос в деревню Луки», — так сказали белополяки.

Темная ночь, скованная льдами Березина да случайные прохожие были свидетелями расправы. Кололи Голанда штыками, жгли раскаленными шомполами и еще живого спустили под лед.

Прятались жители. Уходили с повозками в леса. Шли в партизаны, шли в Красную Армию добровольцами. Декабрьские вьюги и метели заметали следы партизан.

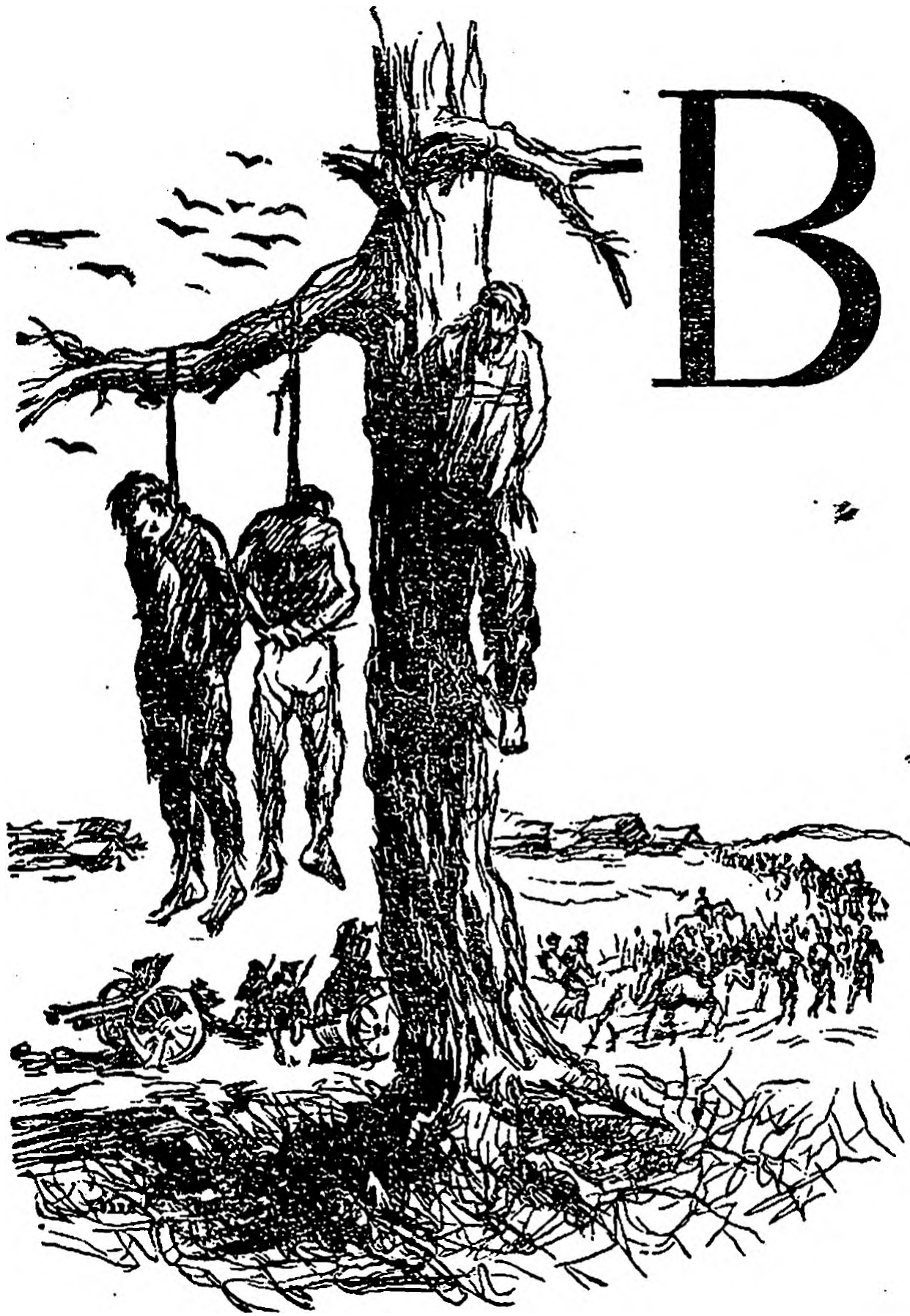

ОТСТУПЛЕНИЕ РАЗБИТОГО ВРАГА

Воспоминания колхозников деревни Осово

СОЖЖЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

Всю нашу деревню Осово поляки считали большевистской. Почему? Потому, что вся молодежь ушла в лес, и многие вступили в партизанские отряды. Как приедут белополяки в деревню с фурами забирать кабанов и коров, вызывают старосту и накладывают налог: столько-то яиц, столько-то сала, масла. Заберут последнее, отъезжают и приказывают, чтобы к такому-то сроку была собрана еще тысяча яиц и 20 пудов мяса. Оставили они у нас на всю зиму жандармов. Жандармы ежедневно гнали подводы, нагруженные продуктами, заставляли всех пилить дрова и возить их в город. С селян

брали много денег. Целые польские части приезжали из Бобруйска грабить крестьян. У кулаков они ничего не брали, зато все позабирали у бедноты.

В начале весны, в марте, было уже разводье — самая грязь. Жандармы погнали крестьян нашей деревни в Корытное за сеном, а из Корытного в Холуй. Местечко Холуй от нас в 80 километрах. Когда мы приехали в Корытное и наложили на возы

сено, к нам подошли познанцы и стали придирааться. Они захватили револьверы и начали избивать меня и Богдана Анто́на. По нашим спинам гуляли свинцовые нагайки, на теле открылись глубокие раны. Избили они нас и погнали опять накладывать сено. Во время работы подходят ко мне другие поляки и говорят: «Тут лежит крест, ищи его и найди». Как только я нагнулся искать, они опять стали избивать меня нагайками. Первые удары я еще чувствовал: страшно ломило плечи, болела голова, в висках горело от боли. Стиснув зубы, я молча переносил эти дикие побои, потом я лишился чувств.

Когда мы выезжали с сеном со двора, в воротах стояли жандармы. Мы получили еще по удару нагайкой.

Мы все ненавидели панов. Вокруг нашей деревни появились красные партизанские отряды. Из-за реки Березины нам передали, что наступают части нашей Красной Армии. Не сегодня-завтра тут будут большевики. Началось отступление поляков. Издевательств не было конца. Дня за три-четыре до ухода панов собрали мы весь свой скот и погнали его через реку Волчанку в лес, чтобы спрятать от поляков. Партизаны нам передали, что поляки при отступлении убивают молодых людей. Молодых мы оставили в лесу караулить скот.

На улицу никто не осмеливался выйти. Убегали в лес, чтобы не видеть, что творится в деревне.

9 июля 1920 г. через нашу деревню проехал польский обоз с награбленным добром. С полдня шла польская кавалерия. Из деревни передали партизанскому отряду, что подходят польские части. Партизаны засели у опушки леса. Как только белополяки вошли в деревню, партизаны открыли по ним огонь. Но партизан было мало — всего человек 35—50, а поляков много. Однако партизаны удачно обстреляли поляков и убили многих. Поляки с испугу даже выбросили белый флаг, думали, что попали в плен, но потом разглядели и по выстрелам определили, что партизан мало. Поляки начали стрелять из пулемета. Партизаны были вынуждены отступить.

Вся деревня была окружена. Поляки никого не выпускали. Они начали поджигать все постройки. А кто выбегал из деревни, того расстреливали. Выбежавшего из горящей хаты Михася Ходасевича они поймали и приказали стрелять из пулемета по большевистской деревне. Михась отказался это сделать. Тогда они подняли его на штыки и бросили далеко в огонь.

Михась Ходасевич был совсем молодой парень, лет 19—20. Его старик-отец Семен Ходасевич был бедняк. Земли у него было десятины полторы, не больше. Поляки убили Михася, а когда его отец, семидесятилетний старик, чтобы спастись, выкарабкался из горящей хаты, эти звери убили его за хлебом.

Наша хата стояла в конце деревни. Она еще не горела. Солдаты вошли в дом и стали требовать денег. Тут же спичками

поджигали обои. Моя мать обомлела от страха. Отец схватил старуху, выбежал с ней из хаты, и когда они вышли на огород, им вдогонку полетели пули. Они упали. Потом их докололи штыками. Отцу было 65 лет, а матери около 60.

Рассказ АРТЕМА ХОДАСЕВИЧА

сенью 1919 г. нашу деревню заняли поляки. Польские солдаты ворвались к нам в хлев и увели со двора корову, нашу последнюю корову. Мы стали просить их оставить ее нам. Целовали им руки, ноги целовали, а они только сапогами нас топчут. Ухватились за повод да тянут нашу кормилицу. Прибежал мой старик, тоже ухватился за корову. Они моего мужа прикладом как ударили — он и покатился. Меня — я тогда была беременна — ударили несколько раз так сильно, что я упала. А в это время мой Гришка, семилетний хлопчик, ко мне бежит с криком: «Ой, маменька». Так они и его толстым бизуном хлестнули по спине. Долго хворал он после этого. И я долго пролежала хворая.

Потом белополяки пошли в сени и забрали весь наш хлеб, у нас было три мешка хлеба. Побили они нас очень крепко. В деревню они приезжали грабить, забирать коров, свиней, кур. Кто хату замыкал и прятался, у того поляки стекла выбивали и через окна вытаскивали весь домашний скарб. И так всю зиму поляки грабили и били. Били и грабили.

Летом поляки начали отступать. Это было в пятницу. Помню, как теперь, они стали подводы и коней забирать. Все коней, коней, да коней требовали. Приехали они к нам: «Давай коня». А коня еще в среду запряг наш дед, отец моего мужа, и в город уехал. Тут они принялись нас колотить. Да где же им возьмешь коня, когда был всего один, и на нем старик уехал!

Я увидела, что конца не будет этим издевательствам, и говорю моему мужу: «Беги в лес, спрячься, а то они жить не дадут». Ушел он. Соседи весь скот в лес погнали. Муж взял косу и начал косить. Когда я ему есть принесла, он у меня спросил: «Ну что в деревне?»

— Как будто бы тихо.

Мы вернулись домой вечером, было уже темно. Всю ночь караулили хату.

На заре заходит мой муж в дом и говорит: «Слышишь, как поют поганцы?»¹

К деревне приближались польские войска. Приехали и бросились по хатам сундуки ломать и забирать одежду. Позабирали

¹ Так называли крестьяне познанцев — солдат польской Познанской дивизии.

все и уехали. Днем опять по хатам пошли. Зашли и в нашу хату, сели за стол и давай выпивать. Я своему шепчу: «Уйди из хаты, муженек, чует мое сердце недоброе». А поляки его не пускают. Их полно и на улице и во дворе, всюду. Сидят, пьянствуют. Что только было в хате, пороздали мы им. Выпивают и говорят: «Если найдем большевиков, останется тут земля да вода». Наконец они вышли из хаты, оставили нас в покое.

Через несколько минут видим — опять едет польская конная разведка. Послышались выстрелы. Не успели оглянуться, как поляки окружили деревню и начали ее поджигать. Минута — и запалят хату. Горит вся деревня. Вокруг деревни поставили пулеметы и давай палить и шашками засекают тех, кто из огня выбегает.

Поймали они молодого Антося Ницкого — лет ему 25 было — и погнали его между конями. Рубанет шашкой то один, то другой. Так его и зарубили. Повалился Антося под забор, согнулся в крючок и лежит, а они его еще и еще шашкой. Только слышен был крик да тяжкие вздохи. Потом поляки схватили его и кинули прямо в огонь. До косточки сгорел Антося.

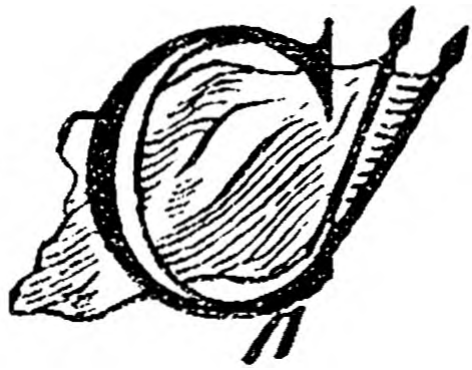
Мы с мужем заперлись в хате, а кругом огонь... У нас пятеро детей было. Муж и говорит мне: «Возьмем детей и давай спасаться». Мы выскочили из дому, а все наше уже горит. Муж побежал к соседям на огород, тут их обоих — соседа и моего мужика — поляки убили. Их было больше ста человек, этих поляков. Они моего мужа и пиками и шашками всего изрешетили. Вижу — лежит он, скорчился. Вначале я подумала — прячется от пуль, а потом посмотрела — убит он...

А пулеметы все бьют и бьют по горящей деревне. Не выпускают никого зверюги. Вдруг послышался страшный крик: это Мишу Ходасевича штыками подкидывают. Один поляк вскинет его высоко, другой подхватывает. И опять и опять. А потом они его подняли на кавалерийские пики и далеко в пламя бросили.

Мы побежали дальше и видим: много людей лежит. Это лежали убитые люди нашей деревни. Если спасся кто из огня, так его убивали поляки. Бежал старик Андрей Ходасевич с женой, она очень слаба была, он ее под руку вел. Вижу — подскочили поляки и зарубили этих стариков шашками. Они так и лежали обнявшись, убитые. Выскочил из огня Степан Щерба. Поляк прицелился, выстрелил — и Степан упал, обливаясь кровью. И детей много погибло. Трех поляки живыми в колодец бросили, утопили родненьких.

Сгорела вся деревня. Собрались мы в деревню, да к чему собрались! — ни хаты, ни кола, ни двора. Остались мы голые, босые, обгоревшие. Порубили много людей и здоровья много забрали эти бандиты-белополяки.

Рассказ ХРИСТИНЫ ХОДАСЕВИЧ

воей земли мы не пахали, бедные были. Мы работали у помещика Мыслицкого. У нас было трое детей — полтора лет, четырех и семи.

9 июля в час дня поляки приехали в нашу деревню. Я в лесу пасла корову, а муж был с детьми дома. Я собралась идти домой, а партизаны мне говорят:

— Не ходи в деревню, сейчас бой начинается.

Я все-таки побежала домой. Прибежала и нашла мужа с детьми в сенях.

В это же время к нашей хате подъехали на конях поляки и начали крышу подпаливать. Тут я бросилась в хату спасать одежду, вынесла постель. Мой хлопчик, 7 лет, помогал мне. Подбежал поляк, штыком размахнулся, поднял на штык мою постель и бросил ее в огонь. Мне показалось, что и дитенка моего тоже в огонь бросили.

Мне стало плохо. Я упала на землю и начала биться. Тогда соседка подошла ко мне и говорит:

— Смотри, твоего Пилипа поранили.

Подбегаю я и вижу — окружили мужа три поляка, один из них на лошади верхом. Они напали на него с криком «большевик», избили прикладами, а потом выстрелили. Разрывной пулей ему разворотило голову. Я кинулась к ним:

— Вы моего мужа убили!

А офицер на меня с конем. Показывает на тело и кричит:

— Спрячь собаку, пся крев!

Бросился с нагайкой на сестру:

— Скажи, где большевики?

Все мое хозяйство сгорело. Осталась я с маленькими детьми. Дети мои начали плакать:

— Что мы будем без отца делать, кто нам кусочек хлеба даст?

Я залилась горькими слезами. Погоревала, поплакала, мужа схоронила и пошла, голая, босая, с детьми просить у людей, чтобы дали хоть чем-нибудь прикрыть тело.

А что они еще понаделали, эти паны-звери! В хату Юстины Бебчик они загнали около 10 женщин с детьми, изнасиловали их, заколотили двери и окна и подожгли хату. Страшно вспоминать о всех их зверствах, волосы становятся дыбом.

Рассказ К. МОРОЗ

РАЗГРОМ ГЛУСКА

Тревожную ночь с 7 на 8 июля переживало местечко Глуск. Поспешно отступая под напором Красной Армии и партизан, польские захватчики вымещали свою злобу на беззащитном населении.

Уже разгромлено местечко Паричи. Около десяти человек жителей убили белополяки. 13 домов сожгли. Лошадей, коров, мелкий скот со всего местечка гуртом увели.

В Ковпицах 85-летнего старика привязали к хвосту лошади и по улице влокли, а потом глаза выкололи и полумертвого в ручей бросили. Братьев Альтшулер вместе с лошадьми в повозку запрягли, шесть верст гнали, до потери сознания загнали, а потом за деньги освободили.

Не спали жители Глуска, в тревоге с часу на час ожидая прихода польских войск.

Первые колонны белополяков показались в Глуске днем 8 июля.

Почью в местечко вошел батальон 1-го Познанского полка с пулеметной командой и батареей.

Расположившись в центре местечка, на Базарной площади, познанцы сразу же приступили к грабежу. Группами в 5—6 человек солдаты врываются в дома, избивали людей, взламывали шкафы, сундуки, забирали вещи, деньги, последний скарб. Дочерей и жен насиловали на глазах у родителей и мужей. Из домов неслись крики о помощи.

Грабежи продолжались всю ночь и весь день 9 июля. С утра артиллеристы и пулеметчики стали громить лавки. Награбленный товар частью грузился на повозки, частью растаскивался солдатами. К вечеру подожгли лавки. Погода стояла сухая. В течение одного часа сгорело 85 лавок.

Мимо проезжали офицеры, по улицам ходили жандармы, на углах стояли патрули, но никто не мешал разгулу солдат. К ночи погром усилился, вступила в дело днем не участвовавшая в погроме команда связи. Разгромив уцелевшие еще лавки, вооруженные солдаты бросились к домам грабить остатки.

Ночью погромщики уехали.

Наступило утро. Медленно из-за горизонта выплывало солнце. На базарной площади среди обгоревших развалин безмолвно рылись люди, пытаясь найти что-либо сохранившееся от погрома и пожара.

А на окраине местечка уже располагались новые полчища белополяков — 4-й познанский полк, прославившийся грабежами и разбоем. К вечеру 10 июля полк вошел в местечко.

И снова улицы огласились криками и стонами, снова

затрещали выламываемые двери и рамы, снова начался грабеж. Но что оставалось грабить?

Все, что можно было взять, было увезено раньше. Тем больше злобствовали познанцы, вымещая свою досаду на людях.

Специальный отряд, в обязанность которого входило уничтожение телефонно-телеграфной линии, сгонял людей на работу. На улицах, в домах хватали без разбора женщин, стариков, уводили в особое помещение.

В полночь вывели на работу. Разбили на группы и заставили рубить столбы, причем не только телефонно-телеграфной линии, но и электрической.

Работали в темноте, под вспышки от замыкания проводов. Конвоиры избивали работавших молотильными цепями, прикладами, дубинками.

Не успевал работавший два раза ударить топором по столбу, как получал пять-шесть ударов прикладом или дубинкой по спине.

Это было массовое издевательство над людьми.

Жандармы толкали людей под электрические искры, под падающие столбы. Люди падали, путаясь в темноте в разбросанных по дороге проводах. Их поднимали дубинками. Не успевал встать человек, как снова падал от очередного удара. Не успевал свалиться один столб, как тотчас же раздавался крик надсмотрщика:

— Дале, дале рубить, жида, холеры!

Часа в четыре утра линии были разрушены.

Работавших построили. Капрал пересчитал людей ударами нагайки по головам, и колонна двинулась в местечко. Стариков, которые не могли шагать в ногу или шли сгорбившись, подтягивали ударами прикладов. По дороге по команде капрала люди плашмя ложились на землю, и солдаты секли их нагайками.

Чтобы вконец замучить людей, их заставили рыть ямы и тут же эти ямы засыпать. Наконец, капрал потребовал песен.

Так люди пришли на другой конец местечка. Их отвели в сторону от дороги.

По дороге тянулись отступающие войска. Одна женщина, осмелившаяся выйти из колонны и остановить проезжающего офицера с просьбой ее выслушать, получила удар шашкой по голове.

Начался обыск. Капрал и солдаты шарили по карманам, отбирали деньги, вещи, снимали сапоги, пояса. После обыска жителям заявляли, что они будут отпущены только тогда, когда будет внесена контрибуция.

Контрибуция была внесена — несчастных освободили. Вернувшись домой, старики плакали, как маленькие дети. А по дорогам поспешно откатывались польские войска — к новым деревням и местечкам, к новым погромам, грабежам и насилиям.

*М. ПОСЛЕДОВИЧ. По воспоминаниям
К. Мытника и В. Розенблома, рабочих
фабрики имени Кирова*

ТРАГЕДИЯ ГОРОДА

Трудящиеся Борисова, наконец, увидели своих избавителей. Все выбежали на улицу. С радостными улыбками смотрели на проходящих бойцов. На их шапках под весенним солнцем горели красные звезды. Лица красноармейцев были обветрены и окурены пороховым дымом.

Красноармейцев приглашали в дома, доставали спрятанную в укромных уголках лучшую пищу. Сапожники предлагали починить обувь, портные — заштопать порванную шинель, пришить пуговицу. Это была встреча отцов со своими сыновьями.

Жители в тысячный раз заставляли бойцов рассказывать, как они обошли врага, принудили его в панике покинуть город.

С лавчонок и кустарных мастерских срывались вывески, написанные на польском языке. Маляры усердно закрашивали ненавистные для них слова.

К воротам заводов и мастерских потянулись рабочие. Они разыскивали запрятанные во время хозяйничанья панов ответственные детали двигателей, станков.

Красные части освободили Борисов 25 мая 1920 года. Знали паны, что уже не вернуться им в этот город. В бессильной злобе решили они жестоко отомстить за свое поражение.

В старом городе, выдавшем на своем веку и шведские полки и полчища Наполеона, было спокойно и тихо. Никто не подозревал о намерениях изгнанного врага. А враг притаился. Прошли дни двадцать шестого, двадцать седьмого мая. Люди улеглись спать. Не спали только чуткие красноармейские караулы.

Вдали над рекой вспыхивала огненная черта ракет. Много тайн знает и хранит река Березина, многое видели и слышали прибрежные кусты! Но никогда не видела река того, что началось в ночь на двадцать восьмое мая. Что-то огромное и тяжелое вдруг провизжало над рекой, словно какое-то чудовище пронеслось в воздухе. В ту же минуту тишина над Борисовом взорвалась громовым ударом. Удар повторился на правом берегу, далеко от реки. Разбуженные, испуганные люди выскакивали из домов, металась в темноте по переулкам.

— Что такое? Где это взорвалось? — слышались встревоженные голоса.

Открывались окна, соседи обращались друг к другу с недоуменными вопросами, выходили на улицу и смотрели в темноту, точно ожидая оттуда разгадки.

— Это польские снаряды, — сказал кто-то. — Я слышал от красноармейцев.

— Снаряды? Не может быть! Борисов же не крепость. Одно мирное население...

От реки тянуло холодной сыростью. Люди зябко кутались в пиджаки, пальто. Переговаривались шопотом, точно боясь невидимого врага. Выбежавшие ребяташки боязливо прижимались к матерям. По улице прошли куда-то быстрым шагом красноармейцы.

Но напряженное затишье продолжалось недолго. Снова снаряд прошипел над окраиной и упал в центре города. Поднимая доски, бревна, взметнулся над домами столб огня. Зазвенели и полетели стекла из окон соседних домов. Еще один снаряд перелетел Березину и врезался в гущу строений. Полуодетые люди бросились в дома, в погреба, толкая туда дрожащих от испуга детей. Земля вздрагивала все чаще и чаще. А снаряды летели и летели. Это был жуткий дождь смерти.

Огромное кровавое зарево запылало над городом. Налетевший ветер подхватывал тучи искр, бросал их на дома, еще не объятые пламенем. Во многих местах вспыхнул пожар.

Взлетали в воздух жалкие лачуги, населенные рабочими семьями. Мелькали оторванные руки, ноги. Огненный вихрь подхватывал людей и разбрасывал окровавленные куски мяса. Рушились от пламени дома. Уже была разбита снарядами церковь. В кроваво-красном пламени только один костел невредимо и зловеще белел. Убивая и сжигая женщин и детей, паны почти-точно оберегали дом «пана бога»...

Тысячи людей искали спасения от тяжелых снарядов в погребах. В один погреб, где набилось до двухсот человек, попало подряд четыре снаряда. Дом и погреб были разрушены. Силой взрыва многих выбросило с оторванными руками и ногами в другой квартал...

Некоторые бросились спасать из огня свое имущество и погибали в огне от осколков. Падали отравленные газами химических снарядов. Находившиеся в городе красноармейцы принялись тушить пожар. Им помогало организованное ревкомом население. Заметив это, поляки сосредоточили огонь по пожарным дружинам.

Наступил рассвет. На улицах среди дымящихся развалин недвижимо лежали сотни трупов, корчились в судорогах тяжело раненные. К девяти часам утра смертоносный дождь усилился. Уцелевшие от огня и снарядов люди кинулись искать спасения в лесу. Бежали в одиночку, бежали группами с жалкими котомками за плечами через огромное пустынное поле. Бежали дети, оставившие растерзанных снарядами родителей. Но снаряды настигали беззащитных и во время бегства. Столбы огня и земли взрывались в поле. Люди перескакивали через трупы родных и близких, падали в вырытые снарядами воронки.

Начавшийся в три часа ночи обстрел не прекращался весь день. На землю спустились сумерки. Ближайший к городу лес наполнился голосами отчаяния. Слышались крики и плач детей, рыдания женщин... А снаряды рвались и рвались над городом.

Не было конца мстительной злобе врага. Число жертв росло с каждым днем. Уже к вечеру 29 мая была разрушена и сожжена дотла половина Борисова. Тысячи людей, потеряв все, что было добыто за долгую трудовую жизнь, потянулись к ближайшим местечкам и деревням. Они были оборваны, голодны.

«Неслыханно тяжелые дни переживает Белоруссия, — писал Центральный комитет коммунистической партии Литвы и Белоруссии 2 июня 1920 г. — Аресты, разбой, грабежи, истязания приняли невиданные до сих пор размеры. Целые деревни и селения со всеми находящимися в них сметаются с лица земли. Расстреливаются сотнями женщины, дети и старики.

Польская власть знает, что народные массы против нее. Она воюет не только с Красной Армией. Она воюет со всем народом, со всеми рабочими и крестьянами, со всеми честными гражданами Белоруссии.

Беззащитный, неукрепленный город Борисов целиком уничтожен поляками...

Борисов сожжен дотла.

Около 10 тысяч населения осталось без помещения, без пищи, без одежды.

Убиты тысячи детей, женщин, стариков.

Сотни сгорели в своих халунах...»

Жители Борисова обратились к советскому правительству:

«Мы надеемся, что советская власть, власть бедноты, накормит нас, невинных жертв войны и польской злобы, хлебом, оденет наши голые тела и приютит всех нас под крышей».

Окруженная тогда со всех сторон полчищами врагов, Советская Россия откликнулась на этот призыв. Начались сборы в пользу пострадавших от белополяков жителей города Борисова.

Рабочие, красноармейцы, служащие из разных городов, сел, деревень протянули руку помощи.

Лучшие представители человечества подняли свой голос против варварства и зверств польских панов.

Великий писатель и гуманист Алексей Максимович Горький сказал:

«Есть много способов опозорить себя; поляки выбрали худший».

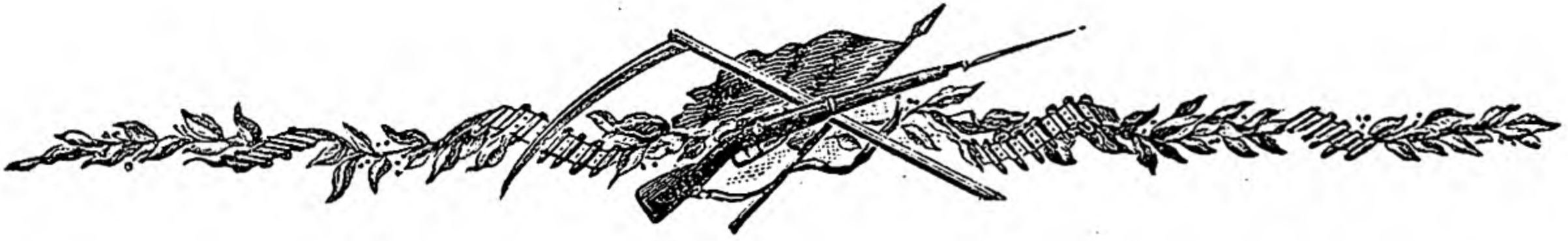

III

НАРОДНАЯ
ВОЙНА

ПРИ ПРИБЛИЖЕНИИ НАШИХ ЧАСТЕЙ
ПОВСЮДУ ТЫЛ ПРОТИВНИКА НАЧИНАЕТ
ВЗРЫВАТЬСЯ ИЗНУТРИ.
МЫ ПРИСУТСТВУЕМ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ
ПРИ ПОДЛИННОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
В БЕЛОРУССИИ.

(СТАЛИН)

*По материалам Секретариата Главной
редакции «Истории гражданской войны»*

В БОЛЬШЕВИСТСКОМ ПОДПОЛЬЕ

од грохот орудий ворвались 8 августа 1919 года польские войска в Минск. Советские работники и большевики отошли вместе с Красной Армией. Часть партийцев осталась для нелегальной работы. Через две недели организовался Минский комитет коммунистической партии¹. Он объединял работу Слуцкой, Борисовской, Бобруйской, Молодечненской и других партийных организаций. Через Минск шли директивы Центрального комитета коммунистической партии Литвы и Белоруссии. В тяжелых условиях начал свою деятельность комитет. Связи с партийными организациями

других городов и с деревенскими ячейками порвались. Белополяки разогнали рабочие организации, профсоюзы прекратили свое существование.

В глубоком подполье собирает Минский комитет большевистские силы. Создаются небольшие, но закаленные подпольные

¹ Минский комитет работал на правах краевого центра.

коммунистические ячейки, завязываются связи с подрайонными комитетами.

Польское командование поставило на ноги жандармов, шпионов, провокаторов, чтобы выловить большевиков, добраться до Минского комитета. В городе шли частые повальные обыски. В ноябре жандармам повезло: они захватили двух членов Минского комитета. Но жандармы так и не узнали, кто попал к ним в руки. Одному из арестованных удалось бежать, другой за недостатком улик был освобожден.

Минский комитет просил центр прислать помощь. Для подпольной работы в Минск был послан Ривес. Вскоре приехали Ян Дзембо и Максимович. Они тоже вошли в состав подпольного комитета. Руководителем и душой его был Дзембо.

Ян (такова была подпольная кличка Мариана Дзембо) взял на себя работу в деревне и связь с другими городами, Максимович — всю технику, Ривес — работу в профсоюзах и Красный крест. Ян был пламенным борцом за дело коммунизма.

Минская подпольная организация начала оправляться от первых провалов. Члены комитета были строго законспирированы. Они жили под вымышленными именами. Максимович сказал хозяевам своей квартиры, что он приехал из Польши, чтобы получить в Минске хорошую службу. Ривес, который жил под фамилией Баскина на Подгорной улице, уверил квартирную хозяйку, что он торгует валютой. У Ривеса хранилась партийная касса. Держать ее у себя было опасно. И хозяйка охотно помогала мнимому валютчику прятать деньги.

Явкой комитета служила маленькая молочная лавчонка. Хозяйка ее принимала товарищей, приезжавших в Минск за указаниями и литературой.

Из глубокого подполья голос коммунистической партии доходил до народа. Большевики звали трудящихся к борьбе против наглых захватчиков, указывали им путь, говорили о близком приходе Красной Армии. Подпольная большевистская печать отзывалась на все важнейшие политические события. Минский комитет выпустил несколько листовок и плакатов. Листовка с призывом к рабочим вступать в революционные профсоюзы была отпечатана в количестве четырех тысяч экземпляров.

Осенью 1919 года буржуазные националисты начали создавать белорусские части для польской армии. Они разъезжали по деревням и звали народ воевать против Советской страны за интересы польских панов.

Минский комитет выпустил листовку на белорусском и русском языках. Она проникла в самые отдаленные уголки Белоруссии. Большевики разоблачали националистов, призывали трудящихся вступать в ряды красных партизан и готовиться к вооруженной борьбе против белополяков. Затея нацдемов с треском провалилась

Тщетны были попытки дефензивы закрыть большевистской печати доступ к массам. Комсомольцы и беспартийные рабочие в городе, партизаны в деревне распространяли коммунистическую литературу. Минские комсомольцы были хорошими помощниками партийного комитета в этом деле. Как только из подпольной типографии или из Смоленска получались листовки, группа молодежи собиралась на окраине города, в квартире одного из комсомольцев. Комсомольцы брали цветные конверты и делали на них надпись: «Прочти и передай другому». В конверты вкладывались листовки. Каждый получал несколько таких конвертов. Он опускал их в ящики для писем, подбрасывал в людных местах. По ночам молодежь расклеивала листовки на заборах, на стенах домов.

С большим трудом большевики создали подпольную типографию. В надежном месте были спрятаны печатная машина — «бостонка» и две полукассы с русским и польским шрифтами. Долго не могли найти подходящей квартиры. Наконец, отыскали небольшой полуразвалившийся домик на Мало-Татарской улице. Доставили туда оборудование. Двое подпольщиков поселились в домике. По Мало-Татарской не было почти никакого движения. Человек, стоявший на стороже, всегда мог предупредить об опасности, как только кто-либо появлялся на пустынной улице.

Оригиналы листовок один из рабочих получал в молочной лавчонке, на явочной квартире, от Яна или другого члена Минского комитета. Он засовывал небольшие рукописные листочки в сапог и доставлял их в типографию. Когда листовки были готовы, их клали в корзину. Сверху засыпали картошкой, луком. Под вечер приходила женщина — член партийной организации. Она относила корзину на конспиративную квартиру. Отсюда пачки листовок передавались комсомольцам и рабочим для распространения.

Минский подпольный комитет развернул большую работу в городе. В профсоюзах и на предприятиях кипела скрытая от глаз жандармов и шпиков борьба.

Белополяки разогнали профессиональные союзы, которые фактически прекратили свое существование. Но вскоре было объявлено, что профсоюзы могут работать с разрешения польских властей, на основе уставов, утвержденных немецким командованием в 1918 году.

Бундовцы и поалей-ционисты получили официальное разрешение организовать профсоюзы. Оккупанты тоже стали создавать профсоюзы — христианские. Они пытались расколоть рабочий класс. Бундовские и христианские желтые профсоюзы наперебой приглашали к себе рабочих. Бундовцы превратили профсоюзы в благотворительные распределительные пункты. Выдавая изредка рабочему охапку дров, тарелку похлебки, они

хотели отвлечь массы от политической жизни, от борьбы против польских захватчиков.

Попытки бундовцев забрать профсоюзы в свои руки провалились. Минский комитет послал в профсоюзы свои лучшие силы. Большевики под видом беспартийных рабочих шли в бундовские союзы, чтобы отвоевать их, шли в христианские союзы, чтобы разлагать их.

Большевики организовали революционные профсоюзы, в которых основная работа проводилась нелегально. Союз металлистов после прихода белополяков совсем развалился. Комитет послал одного партийца к металлистам, дал средства для найма помещения. Рабочие подыскали квартиру на Революционной улице, в доме номер 22. Председателем союза был выбран беспартийный рабочий, членами правления были большевики.

При союзе был устроен буфет. Здесь рабочий мог достать по дешевой цене хлеб и чай, здесь он мог встретиться с товарищами. Бундовцы в союзе металлистов никаким влиянием не пользовались.

В союзе металлистов было более 300 членов. Правление разбирало конфликты между рабочими и хозяевами. Союз помогал бастующим рабочим и безработным членам союза.

Металлисты скоро приспособились к условиям нелегальной работы. На собрания приходили часа за два до начала и разбирали все политические вопросы. А когда к назначенному времени приходил полицейский, рабочие при нем говорили только об экономических вопросах.

В руках большевиков был профсоюз строителей, насчитывавший около 400 членов. Председателем союза был выбран коммунист. Союз организовал бесплатные обеды и выдачу пособий безработным. Здесь развернулась большая подпольная работа. Многие собрания происходили не в помещении профсоюза, а на квартирах у рабочих. На этих подпольных собраниях и разбирались главные вопросы. Большевики руководили союзом домашних работниц. Председателем его была выдвинута Рутковская.

Одиннадцать профсоюзов в Минске находились под большевистским влиянием. Но в Центральном бюро минских профсоюзов засели бундовцы. Рабочие решили изгнать их оттуда. Металлисты и строители потребовали перевыборов. При голосовании кандидатуры председателя Центрального бюро бундовец получил лишь 17 голосов, а «беспартийный» (на самом деле большевик) — 24 голоса. Председателем был выбран большевик.

Центральное бюро, куда входили представители всех минских профсоюзов, работало нелегально. Бундовцы, пытаясь сорвать его работу, прибегали к открытым провокациям. На одном собрании они стали упрекать металлистов: «Вы выступаете здесь, как представители большевистских профсоюзов!» Предатели прекрасно знали, что на собрание, где присутствовали

большевики и сочувствующие, могут пробраться переодетые жандармы. Рабочие разгадали провокацию и дружно отвечали: «При чем здесь большевики? Мы выступаем от союза металлистов. Это такой же союз, как и все».

Все многолюднее становились профсоюзные собрания. В союзах металлистов и строителей приходило на собрания по сто и более человек. При профсоюзах были созданы рабочие кружки. В них большевики-подпольщики читали с рабочими коммунистическую литературу, газеты «Правда» и «Звезда». При профсоюзах были организованы коммунистические ячейки строительных рабочих, металлистов, домашних служащих, железнодорожников. В смешанную ячейку входили партийцы других профсоюзов Минска. Ячейки были маленькие. Но они вели громадную работу.

В деревнях также создавались партийные ячейки. Комитет восстановил связи с коммунистами-одиночками, рассеянными по деревням Минского уезда. На подводах и пешком пробирались крестьяне-большевики в город, в Минский комитет за директивами, за литературой. Связи с деревней были особенно трудны и опасны. Белополяки ввели осадное положение в белорусской деревне. Нехватало работников. Центральный комитет коммунистической партии Литвы и Белоруссии дал указание партийным организациям при помощи отдельных надежных товарищей создавать партизанские отряды.

Минский комитет возглавил партизанское движение. В восьми тысячах экземпляров была выпущена листовка с призывом организовать партизанские отряды. В Козыреве был создан штаб повстанческой организации. В Минском районе ширилось партизанское движение. Партизаны рвались в бой.

Минский комитет удерживает партизан от разрозненных выступлений. Весной он созывает совещание деревенских большевиков-подпольщиков. Один за другим выступают делегаты. Они рассказывают о работе в деревне. Но почти все заканчивают свою речь словами: «Наши ребята запаслись оружием и не сегодня-завтра собираются выступить».

Ян сидит на стуле, чуть опустив голову. Он говорит взволнованно:

— Что за неорганизованные и случайные выступления! Мы должны выступать лишь с разрешения центральных органов, одновременно с другими районами!

Товарищи из деревни слушают его с большим вниманием. Но вдруг один из них вскакивает:

— Как так? — кричит он, — ведь у крестьян забирают последних коров! Нагайками гонят нас день и ночь в обозы. Если крестьяне прячутся со своими лошадьми, поляки грабят их дома и стегают их жен и детей.

— Да, да, — с жаром восклицает Ян, — это мы все хорошо знаем. Это ежедневное явление. Мы понимаем ваше требование

выступить поскорее. Но мы хотим победить. Стихийные, разрозненные выступления очень редко дают нужные результаты и только ослабляют наши силы.

Деревенские товарищи молча переглядываются. Трудно им удерживать партизан. Но они обещают ничего не предпринимать до указания комитета. Взяв листовки и литературу, разными путями возвращаются они в свои деревни.

Минские большевики вели работу среди польских солдат. Почва была благоприятная. В польской армии шло брожение. Создавались коммунистические ячейки. Legionеры охотно читали коммунистическую литературу.

После разгрома поляков на Украине дух польской армии упал, усилилось дезертирство. Среди польских солдат все большим успехом пользовались большевистские листовки.

Под руководством Минского комитета большевиков росла и закалялась в борьбе комсомольская молодежь. В Минске удалось создать четыре комсомольские ячейки.

Нужна была тщательная конспирация. Молодежь была разделена на три группы. Члены одной группы совершенно не знали других. Комсомольцы выполняли много партийных поручений.

Весной 1920 года польские паны особенно обнаглели. Новая волна жестоких преследований обрушилась на трудящихся Белоруссии. Дефензива разыскивала большевиков и партизан. Особенно хотелось жандармам найти Минский комитет.

В апреле в профсоюзах произошел большой провал. Из Варшавы были присланы листовки на польском языке для солдат. Товарищ, который привез листовки в Минск, понес их на старую проваленную явку, в союз металлистов. Приходит в союз и спрашивает: «Здесь ли Хаим?» Рабочие знают, что через человека, имевшего кличку «Хаим», держится связь с большевистской организацией.

Боясь провокации, они отвечают: «Никакого Хаима в союзе нет».

Приезжий пошел сам распространять листовки. Его арестовали. Он пытается проглотить записку «Союз металлистов — Хаиму», но не успевает, и она попадает в руки дефензивы.

Внезапно на союз металлистов напали вооруженные жандармы, арестовали членов правления. Потом забрали членов союза, носивших имя Хаим. Всю ночь солдаты и полиция рыскали по городу и хватали каждого, кого звали Хаим. Через два дня жандармы явились в помещение профессиональных союзов и вызвали членов правлений всех союзов. Первым вопросом был: «Где председатель и секретарь? Где все книги?» Секретари открыли и показали профсоюзные дела. В них, конечно, жандармы ничего не нашли. Арестованных отвели в дефензиву. Здесь каждого в отдельности водили на допрос и спрашивали: «Где Центральное бюро профсоюзов? Кто в него входит?»

«Если скажете, мы вас скоро выпустим», — говорили жандармы. Рабочие держались стойко. У всех был один ответ: «Никакого Центрального бюро я не знаю, не слыхал». Как ни угрожали жандармы, ничего не добились.

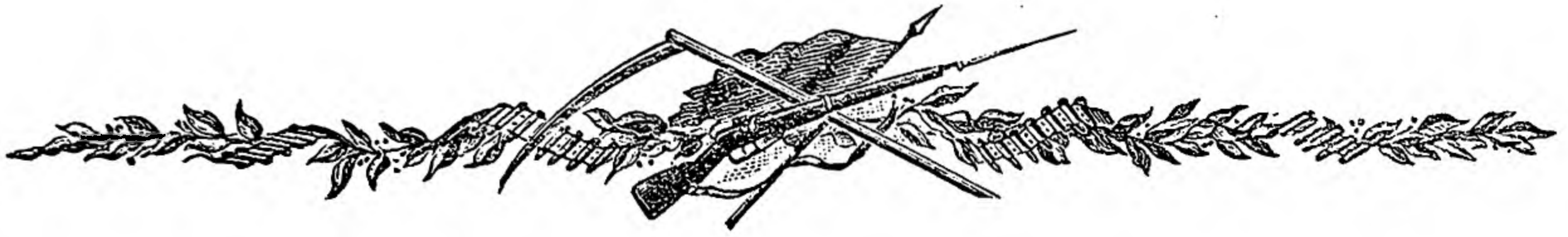
Помещение профсоюзов было опечатано, и они перешли на нелегальное положение. Арестованных членов правлений поляки посадили в минскую тюрьму, а затем отправили в концентрационный лагерь в глубь Польши.

Весной против панов поднялась вся деревня. Участились нападения партизан на небольшие воинские части и на отдельных польских солдат. Все чаще печатали газеты известия о разрушении партизанами железнодорожных путей, мостов. Польское командование наводило деревню карательными отрядами. Повсюду были выставлены патрули, охранявшие железные дороги, телефонные и телеграфные линии. Минский комитет оказался отрезанным от деревни, туда невозможно было пробраться. Красные партизаны Минского уезда вынуждены были уйти в леса.

В начале мая комитет получил сообщение, что большие силы белополяков окружили партизан, и что многие партизаны арестованы. В тот же день молочную лавчонку, служившую явкой Минского комитета, окружили жандармы. Лавчонку разгромили, а хозяйку ее арестовали. Через несколько дней жандармы явились с обыском на квартиру Дзембо, но Ян во-время оставил свою комнату, и, кроме старой, истрепанной шапки, висевшей на стене, жандармы ничего не нашли.

Дефензива напала на след Минского комитета. Его руководителям нужно было уезжать, но пробраться по железной дороге нечего было и думать — все станции заполнены шпиками и жандармами. Ян пешком вышел из Минска и добрался до Вильно. Здесь, спустя две недели, он был арестован. Он был заключен в 10-ый павильон Варшавской крепости; затем сидел в каторжной тюрьме «Вронки» и в концентрационном лагере «Домбия» в Познани. Здесь он заболел сыпным тифом и, измученный избиениями, истощенный от голода, умер в 1921 году. Немного спустя вынужден был оставить Минск и Максимович. Он хотел обойти железнодорожную станцию, но попал в руки жандармов и был зверски убит.

Так пали в борьбе за коммунизм руководители минской подпольной большевистской организации — Дзембо и Максимович. Минская подпольная организация большевиков героически продолжала борьбу.

А. ШАРАПОВ

По материалам Секретариата Главной
редакции «Истории гражданской войны»

МИНСКИЕ И ДУКОРСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

Осенью 1919 года в Козыреве, на квартире Василия Погирейчика, собрались представители партизанских групп из Минска и из соседних деревень. Избрали партизанский штаб. И с тех пор партизанское движение день за днем охватывало все новые деревни Минского уезда. Росло количество отрядов, добывалось оружие.

Козырево — поселок возле Минска. Колядичи — рядом. Много минских рабочих ушло сюда в партизанский отряд.

В конце января 1920 года в Гатове, в хате одной вдовы, была устроена вечеринка. Музыка, танцы, веселится молодежь. А во второй половине избу заседает первый партизанский съезд. Собрались партизаны деревень: Михановичи, Лошницы, Кайково, Острова,

Подгай, Климовичи, Котяги. Партизаны решили помешать прибытию подкреплений для польских войск, спускать под откос эшелоны, рвать мосты и разбирать железнодорожные пути.

На съезде были избраны командиры отрядов. Начальником особого подрывного отряда избрали Ивана Маслыко.

Суровая жизнь за плечами Ивана. В 1910 году он окончил сельскую школу. Семья большая — десять душ, а земли всего 5—6 десятин. Куда идти? В батраки. Два года у кулаков работал. В город пошел, и в городе не легче. Работал посыльным в минской гостинице, работал в Либаве на литейном заводе, был кочегаром на пароходе «Ревель». А тут грянула империалистическая война. На западном фронте Иван Маслыко попал в плен. В плену пробыл три года, до осени 1917 года. Когда услышал, что на родине революция — потянуло домой. Убежал из плена, но в Вильно его схватили. Еще раз убежал Иван. Шесть месяцев в лесах скрывался, а на родину попал.

Отдыхать не пришлось. На Советскую страну нагрянула панская свора. Иван Маслыко начал сколачивать партизанский отряд.

Скоро партизаны дали о себе знать. Андрей Кепше и Василий Погирейчик обрезали телеграфные провода на железнодорожной линии Либава — Ромны, в десяти километрах от Минска.

С Иваном Маслыко был связан один телеграфист. Он оказывал партизанам помощь, сообщая сведения о движении эшелонов с польскими войсками.

Иван Маслыко был неутомим — вербовал в отряд надежных людей, собирал по деревням оружие, заготавливал взрывчатые вещества. Зимой Маслыко, переправляя для отряда динамит из Слуцка, в перестрелке с белополяками был ранен в плечо. Динамит был доставлен, но рана оказалась серьезной. Не залечив раны, Маслыко вернулся в отряд.

В марте на Бобруйск двигался польский эшелон. На участке Михановичи — Руденск Маслыко с тремя партизанами разобрал железнодорожный путь. Поезд полетел под откос. Подрывная группа организовала крушение второго воинского эшелона между станциями Замирье и Погорельцы.

В конце марта партизаны задумали налет на самохваловичскую жандармерию. Подготовка этого налета была поручена также Ивану Маслыко. Нужно было получить пропуск в расположение жандармов. Это можно было сделать только через коменданта и его писаря. Партизаны узнали, что комендант, писарь и войт¹ ночи напролет пьянствуют в трактире.

Маслыко пришел в трактир. Собутыльники были уже там. Иван заказал вина, закусок и пригласил к столу сначала войта, а затем коменданта и писаря. Когда они напились, Маслыко под видом разрешений на провоз зерна подсунул им для подписи пропуск.

Партизаны действовали под самым носом врага, рискуя жизнью, показывая исключительные примеры мужества и изобретательности.

¹ *Войт* — волостной старшина.

Минский подпольный комитет партии снабжал козыревских партизан популярными брошюрами, листовками, прокламациями. Партизаны помогали коммунистам распространять литературу. Бросали листовки через окно в клуб, клали их в галоши гостей на вечеринках. Однажды Василий Погирейчик решил распространить листовки в кино. Переодевшись в костюм билетера, он во время сеанса роздал прокламации вместо программ и скрылся, уехав на извозчике. В Самохваловичах литературу распространили среди крестьян, приехавших на ярмарку.

К весне 1920 года грабежи и издевательства белополяков усилились. По деревням рыскали, охотясь за партизанами, карательные отряды. Партизанам пришлось на время отказаться от открытых выступлений. Но партизанское движение ширилось. Целыми деревнями шли крестьяне в партизанские отряды. Организовался отряд в Пережире и Ясновке под руководством Андрея Кривощекова, в Дукорах и Харевичах — под руководством матроса Андрея Блажко.

5 апреля 1920 года в деревне Михановичи собрался второй съезд партизан Минского района.

«Партизаны, — говорили выступавшие делегаты, — своими действиями дали знать панам, что их тыл ненадежен, и заставили польское командование оттянуть с фронта части для усмирения тыла. Это — большая помощь Красной Армии. Сейчас мы должны накапливать силы для решительных действий против поляков в момент наступления Красной Армии».

Командиры рассказали съезду о действиях своих отрядов, их составе и вооружении.

*

Кайковский лес тянется на многие версты. Даже лесники не знают, что в самой чаще притаилась землянка. В этой землянке получают задания партизаны. Сюда приходят они рассказывать о своих победах и неудачах. Здесь хранится оружие. В землянке помещается партизанский штаб.

Греет землю весеннее солнышко. Наливаются почки на деревьях. Недалеко от опушки леса на пеньке сидит Иван Маслыко. Плотный, со смуглым, давно небритым лицом, одетый в домотканную свитку. Последнее время отряду Маслыко приходится больше в лесу находиться. Опасно стало в деревне. Еду мать приносит. Да и не только еду; нужно было — и патроны на бороне привезла. Вот и сейчас ждет ее Маслыко, поехала в Минск за оружием: винтовками, патронами, пироксилиновыми шашками.

Послышался тихий свист. Иван пошел навстречу.

— Здравствуйте, мамаша, — сказал он, здороваясь с матерью. — Ну, расскажите, как у вас?

— Все хорошо. Винтовки, патроны и шашки эти... как их...

— Пироксилиновые, — подсказал Маслыко.

— Вот-вот... Получила на Подгорной улице, от военного. Все зарыто в поле. Андрей Адамович расскажет, он принял оружие.

Лицо женщины светилось нескрываемой радостью. Улыбался и Иван.

— Ну, а дорогой встретиться с поляками не пришлось?

— Было, было, у Лошницы остановили. Да, ведь, я не одна ездила-то, с Колькой ездила. Завернула его в одеяло, разгорелся он, красный стал. Я его научила: «Как подойдет кто, так и стони, больно, мол, кричи». Он так и делал. Подошли ко мне поляки, спрашивать стали: «Чего везешь, баба?» Я Кольку под бок. Он — кричать. «Больного, говорю, в больницу возила». Они и смотреть не стали. «Вези», — говорят.

— Молодец, мамаша, честное слово, молодец. Спасибо вам. — Иван пожал руку матери.

Мать сунула ему узелочек.

— Возьми, поешь. Изголодался, чай.

— Спасибо, мамаша. — Хотел Иван сказать матери что-то теплое и ласковое, но слова не приходили.

— Иди, мама, заметят еще.

К вечеру в штаб было доставлено из Козырева письмо, в котором сообщалось, что 27 апреля жандармами были произведены аресты партизан в Козыреве и Колядичах.

Карательные отряды свирепствовали по всему уезду. Деревню за деревней оцепляли каратели; разыскивали партизан, хватили первых попавшихся крестьян. В самое сердце отряда, в штаб партизан, проник предатель Шарангович.

Партизанские организации были раскрыты. На второй день после ареста партизан в Козыреве и Колядичах жандармы нагрянули в Гатово. Партизаны, не успевшие уйти в лес, были арестованы. К Гатову подошла целая воинская часть. Окружив деревню, белополяки собрали всех крестьян и по взятому у попа списку стали вызывать партизан по фамилиям. Никто не откликнулся. Офицер заявил крестьянам, что если не будут выданы партизаны, то от деревни останутся одни щепки. Крестьяне молчали. Через несколько минут солдаты стали разрушать избы партизан. Разрушив часть домов, солдаты кинулись в лес. Здесь партизаны встретили их дружным огнем, и они были вынуждены вернуться назад. Взбешенные каратели снова принялись за разрушение деревни.

В ночь на 3 мая карательный отряд приехал в местечко Дукоры. По доносу провокатора был схвачен Андрей Блажко, а вслед за ним еще 15 партизан из его отряда. К утру всех жителей местечка и деревни Харевичи согнали на улицу. Приехали три автомобиля. На каждом автомобиле пулемет. Раздалась команда:

— Большевики, три шага вперед!

Люди не шевелились. Солдаты стали наводить пулеметы. Послышались крики. Заплакали дети. Толпа, как один человек,

подалась назад. Под ее напором упал забор, и люди бросились врассыпную в разные стороны. Вслед убегающим застрекотали пулеметы. К счастью, пулеметы были наведены слишком высоко, и пули ложились впереди бегущих. Вслед за убегающими с винтовками наперевес побежали познанцы.

Арестованных партизан отправили в имение Дукоры. В местечке начался погром.

6 мая 1920 года в Минске состоялась расправа над козыревскими и колядичскими партизанами. Полевой суд за вооруженное выступление против польских захватчиков и участие в коммунистической организации приговорил к расстрелу: Вячеслава Василевского, Андрея Кеппе, Василия Погирейчика, Сергея и Семена Плащинских, Леона Путырского, Мелентия Процкого и Владимира Шумского.

7 мая они были расстреляны.

*

Польские генералы решили покончить с минскими партизанами. 9 мая целая польская дивизия повела наступление на кайковский лес. Партизанам пришлось уходить в глубь леса. Прижатые белополяками к небольшому озеру, у самого берега отбивались от врага Иван Маслыко с товарищем.

— Плен! Нет! Нет! Партизаны живыми не сдаются, — мысленно повторял Иван Маслыко слова, которые не раз говорил своим бойцам. Он повернулся к товарищу:

— Живыми не сдадимся! — И уже совсем спокойно сказал: — Прощай!

Прежде чем выстрелить себе в висок, Иван Маслыко посмотрел в сторону деревни, где была его семья, дом, мать...

Вслед за Маслыко выстрелил себе в голову и второй партизан. Он промахнулся, пуля прошла по поверхности черепа. Подскочившие солдаты схватили партизан и доставили их в Гатово.

В тесной комнате, под охраной конвоиров стоят и лежат арестованные. Маслыко, с залитым кровью лицом, лежит на лавке.

Вошел жандармский офицер.

— Оживет? — спросил он присутствующего тут же врача, показывая на Маслыко.

— Невозможно, пане офицер.

Повернувшись к одному из конвоиров, офицер приказал:

— Приведите мать Маслыко.

— Твой сын? — спросил жандарм, показывая на Маслыко.

Мать подошла к лавке. Под сгустками крови она узнала родные черты. Взяла руки, они были еще теплые. Ее ноги подкашивались, хотелось броситься на тело сына и зарыдать. Но вдруг мелькнула мысль: «Два сына арестованы. Этот убит... Нельзя, нельзя! Выпытают — все пропадут». Сделав над собой нечеловеческое усилие, она отвернулась от сына и тихо, почти

строго спросила одного из партизан, показывая рукой на Маслыко:

— Что это за человек?

— Не знаю.

— Я тоже не знаю.

Сказав это, она пошла к выходу.

Часть арестованных партизан увезли в Минск, часть — в имение Дукоры. В Дукорах было собрано 45 арестованных партизан. пытки, которым подвергались арестованные, не поддаются описанию. Арестованных били шомполами, защемляли в дверях пальцы рук, загоняли под ногти иголки, опутывали ключей проволокой. Партизаны мужественно переносили пытки. Производимые допросы не давали никаких результатов. Партизаны молчали.

Особенно зверски пытали Андрея Блажко. Но сколько его ни мучили, он молчал. На первом же допросе он заявил: «Пейте мою кровь, режьте мое тело и бросайте собакам, но вы от меня не добьетесь ни одного слова». Через семь дней был назначен суд.

*

Рассвет. За дверью слышны шаги солдат и команда. Дверь распахивается.

— Поднимайся, пся крив! — кричат солдаты и прикладами поднимают измученных узников. На сапогах вошедших солдат свежий желтый песок.

Кривощек и Блажко встречаются взглядами.

В глубине зала, подавляющего своей пустотой, стоит стол. За столом три офицера. Перед ними листы бумаги и черное распятие. У дверей, переминаясь с ноги на ногу, стоит поп.

В зале тихо. Партизаны стоят по обе стороны зала и в последний раз смотрят друг на друга.

Первым допрашивали Андрея Блажко. Он, как и накануне, ничего не сказал. Спросили еще несколько человек. Они тоже молчали. Полковник зачитал приговор:

«Блажко Андрей, Камлюк Степан, Кривощек Андрей, Машиновский Максим, Рудович Михаил, Камлюк Илья...»

Андрей Блажко смотрит в окно.

«...Бурый Петр, Камлюк Иван, Позняк Павел, Архимович Андрей, Котляник Юрка — за измену, за заговор против государства польского приговариваются к смертной казни через расстрел».

Никто не шелохнулся. Андрей Блажко все так же смотрит в окно. Он видит небо и ветку дерева с яркой весенней листвой.

Процедура панского суда окончена. Одиннадцать человек приговорены к расстрелу, остальные — к каторжным работам.

На рассвете 17 мая партизан повели на расстрел.

Гулко отдаются шаги в предутренней тишине. Потупив го-

ловы, со связанными назад руками идут одиннадцать человек. Но вот один из них запекает песню. К нему присоединяется второй, третий. Песня нарастает, будит местечко. На песню бегут люди.

«...Падет произвол и восстанет народ,
Великий, могучий, свободный...»

Поют одиннадцать человек.

Рудович — совсем еще молодой студент. Когда замолкает песня, он срывает с головы фуражку и бросает ее в толпу со словами: «Я пропадаю, пусть пропадет и шапка». В фуражке — последнее письмо к родным.

Могила. Сдерживаемая солдатами толпа остановилась. Партизаны стали у могилы. Все смолкло. Слышно было только шелканье затворов да дыхание толпы. Эту тишину нарушил несколько взволнованный, но твердый голос Андрея Блажко:

— Дорогие товарищи! Через пять минут одиннадцать человек падут мертвыми. Нас убьют, но придет могучая Рабоче-Крестьянская Красная Армия, которая освободит Белоруссию от владычества белополяков. Мы дело начали, кончат его те, кто останется в живых.

Офицер ругается и кричит, желая оборвать речь Блажко. Но голос Андрея крепнет:

— Знайте вы, польские палачи, уже близок конец вашего произвола. Знайте, что мировой коммунистический пожар, зажженный в октябре 1917 года товарищем Лениным, сожжет дотла капитал, душивший сотни лет человечество.

Да здравствует коммунизм и советская власть!

Пусть погибнет панская Польша!

К нему бросились товарищи, началось прощание. Несколько человек осужденных пытались говорить, но солдаты пустили в ход приклады и стали избивать партизан. Одиннадцать человек стали близко друг к другу. Им предложили завязать глаза, они отказались. Грянули три залпа. Несколько партизан упало в яму, другие в судорогах бились на земле. Их, еще живых, солдаты ногами столкнули в могилу.

На другой день из местечка потянулись подводы, конвоируемые жандармами и солдатами. Это — матери, отцы и дети партизан везли своих близких, осужденных на каторгу.

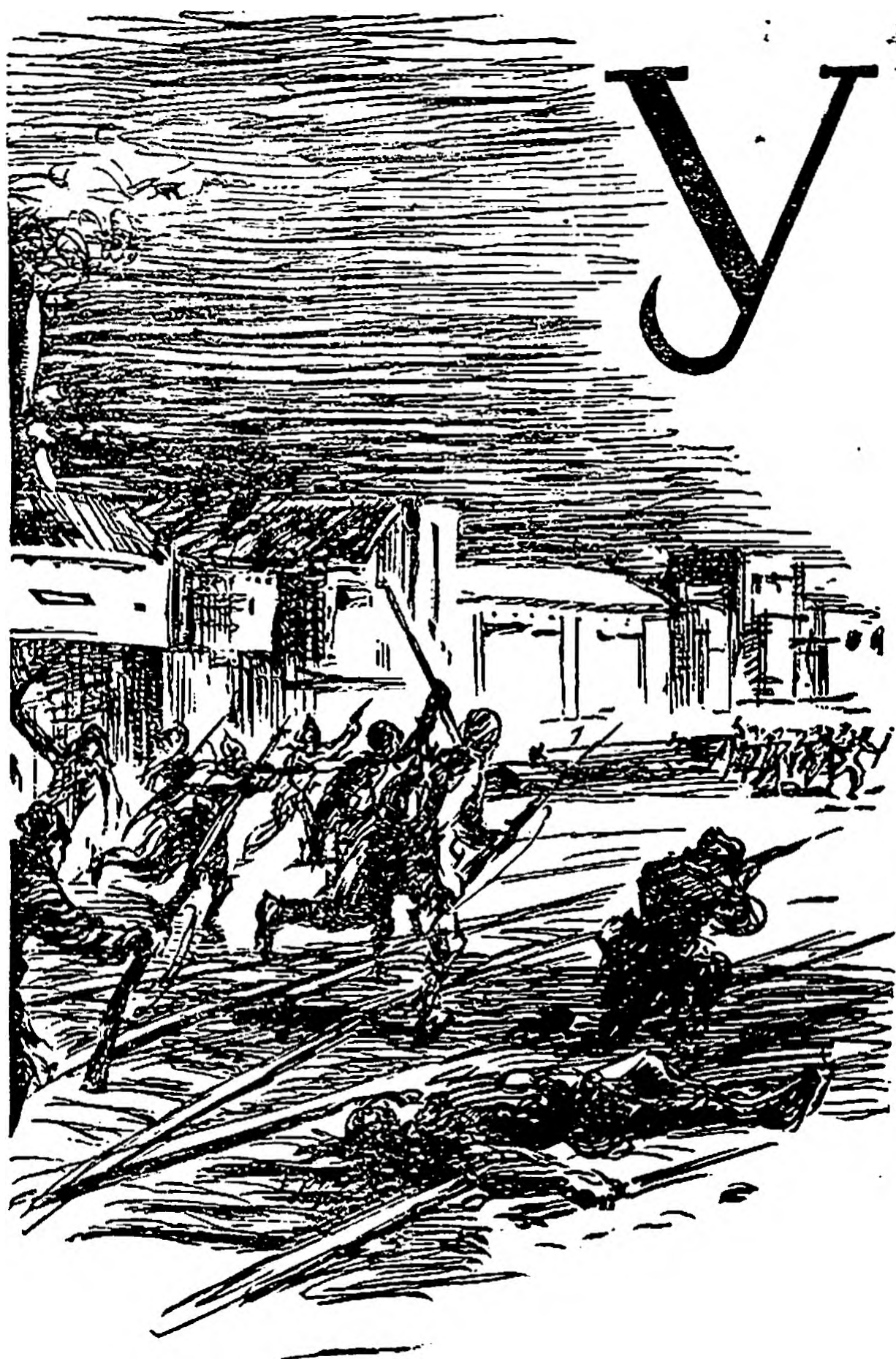
Более 300 партизан ушли в леса. Они ждали сигнала из-за Березины, чтобы ударить в тыл польским войскам.

З. БЯЛУЛЯ

*По воспоминаниям бывших красных партизан
Стародорожска: Варвары Сущинской, Ф. Полонейчика,
С. Полонейчика, А. Колова, И. Тишкевича и П. Тары*

АПАНАС ПОЛОНЕЙЧИК

Уже несколько месяцев невероятная тяжесть давит бедняцкую семью Полонейчиков. Каждый скрип двери тревожит их: не идут ли солдаты за последней коровенкой?

Старая Кузьминична, хлопоча возле печи, бормочет про себя:

— Апанаска, верно, давно в земле гниет. Ни слуху о нем, ни духу.

Кузьма вглядывается в занесенное снегом оконце. Его старший сын Тимоха и младший Федор еще лежат на полатах и о чем-то тихо говорят.

— Знать бы, по крайней мере, что с ним, с Апанасом, — не успокаивается Кузьминична.

— Каждый день одна и та же песня, — говорит Кузьма. —

Такие, как Апанас, не пропадают. Вернется. Что ему здесь делать? Он же красноармеец.

Апанас — средний сын Полонейчиков. Он ловкий, веселый. С ним домашние забывали и о бедности и о вечной голодухе.

Внезапный скрип двери заставляет всех насторожиться.

На пороге появляется человек, запорошенный с головы до ног снегом. Веселыми глазами окидывает семью.

— Здравствуйте.

— Апанаска... Родненький...

Мать прижимается головой к груди гостя. Пряча лицо в мокрую куртку сына, она плачет от радости...

Тимоха и Федор глядят на брата горящими глазами. Проходит первая волна радости. Мать снова тревожится:

— Сыночек, тебя же поляки могут взять... Ты же наверно... — она не договаривает до конца.

— Не бойся, мама. Поляки меня не тронут. Я удрал от красных. Я дезертир.

У старика грозно морщится лоб. Чужим, холодным взглядом глядит он в серые глаза сына.

— Дезертир?

Мать удивленно смотрит на него: не может быть...

Братья понимают шутку Апанаса. Им становится весело.

Апанас серьезно говорит матери:

— Если соседи спросят, говорите, что дезертир.

В родном доме Апанас — редкий гость. С малых лет он пошел «в люди». Полторы десятины земли не могли прокормить семью из девяти душ. В начале 1917 года Апанаса берут в армию. В 1918 году он возвращается на родину красногвардейцем, организует отряды Красной гвардии, помогает налаживать советскую власть в соседних деревнях. Потом Апанас идет в Красную Армию, участвует в боях против Колчака. На фронте он вступил в коммунистическую партию. В одном из боев его ранили. После выздоровления Апанас был направлен в распоряжение Реввоенсовета западного фронта, в Смоленске окончил политические курсы.

Партия посылает Апанаса на подпольную работу. Он переходит линию фронта. Трудная и опасная задача стояла перед Апанасом: в тылу у врага — в Стародорожье организовать отряды красных партизан. В каждой деревне шпики — кулаки, панские прихвостни. Апанас вынужден работать под фамилией Сосновского.

С приходом поляков в деревнях царят тоска и уныние. Парни и девушки сидят по домам — веселье на ум не идет. Апанас находит выход. Он собирает вечеринки, сначала в хате отца, потом у соседей. На это и польская власть смотрит благосклонно: молодежь вся, как на ладони, — не занимается опасными делами. Поют под гармонику песни. Парни и девушки танцуют лявониху, польку, изобретают разные игры.

Больше всех веселится 24-летний Апанас. Он привез с фронтов большой запас песен, частушек, знает много интересных историй, игр. Он умеет пошутить с девушкой, порассуждать о житье-бытье с вдумчивым дедом, поговорить по душам с горе-мычной пожилой крестьянкой. С каждым — свой. Его все любят.

На этих вечеринках он присматривается к людям, незаметно изучает их. Закинет в компании словечко на политическую тему и следит за впечатлением. Если словечко не дошло до сердца, он моментально надевает маску дезертира, новая шутка, новая частушка или танец заставляют забыть о его словах.

Апанас доволен. На первой же вечеринке он нашел несколько человек, которым можно верить, с которыми можно поговорить о серьезных делах.

Люди, разгоряченные танцами, медленно и неохотно расходятся по домам. Кто нужен — остается. Через самого верного человека Апанас передает им: «На угощение». Оставшиеся собираются в горнице.

Крепкие, горячие слова Апанаса волнуют и западают в голову.

«Скоро придут большевики, — говорит он. — Все имения разделят между крестьянами. Фабрики и заводы — рабочим. Народ станет полным хозяином жизни, сам будет увеличивать богатства страны и пользоваться ими. Надо помогать Красной Армии, вредить врагу, жечь мосты, уничтожать телеграфные линии, нападать на жандармерию и т. д. Это создаст панику среди панов-генералов. Они оттянут войска с фронта. Большевики придут скорее, скорее освободится наша земля от панского ига.

Опасность для жизни? — продолжает он. — Будет много жертв? Но жить под панским сапогом хуже смерти. Да и все равно придется погибнуть от голода и разрухи.

У нас в деревнях немало людей, которые побывали на фронтах. У них припрятано оружие...

Нужно отвоевать свою жизнь... Выход один — бороться с проклятым врагом!»

Так оканчивается каждая вечеринка.

*

В Полесье стоят крепкие морозы. Величавой сединой снегов окутаны непроходимые леса. Под ледяным щитом спят реки, озера и болота. Апанас ничем не отличается от крестьянских парней: он занят по хозяйству, а иногда отправляется «в гости» к родным и приятелям в соседние деревни. Отлучается из дому на три-четыре дня.

С малых лет Апанас знаком с окрестностями. Он тщательно собирает сведения о местонахождении польской жандармерии, военных постов, штабов, дефензивы, огнескладов.

В каждой деревне он связывается с одним-двумя людьми. Эти двое от имени подпольного партийного комитета призывают крестьян в партизанские отряды Сосновского. Имя Сосновского произносится шопотом, с уважением и любовью.

Целыми ночами Апанас Полонейчик-Сосновский занят организационной работой. Ему помогают Иван Тишкевич, рабочий местечка Старые Дороги, бывший председатель Стародорожского

волостного ревкома, Антон Томилович, известный под кличкой Трубачева, и Григорий Яковлев.

Апанас ездит в Минск и Бобруйск. Здесь он получает указания, коммунистическую литературу, прокламации и оружие.

К весне 1920 г. были созданы партизанские отряды в местечках и деревнях: Дороганово, Кринки, Мезовичи, Птушичи, Радутичи, Симановичи, Пастовичи, Фаличи, Старые Дороги и Новые Дороги. Эти деревни расположены у железной дороги Слуцк — Могилев, у шоссе с телеграфными линиями, у мостов через реку Птичь. В этом районе имеются польские склады боевых припасов.

Лесисто-болотистая местность знакома каждому партизану, как свои пять пальцев, и удобна, чтобы в случае необходимости на время притаиться и исчезнуть.

Основные кадры партизан уже спаяны в одно целое. Во главе отрядов опытные командиры.

В отряде 100 бойцов, но по первому зову к ним готовы присоединиться еще 400—500 крестьян.

Апанас и его партизаны распространяют листовки, расклеивают прокламации.

Весной Апанас заболел сыпным тифом и лежал дома с высокой температурой.

Несмотря на строгий отбор людей и умелую конспирацию, в партизанские ряды проникли провокаторы: Роман Дrajнюк и Гольдбург. Они слышали о Сосновском и знали, что польская дефензива ищет его. Дrajнюк узнал, кто такой Сосновский, и донес на Апанаса. Больной Апанас прятался в лесу, в соседних деревнях. Еще не совсем выздоровев, Апанас поехал в Минск за директивами. Здесь он получил важные задания: красные армии западного фронта готовились к наступлению.

Апанас Полонейчик по ночам объезжает отряды, проверяет личный состав партизан, дает инструкции о боевых действиях, подбадривает и воодушевляет товарищей.

Темная майская ночь.

Не спят в эту ночь в деревнях. Партизаны Стародорожья должны сдать свой боевой экзамен. Днем читали они газету «Белорусь», прибывшую из Минска. «Белорусская войсковая комиссия», созданная Пилсудским и Белорусской радой, призывает народ вместе с Польшей бороться против большевиков. Партизаны, брезгливо отплевываясь, говорят: «Предатели! Называют себя отцами белорусского народа! За ноги да в Птичь таких «отцов» — кулацких сыновей».

Апанас Полонейчик отдает команду: выполнить в эту ночь задание штаба красных партизан.

Во мраке тонут постройки местечка Дороганово. Нигде ни одного огонька. Тишина. На станции кое-где мелькают волчьим глазом фонари. В жандармском помещении горит лампа и проливает сквозь окна мутные полосы света.

На мосту стоит часовой, жолнер с белым орлом на конфедератке. Поблескивает ее широкий козырек с жестяным околышем. Издали следит за солдатом несколько пар глаз.

Через кусты, через заросли к мосту неслышно приближаются люди. Где нет кустов, они ползут по земле. С моста их не видно. Совсем легко снять часового одним метким выстрелом, но несвоевременным шумом можно испортить дело.

Люди прирастают к земле, ползут по насыпи на мост с обеих сторон. Часовой должно быть дремлет с открытыми глазами. Вот он вздрагивает... Поздно... Он не успевает даже крикнуть, его труп падает в холодные объятия Птичи...

В это же время группа людей перебегает переезд и направляется к дорогановскому вокзалу. В мертвой тишине люди окружают здание. Старший дает сигнал. Несколько партизан уже у окна. Они видят все, что делается в комнате. Согнувшись над газетой, сидит жандармский сержант. В комнате в разных позах сидят еще шесть жандармов. Сержант покручивает пышные усы, причмокивает губами. Настроение у жандармов, очевидно, хорошее. Вдруг открывается дверь. На пороге стоит человек с винтовкой. Ужас охватывает жандармов. Перед ними Трубачев — командир партизан деревни Кринки. Сержант быстро закрывает дверь. Внезапно раздался звон разбитого стекла: через окно в помещение вскакивают партизаны. Выстрел — и сержант падает. Жандармы пытаются сопротивляться, но комната уже наполнена партизанами. Четверо жандармов пластом лежат на полу. Троим удалось удрать.

В этот момент за станцией вспыхивает веселое пламя. Огненные лапы ползут во все стороны. Это горит мост. От выстрелов и шума просыпается местечко. Представители польских властей удирают огородами.

Партизаны рвут телеграфные провода, разрушают железнодорожный путь. Трубачев водружает над вокзалом красное знамя. Утром около станции ни живой души — партизаны исчезли.

В эту же ночь четыре партизана подожгли железнодорожный виадук на перегоне Ясень—Татарка.

На шоссе возле Симанович также пылает мост — дело рук партизан деревни Радутичи.

Новодорожские партизаны режут телеграфные провода около деревни Новые Дороги и разгоняют жандармскую штаб-квартиру, бросив туда несколько бомб.

Стародорожские и пастовичские партизаны готовят налет на склад боеприпасов. Но утром приходит приказ: прекратить операции, потому что наступление Красной Армии перенесено на более поздний срок.

Красное знамя над вокзалом развевается еще несколько часов. Жандармы разбежались. Шляхта боится подойти близко — не выстрелил бы кто-нибудь.

В имениях и фольварках паника. Дорогановский помещик торопливо собирается выезжать из имения в глубь Польши: лихорадочно упаковывается в сундуки панское имущество. Взволнованные батраки перемигиваются и радостно поглядывают в весеннюю даль. Там, над станцией Дороганово, в синем небе развевается красное знамя. «Проклятые кресы»¹, — возмущаются паны.

Польские генералы скрежещут зубами: в тылу — советская власть!

В Дороганово приезжает специальная комиссия для расследования. Военные специалисты приходят к выводу, что налет был сделан большим отрядом конницы, так как на улицах остались многочисленные следы подков.

По деревням разосланы карательные отряды. Их много — до двух полков. Разворачивает свою черную работу дефензива. Ей помогают предатели. Шабуневич, служащий дорогановского пана, составляет списки партизан. Ночью вооруженные жандармы и солдаты нападают на деревню Кринки и уводят партизан, участвовавших в налете на Дороганово. Одновременно в Радутичах было арестовано трое партизан. Остальным удалось скрыться. С ними — Апанас Полонейчик и Трубачев. Весь Стародорожский район оцеплен заставами, караулами и патрулями. Ищут партизан. Подготавливают облаву на Апанаса Полонейчика.

В дом Кузьмы Полонейчика вваливаются два жандарма, трое остаются во дворе. В доме вся семья, кроме Апанаса. Старший сын Тимоха болел черной оспой и только что начинает поправляться.

Грозный вопрос:

— Где сын Апанас, пся крев?

— Да где-то в деревне, паночку!

— Сейчас же позвать шельму.

Апанас действительно был в деревне и собирался скрыться. Старый Кузьма выходит из дому искать его. Больной Тимоха сидит за столом в полушубке и на коленях держит ребенка. Пастух в это время гонит овец. Жена говорит Тимохе:

— Иди, загони овец во двор.

Она говорит это умышленно, чтобы он мог спрятаться, так как все знают, что он служил в Красной Армии. Жандармы разрешают Тимохе выйти. Во дворе он видит еще трех жандармов. Тогда он расстегивает полушубок, будто бы идет за сарай оправиться. Прячась между своим и соседним сараем, Тимоха бежит к реке. Жандармы стреляют в него. Он скрывается в ближайшем ельнике. Туда идти им страшновато. Ни с чем возвращаются они обратно.

¹ *Кресы* — окраины. Так в Польше назывались захваченные белополяками украинские и белорусские области.

Обеспокоенный Кузьма находит Апанаса на другом конце деревни. Разве он отдаст сына в руки жандармов?! Лучше сам погибнет. Шопотом говорит он Апанасу:

— Утекай, сынок, канарки за тобой пришли...

— Прощай, отец...

Кузьма возвращается в хату. Невинные глаза, озабоченный голос:

— Нигде его не нашел, паночки...

Все пять жандармов бросаются на него со штыками. Домашние поднимают крик, а старик Кузьма спокоен. Главная беда миновала — сыновья спасены...

— Подождите, паночки, — говорит он. — Я сам старый солдат, с японцами воевал. Разве так людей забирают? Меня, отца родного, послали за сыном. Какой же дурак сам в руки к вам полезет? Сами бы потрудились, вас же здесь пять человек. Одного больного задержать не могли. При чем здесь я? Я понимаю службу так, что если бы я пришел даже один с оружием в руках, а вас было бы десять, вы из моих рук не вырвались бы... Правду говорю...

Еще больше свирепеют. Вот сейчас разорвут старика на куски.

— Смеяться над нами?!

— Бейте, — говорит он, — если имеете власть.

Жандармы бьют старика плетью. Приказывают крестьянам поджечь хату Полонейчика. Обкладывают стены соломой, угрожают: «Кто пожар тушить будет — пуля».

По всем деревням Стародорожского района озверевшие жандармы и отряды жолнеров ищут партизан, избивают до полусмерти стариков и детей. Конфискуют имущество, накладывают контрибуцию.

Жандармский застенок находится в Дороганове в доме торговца Рывкина. Дорогановцы и днем обходят этот дом. Он наводит ужас на людей. Ночью ставни закрыты. Часто из дома слышны стоны, нечеловеческий вой, крики и плач. Никакая человеческая фантазия не додумается до того, до чего додумывались белопольские звери. Когда окровавленные жертвы уже лежат без чувств, их волокут как мешки, в склеп. Здесь находятся кринковские партизаны.

Их мучают изо дня в день. Добиваются выдачи товарищей. Партизаны держатся, как герои.

Нужна нечеловеческая сила, чтобы переносить такие страдания... Захару Соценко ущемляют между дверьми руки и ноги, а потом жгут огнем пятки, обещают выколоть глаза каленым железом. Он воет, прокусывает насквозь нижнюю губу, по окровавленному лицу текут слезы.

Молчит Соценко. Придает ему силы и пример товарищей, терпящих такие же муки. Но палачи начинают вырезать полосы на его спине. Соценко теряет сознание. Бредит.

— Говори, собачья кость, кто из деревни Мезовичи участие принимал? Говори.

Он уже не человек, а мешок исполосованного, изрубленного мяса с переломанными костями.

В этом доме работает наймитка-кухарка Анна из деревни Мезовичи.

В то время, когда мучают Сощенко, Анна убирает соседнюю комнату. Она напрягает все свои силы, чтобы не кричать вместе с Сощенко. Вдруг слышит — Сощенко в бреду неразборчиво произносит фамилии, а за ним жандармы повторяют их громко. Анна прислушивается. Жандармы называют фамилии и имена ее соседей из деревни Мезовичи...

Она бросается через черный ход во двор. Хотя она и одинокая сирота, но мезовичане ей кровные, близкие и в горе и в беде. До деревни Мезовичи семь верст. Девушка не чувствует под собой ног... Только бы жандармы за ней не погнались...

Скоро в Мезовичи выезжает отряд жолнеров. В руках капитала список мезовичских партизан. Анна опередила их всего на несколько минут. Партизаны успели скрыться. Забрали только одного Михаила Новика. Без единого слова умер он от пыток.

*

Все Стародорожье кипит польскими солдатами. Тыл становится своеобразным фронтом — тяжелым, изматывающим. Жандармы не ошибаются, когда чувствуют врага в каждом крестьянине. Все их враги: и старые, и малые, весь белорусский народ. Женщины и дети помогают партизанам: носят еду, прячут, извещают, когда переходить в другие места, передают в лес нужную весточку.

Апанас подбадривает партизан, находящихся на воле. Он собирает их из окрестных лесов и болот и сколачивает новую силу. Отряды Апанаса не перестают действовать. Группа партизан под командой Иосифа Тары разрушила телеграфную и телефонную связь между Слуцком и Бобруйском, между деревнями Новые Дороги и Пастовичи. Партизаны убили двух разведчиков, торопившихся с донесением в Старые Дороги. Эта же группа совершает налет на кавалерийскую разведку в 40 человек.

Партизаны убили семерых улан.

Апанас Полонейчик стал слишком популярен в дефензиве. Жандармы знали его приметы. Его искали повсюду. Генеральный штаб обещал высокую награду тому, кто доставит Апанаса живым или мертвым. Старый Кузьма каждый день был обязан являться в Дороганово, в жандармерию. Там каждый раз били его:

— Где твои сыновья?

Почернел старик от побоев. Гнев и ненависть к угнетателям наполняли его. Он припрятал винтовку и патроны и сам готовился принять участие в повстанческом движении.

Апанас неуловим. Он — везде и нигде. Находчивый и смелый, он никогда не теряется.

Однажды идут из Минска Григорий Полонейчик и Апанас. Возле Козыревского кладбища они встречаются двух кавалеристов. Те подозрительно присматриваются к пешеходам. Апанас с товарищем прячутся на кладбище. Один кавалерист останавливается, а второй едет в город. Апанас говорит Григорию:

— Нам нужно исчезнуть.

Он вынимает нож, вырезает дерн, укладывает Григория в землю, закрывает дерном и забрасывает сверху листьями и валежником. Потом сам замаскировывается таким же образом. К кладбищу мчится машина с солдатами. Они окружают кладбище, проходят по нему и никого не находят.

Нужно было Апанасу проехать в Минск, в краевой партийный комитет. Станция Осиповичи забита военными эшелонами. На перроне расфранченные жандармы следят внимательным взглядом за прохожими. Транзитным поездом воинская часть отправляется в Минск. Поезд трогается. На тормоз одного из вагонов вскакивает какой-то парень, с виду деревенский батрак. Непрошенного пассажира видит унтер — познанец. В записной книжке унтера — приметы здешних партизан. Унтер то в книжку посмотрит, то на парня.

— Эх, если это один из тех... Был бы и гонор и деньги.

В Тальке парня снимают и сажают в вагон. Унтер стал говорить с ним. Никакого толку: придурковатый. Познанцы смеются над ним. Оборванец начинает чувствовать себя как дома. Смешные песни поет, странные прибаутки говорит. Есть просит. Познанцы в восторге, угощают его белым хлебом, папиросами. Унтер разочарован: это не партизан. В вагоне душно, открыли окна. Вокруг красивые места. Речка. У берега густая осока, деревья.

— Утки... утки!.. — кричит один из познанцев.

Унтер — страстный охотник.

— Вот бы тут пострелять!

Все бросаются к дверям. А когда возвращаются на свои места, веселого остолопа и след простыл. Нет, след остался. Вот на стенке вагона что-то написано мелом. Унтер читает:

«Неудачные вы охотники. Апанас Полонейчик».

Сигналы. Выстрелы. Останавливают поезд. Ищи ветра в поле.

Апанасу Полонейчику подпольная большевистская организация поручила большое дело — совершить налет на артиллерийский склад возле Бобруйска и взорвать его. Сбор партизан на Пастовичском кладбище. Часть партизан должна прийти с Апанасом, другая — с Тишкевичем.

Солнце жжет. Густо заросшее орешником кладбище манит

прохладой. Григорий Яковлев и еще несколько человек уже собрались в низине под деревьями.

Яковлев нетерпеливо ждет Апанаса, чтобы вместе с ним выработать план действий. Алексей Домковский составляет вместе с Яковлевым список крестьян, которых при наступлении Красной Армии можно мобилизовать для борьбы с польскими войсками.

Партизан Бухтеров старается сегодня быть особенно активным. Он не может скрыть своего ухарства.

— Вот скоро побьем поляков, — говорит он. — Будет социализм. Мы все получим награды от большевиков. Нам дадут хорошие должности. Эх, как заживем!

Искося посматривают на него партизаны. Он вынимает из кармана наган и забавляется им. Партизаны озираются по сторонам — почувствовали недоброе.

Но ведь это говорит свой товарищ, принятый в партизанский отряд по рекомендации Яковлева. Бухтеров с Яковлевым учились четыре года вместе в школе, на одной кровати спали. Яковлев называет его кумом. Внезапно раздается выстрел. Это Бухтеров стреляет в землю...

— Ах, ты чорт, — бранится он, — случайно...

Вдруг появляется караульный партизан:

— Расходись, окружены...

Партизаны бросаются через густую рожь к лесу. Но что за чорт! Кладбище окружено людьми в крестьянских свитках и шапках, с винтовками. Это переодетые жандармы и легионеры. Они прятались в густой, высокой ржи.

Не успевает убежать Домковский. Пуля навывлет пробивает его грудь. Он уже не может идти. Но в руке у него список. Он жует и проглатывает опасную бумагу...

«Кум» из партизана превращается в образцового офицера. Он дает команду окружить партизан. Сам выстрелом из нагана ранит Кирилла Тару. Тот падает, обливаясь кровью. Несмотря на усердие провокатора и жандармов, в плену остаются всего трое партизан: Антон Дышлевич, раненые Кирилл Тара и Алексей Домковский. Пленных связывают веревками и ведут в имение Подкрасье. Пан Гутарович поздравляет жандармов с удачей и здоровается с «кумом». Утром Бухтеров известил Леуся Гутаровича, что партизаны собираются на кладбище, и пан на велосипеде помчался в Новые Дороги подготовить облаву. В Подкрасье избивают пленных нагайками, потом привязывают веревками к лошадям и гонят в Новые Дороги.

К четырем часам на Пастовичское кладбище разными дорогами направляются Тишкевич и Апанас. Спасшийся от жандармов партизан из отряда Яковлева предупреждает Апанаса о провале на кладбище. Тишкевич узнает об этом на одном из хуторов. Апанас уходит с отрядом в непроходимые болота и леса, но и оттуда он напоминает о себе: партизаны обстрели-

вают жандармов, нападают на жолнеров, жгут мосты, тревожат помещика.

Крестьяне целыми семьями уходят в леса, забирая с собой скот и вещи. Они ждут прихода Красной Армии.

19 мая на Березине начались бои. Гул канонады долетел до Бобруйской крепости. Здесь скучены сотни людей. В тесных, душных, зловонных камерах-одиночках томятся по 8—10 человек. Каждый день их выводят группами из казематов, и по Березине разносится залп... На другом берегу реки откликается эхо и замирает в густом лесу... Расстрелянных закапывают на месте расправы.

В одной из тесных каморок лежат семеро измученных партизан из тех, что были на Пастовичском кладбище. Приговор вынесен. Сегодня расстрел... Худые, бледные, с выбитыми зубами, на всем теле раны от непрерывных побоев, — они напряженно прислушиваются к орудийному грохоту. Они переглядываются, и улыбка озаряет их лица. Их бодрит приветствие с того берега Березины. Все передумано и переговорено. Как они пошли тогда совещаться на кладбище? Разве мало лесов в окрестностях? И почему они так верили Бухтерову? Почему на кладбище не покончили с этой гадиной? Вот что больнее всего и обиднее...

За них отомстят товарищи. Скоро родная страна будет освобождена. Это сознание придает им бодрость в последний день жизни.

Андрей Щерба пишет письмо:

«Дорогая сестра Анна! Завтра меня и моих товарищей не будет больше в живых. Не горюйте, не оплакивайте нас. Мы знали, за что боролись и на что шли. Но обидно, что мы так неосторожно держались и попали врагу в лапы. Пусть гумно, доставшееся мне по разделу, братья отдадут тебе, Анночка, а вы, братья милые, жалейте сестру, помогайте ей жить. Прощайте. А если можно, перевезите мое тело в Пастовичи».

Пишет письмо сестре и Иосиф Тара. И он просит, чтобы его похоронили на Пастовичском кладбище.

Сестра Тары узнала, что в восемь часов вечера за крепостью расстреляют ее братьев и товарищей. Один знакомый дал ей корзинку в руки: «Говори, что из ближайшей деревни, на рынок ходила, продавала яички, а сейчас домой едешь. Тебя пропустят, и ты их увидишь».

Вечером Барвара видела: за крепостью девять человек копают ямы. Солдаты привели связанных Кирилла Тару, Данилу Бухала, Антона Дышлевича и Домковского. Их подвели к ямам. Офицер прочитал приговор и спрашивает у Кирилла Тары:

- За что ты шел?
- За советскую власть...
- Завязывать глаза?

— Пусть будут открыты. Не боюсь смерти. А вам, сволочам, здесь недолго пановать.

Скрежещет зубами офицер и отдает команду.

Выстрелы из нескольких винтовок — и четыре человека падают в ямы. Их засыпают землей.

Через несколько дней к четверем могилам прибавились еще три. Там легли Иосиф Тара, Щерба и Яковлев.

В деревнях и местечках Стародорожья царят отчаяние и гнев. Сколько расстреляно крестьян, убито и искалечено женщин, детей и стариков! Рожь и овес истоптаны уланскими лошадьми. Имущество конфисковано, дома сожжены.

В лесах и болотах живут партизаны.

6 июля около деревни Мезовичи партизаны задержали польского солдата. Он сказал, что поляки начинают отступать. Об этом ему говорил его брат, который служит писарем в штабе. А он сам идет домой. Партизаны отобрали у него винтовку и патроны и сказали:

— К матери можно и без оружия.

К Тишкевичу приходит переодетый крестьянином красноармеец.

— Красная Армия, — говорит он, — начнет скоро наступать. Партизанские отряды Старых Дорог должны действовать. Штаб 8-й дивизии приказывает готовиться к последнему бою.

По дорогам Стародорожья начинают спешно уходить польские части. И днем и ночью не утихает грохот повозок, крики, похабная ругань.

Отряд Апанаса пересекает дорогу удирающим полякам, обстреливает их из лесу, мешая им останавливаться и жечь села. В Горковской волости его отряд соединяется с тамошними партизанами и около деревни Заречное, на берегу Ороссы, вступает в бой. Так идет отряд Апанаса вместе с Красной Армией, преследуя поляков до самого Слуцка.

В Старых Дорогах собирает свой отряд Тишкевич. Партизаны открыто выступают против польских войск. Они прогнали легионеров из местечка и спасли его от пожара, взорвали железнодорожный мост по пути на Слуцк и задержали поезд с воинской частью и с боевыми припасами. Пробираясь лесными тропинками, партизаны показывали красным бойцам кратчайшие пути.

Часть стародорожских партизан пошла дальше с Красной Армией, а часть осталась на месте. Партизаны собрали в деревнях всех лошадей и разместили красноармейцев на подводах.

Деревни и местечки Стародорожья встречают Красную Армию. В Стародорожье восстанавливается советская власть.

*

С Польшей подписан мир. Но польские паны еще мечтают о господстве в Белоруссии. Польский штаб, белорусские нацдемы и наемник французской и польской разведок Савинков

создают банды. Сюда идут паны, белые офицеры, кулаки. Банды перебрасываются через советскую границу.

Вместе с 21-й бригадой войск ВЧК Апанас ликвидирует бандитизм в Стародорожье.

Весной 1921 года в лесах Стародорожья орудовал со своей бандой шляхтук из-под Осиповичей, поручик Пташинский. В его банде были и стародорожские кулаки.

Польская дефензива никак не могла забыть стародорожских партизан. Она передала списки их Пташинскому, и бывшие бойцы часто погибали от бандитской руки.

За голову Апанаса Полонейчика польский штаб обещал сорок тысяч марок. Об этой награде мечтал пан Пташинский. Он наладил слежку за Апанасом. Апанас в это время оканчивал сельскохозяйственные курсы и собирался в Пуховичи на практику. В июне он приехал на пять суток домой.

Пташинский узнал, что Апанас в Радутичах.

Осторожно подошли 60 бандитов к деревне, рыщут вокруг со спрятанными под полою обрезами. Но в деревню зайти — отваги нехватает.

Вечерние сумерки окутывают деревню. Кое-где в хатах зажигаются огоньки. Во дворах еще не окончена работа. Хозяйки доят коров.

Апанас знал, что на него готовилось нападение. Но в это время в Дороганово прибыл бронепоезд с красноармейцами, и Апанас совсем не боится. Он гуляет по деревне без оружия.

Апанас встречается с бандитами. Он думает, что это красноармейцы с бронепоезда. К нему подходят несколько человек и спрашивают:

— Ты кто такой?

— Я курсант, — спокойно, ничего не подозревая, отвечает Апанас.

— Нам такие и нужны.

Его окружают и уводят. У дверей хаты Полонейчиков ставят стражу, чтобы никого не выпускать. В конце деревни нарочно затевают драку с парнями, пытаются отвлечь внимание молодежи.

Апанаса ведут на кладбище.

Около хаты секретаря сельсовета Кисина бандиты останавливаются, выводят секретаря и его старую мать. Всех троих гонят через поле на кладбище.

Беспокоятся Полонейчики, никто из них не спит. Бандиты исчезли из Радутич, прячутся в лесу, как волки.

Старик Кузьма встревоженный ходит к соседям из хаты в хату.

— Не видали ли Апанаса?

Начинает светать. Кузьма выходит за деревню.

— Сюда, сюда, — кричат пастушки у кладбища. — Вот убитые лежат.

Бегут братья Апанаса — Тимоха и Федор:

— Вот они, — мать и сын Кисины... лежат в лужах застывшей крови.

Бегут еще шагов сто.

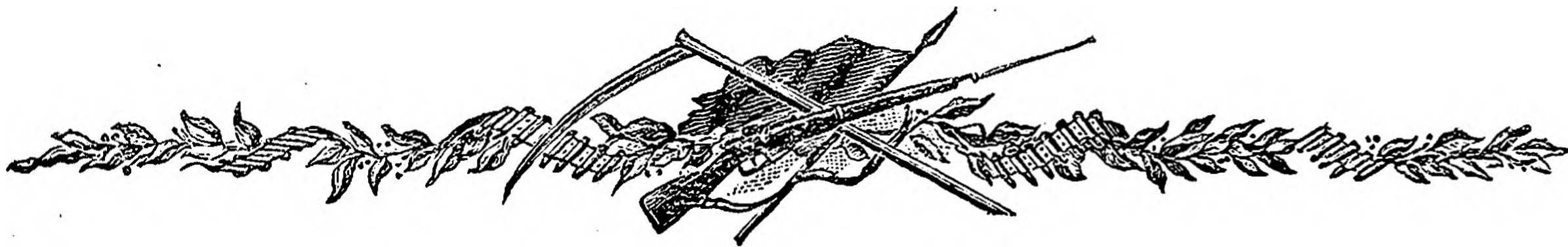
Вот... в канаве... раздетый... Изувечено лицо. Чем-то тупым били...

Припал старый Кузьма к холодной груди сына.

— Апанаска! Апанаска!.. — точно будит его.

*

Прошли годы. В Стародорожье цветет новая, счастливая жизнь. Память о тех, кто погиб в борьбе за нее, об Апанасе и партизанах Стародорожья, живет в народе.

Ф. ШИНКЛЕР

По воспоминаниям И. Марона и В. Гельфанда

БОБРУЙСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ В ПОДПОЛЬЕ

В двадцать восьмого августа 1918 года польские войска захватили Бобруйск. Началась расправа польских панов над трудящимися. По городу рыскали жандармы. Бобруйские шляхтичи, крупные торговцы, хозяева предприятий нашептывали дефензиве о «подозрительных особах», стряпали доносы на честных советских людей.

В имения черным вороньем слетались помещики. По непокорной крестьянской спине гулял жандармский бизун. Большинство партийцев ушло с Красной Армией. Но большевики решили не прекращать партийной работы, не оставлять трудящихся во власти польских захватчиков.

Центральный комитет коммунистической партии Литвы и Белоруссии оставил для подпольной работы в городе и уезде людей, деньги, типографию, литературу на русском, польском и еврейском языках.

Был создан подрайонный комитет партии, который ушел в

подполье. На первом подпольном собрании члены комитета решили лично связаться с коммунистами, оставшимися в деревнях и местечках, создать там подпольные коммунистические ячейки. Для работы в деревне создали группу товарищей, одному из них, местному уроженцу, поручили выехать в уезд.

Но город и уезд опоясаны линией фронта. На каждой железнодорожной станции, в каждом селе — жандармские посты, на каждом шагу тщательная проверка документов. И разве может коммунист пойти в магистрат за получением польского паспорта?

В это время магистрат объявил, что польские паспорта не обязательны для тех, кто имеет паспорта, выданные при немецкой оккупации. Польские власти полагались на зоркость и опытность кайзеровских жандармов.

Через несколько дней бобруйские печатники тайно отпечатали большевистской подпольной организации 200 бланков для паспортов. Подпольщики имели теперь «законный документ». Большевики начали разворачивать работу.

*

На окраине города, за железнодорожной линией, в Песках, рабочий-переплетчик Блюменталь открыл мастерскую. Маленькая закоптелая каморка, еле пропускающий свет глазок-окно, жесткая постель на наспех сколоченных козлах — все в одной тесной, загромажденной каморке: и мастерская и жилье...

Ночью, когда Пески засыпали и прекращалось движение на улице, Блюменталь плотно занавешивал окно, осторожно поднимал половицы и спускался с заступом под пол. Проработав ночь, он отправлялся утром в город «за материалом». Усталый, с тачкой, нагруженной обрезками досок и фанеры, возвращался он домой. Под досками лежали пачки типографского шрифта и литература. Бережно снимал он нелегкий груз и вносил в дом. Под полом, в просторной яме лежали пачки книг, листовок, разобранная на части типографская машина — «американка». Старый, опытный подпольщик, член Бобруйского комитета большевиков, Натан Авербух, он же Блюменталь, перевез сюда склад литературы. На прежней квартире держать литературу было опасно. Блюменталь умело конспирировал склад литературы, не допуская в мастерскую слишком много покупателей.

Большевики не были одиноки. Их окружали люди сочувствовавшие, ненавидевшие польских захватчиков. Это были бобруйские рабочие, трудящаяся молодежь. Мысли их были за Березиной, там, где стояла Красная Армия. Они помогали большевикам держать связь с частями Красной Армии и с ЦК коммунистической партии Литвы и Белоруссии в Смоленске.

Даже в типографии штаба 1-й Великопольской (Познанской) дивизии нашлись у Бобруйского комитета помощники. Вот печатники набирают приказы, секретные сводки и директивы

польского штаба. Двое рабочих в машинном отделении делают с набора корректурные оттиски. Незаметно под валик кладется лишний лист бумаги. Лишние оттиски, запрятанные в одежду, брошенные в кучу бумажной макулатуры, выносятся во двор — мимо патруля познанцев, мимо дежурного жандарма, а оттуда попадают в руки большевиков.

Подпольный Бобруйский комитет наладил работу среди польских солдат и завязал связи с солдатами-коммунистами.

Денщик польского генерала, командовавшего крупным войсковым соединением, выходя вечером прогуляться, не раз передавал пакеты с ценными сведениями одному из членов комитета.

На конспиративной квартире двух сестер-портних составлялись зашифрованные сводки о положении в оккупированной части Белоруссии, о подпольной партийной работе. Они заделывались в куски мыла или в двойную подошву обуви, сшитой сапожником-коммунистом.

Под видом спекулянтов член партийной организации и партизан-крестьянин перевозили мыло и обувь за линию фронта. Начальники польских застав за хорошую взятку охотно пропускали их. Таким же путем пересылались из Смоленска от ЦК Литбел литература, листовки.

Жители Бобруйска и крестьяне по деревням находили поутру разбросанные у гумен небольшие листки. На постоянный двор, где останавливались приезжавшие на базар крестьяне, заходил Блюменталь. Надежным людям он раздавал литературу, листовки. Сверху через весь листок знакомое: «Коммунистическая партия Литвы и Белоруссии».

Суровыми, гневными словами звала партия белорусский народ на борьбу против польских оккупантов. Листовки зажигали гневом. Росло возмущение крестьянства и батраков, всех трудящихся города и деревни.

В деревнях представитель уездного комитета встречался с бывшими фронтовиками, с передовыми крестьянами. Они включались в работу подпольной партийной организации. Создавались партизанские отряды. Иногда представители деревенских ячеек появлялись в Бобруйске. На конспиративной квартире, где происходили совещания, они рассказывали о работе, о людях, желающих вступить в партию. Оформлялся прием новых членов.

Центральный комитет коммунистической партии Литбел прислал в Бобруйск на подкрепление новые силы.

Однажды в декабрьский вечер 1919 г. на явочную квартиру, где жил один из членов Бобруйского комитета, пришел странный посетитель. Стояли трескучие морозы, а он был без пальто.

— Разрешите зайти. У меня к вам поручение из Смоленска, — сказал вошедший.

Это был Каменский, зубной техник по профессии. Каменский (партийная кличка Фалк) был опытным подпольным работни-

ком. Он был направлен партией в Бобруйск. По пути Фалк попал в руки польских жандармов, шесть недель просидел в тюрьме, едва вырвался. Свое пальто он отдал извозчику, доставившему его в Бобруйск, — нечем было заплатить.

*

Звеня по тротуару блестящими саблями, прогуливаются по городу польские офицеры. Гремя подкованными сапогами, проходят батальоны познанцев. Мелькают в толпе желтые аксельбанты жандармов. Робко жмутся к стенам домов жители, поспешно уступая им дорогу.

Подняв воротник пальто, спокойно глядя сквозь стекла пенсне, по улице медленно идет высокий человек. Его знают в городе — это зубной техник Каменский... Он погружен в свои мысли, кажется, ничто не может вывести его из равнодушия. Но вот он сворачивает с главной улицы, долго идет переулками. Внимательно осмотревшись кругом, он входит во двор небольшого домика и тихо стучит в дверь. Его радостно встречает член партийного комитета Марон.

— Фалк! Наконец-то... Я давно ожидаю тебя...

Как непохож теперь Каменский на зубоврачебного техника, недавно с таким безразличным видом проходившего по улицам. Фигура выпрямилась, лицо оживлено, глаза блестят. Он оглядывает хозяина квартиры.

— Ты ходишь в сапогах, — говорит он, — это не годится. Ты молод, может возникнуть подозрение: а не служил ли этот парень в армии, не большевик ли? Обязательно добудь ботинки и брюки на выпуск. Обязательно. Конспирация в нашей работе имеет большое значение, — продолжает Фалк. — Я долго у тебя не задержусь, я пришел дать тебе явку. Мы будем с тобой встречаться на Муравьевской. Хозяйки квартиры — две девушки-портнихи. Вот у кого надо учиться конспирации. Наружность их не вызывает никакого подозрения: носят польские конфедератки, на конфедератках значки, часто ходят в костел, как фанатичные католички.

Фалк с товарищем весело смеются.

*

Для транспорта литературы был прислан Петр Федоров (партийная кличка Днепровский). Бывший машинист Федоров укрепил связи с волостными ячейками. Машинисты знают друг друга. Они могут помочь товарищу, подвезти его перегон-два. Федоров приходил на станцию, машинист брал его на паровоз. Федоров ехал в Ясень, Осиповичи. Там ячейка и партизаны давно ожидали инструкций подрайонного комитета и литературы.

Верным и близким помощником партии в подпольной работе был славный комсомол... Комсомол объединил вокруг себя ра-

бочую молодежь города. Он воспитал лучшую часть крестьянской молодежи, вписавшей немало славных страниц в историю партизанского движения в Белоруссии. На первом подпольном заседании комсомольского комитета представитель партийного комитета говорил:

— Не справимся мы с работой, ребята, если будет вести ее один комсомольский комитет. Нужно сколачивать вокруг комитета актив, нужно втягивать в наши организации рабочую молодежь. Помните, нам нужно быть очень бдительными. Нужно присматриваться к людям, ни одного непроверенного не допускать к работе. Ближайшая задача — распространение литературы и листовок среди населения и воинских частей. Нужно также организовать боевую группу для охраны партийных и комсомольских собраний от шпиков и жандармов.

И комсомольцы откликнулись на призыв партии. Первым заговорил комсомолец Пиня Золотин.

— Нам поручают ответственную работу. С радостью и гордостью мы должны ее выполнить. Завтра же мы должны приступить к делу и показать панам, что у нашей партии есть хорошие помощники. Но знайте, ребята, что многим из нас придется смотреть в лицо смерти. Быть может, панские собаки кого-нибудь захватят, будут мучить, пытаться, избивать, чтобы он выдал своих товарищей. Помните, что если кто смалодушничает, нашей работе грозит провал.

Комсомольцы обязались с честью выполнять поручения парторганизаций. Они распространяли литературу, несли посты по охране подпольных собраний.

В канун нового года они успели расклеить на стенах домов в центре Бобруйска белые листочки прокламаций. Утром полицейские с руганью срывали их, солдаты разгоняли людей, подходивших читать прокламации.

Много повозились полицейские, соскабливая крепко приклеенные ночью к заводской стене прокламации. Не успели они с проклятиями отойти от стены, как увидели на заводской трубе гордо развевающееся красное полотнище. На полотнище надпись: «Вон, оккупанты, с нашей родины!»

Полицейские металась по заводскому двору. Красное полотнище было недосягаемо. У ворот собралась толпа. Некоторые шутники выражали «сочувствие» полицейским, но глаза их явно смеялись. В толпе, едва удерживаясь от смеха, стоял шустрый паренек Степа. Он-то хорошо знал, как добраться до полотнища.

Молодежь ловко водила за нос жандармов и шпииков. Комсомолец Флейшер с товарищем распространяли литературу на базаре. Под видом торговли всяким тряпьем они незаметно подсовывали крестьянам большевистские листовки. . .

По улице двигался обоз. У комендатуры возы остановились, солдаты отошли от них. Ребята переглянулись, подкрались и положили на возы листовки.

Партийный комитет поставил задачу — развернуть политическую учебу среди рабочей молодежи. При рабочем кооперативе были созданы рабочие курсы. К работе были привлечены проверенные и преданные делу учителя. Наряду с занятиями по письму и математике читались лекции, раздавалась коммунистическая литература. Много молодых борцов за социализм воспитали эти курсы.

*

На предприятия вернулись хозяева и под надежным прикрытием польских штыков перешли в наступление. Хозяева злобно мстили рабочим, отняли у них все, что дала революция. Рабочий день был удлинен до 12 часов, были введены штрафы и черные списки, ликвидированы профсоюзы. Доверием властей и хозяев пользовались бундовские руководители. Эти предатели рабочего класса были готовы пресмыкаться перед капиталистами, лизать сапоги польских панов. Дав обещание польскому штабу, что они обеспечат «порядок» в городе, бундовцы и поалей-ционисты из правлений профсоюзов и из городского самоуправления мешали организации забастовок, запугивали рабочих и срывали их борьбу против оккупантов. Рабочие хорошо поняли их политику и отвернулись от Бунда. Рабочее движение на Бобруйщине росло под руководством подпольной большевистской организации.

Первым состоялось организационное подпольное собрание союза «рабочих иглы». Сгрудившись в тесноте, рабочие напряженно слушали докладчика. Обеспокоенная хозяйка квартиры подходит то к одному, то к другому и, волнуясь, говорит:

— Я думала, будет вечеринка, а вы вот что задумали... подпольное собрание!

— Опасаться нечего, — уговаривают ее, — никакого провала не может быть. По улицам расставлена надежная охрана...

На ближайших улицах и переулках, из укромных уголков комсомольцы наблюдают за каждой подозрительной фигурой. На самом ответственном посту стоит руководитель комсомольской охраны Пиня Золотин. Вдруг он видит: за двумя девушками, которые спешат на собрание, крадется шпик. Пиня срывается с места и спешит навстречу девушкам:

— Здорово, девчата! Долго заставляете себя ждать...

И, весело балагурия, увлекает их за собой. Все дальше уходит веселая компания молодежи.

Издалека следует за нею шпик.

Пиня вернулся поздно вечером, когда собрание уже закончилось. Усмехаясь, расчесывал он влажные волосы.

— Хорошо в бане помылся...

И рассказал товарищам, как битых три часа водил он по улицам шпика, а затем, незаметно оставив прогуливавшихся с ним девушек, направился в баню. Так и оставил шпика с носом.

— А что решило собрание? — осведомился Пиня.

— Предъявить хозяевам требование: восемь часов работы, обеденный перерыв, никакого снижения заработной платы, — ответили ему. — А не согласятся — объявить забастовку.

Было восстановлено восемь профсоюзов: рабочих иглы, кожевников, металлистов, щеточников, табачников, строительных рабочих, пищевиков и кооперативных служащих. В союзах были выделены руководящие тройки, а затем было сконструировано подпольное Центральное бюро. Первое заседание бюро приурочили ко времени, когда сторожевые псы оккупантов — жандармы и шпики — спокойно спали: заседание состоялось в 6 часов утра. Присутствовало 15 представителей профсоюзов. Доклад по текущему моменту делал Фалк.

Вторым стоял вопрос о положении в союзе швейников (рабочих иглы). Хозяева отказались выполнить требования рабочих. Центральное бюро решило проводить забастовку. К забастовке швейников присоединились рабочие-папиросники.

Бундовские заправилы утратили спокойствие духа. Рабочие бастовали; чувствовалось, что ими руководит крепкая, уверенная в своей силе организация.

— Как же так? Фронт рядом, а вы бастуете, это может вызвать серьезные неприятности, мы ни за что не отвечаем, — угрожали бундовские главари.

— Мы вас и не просим беспокоиться, — насмешливо отвечали им рабочие.

Бундовцы и поалей-ционисты всячески старались сорвать забастовку. Через две недели забастовка закончилась удовлетворением требований рабочих. Это была первая победа. Она вселила веру в успех дальнейшей борьбы.

Потерпели бундовцы полное поражение и по вопросу о подсобных мастерских. Хозяйничанье поляков привело к страшной безработице. С железной дороги и из коммунальных предприятий выбрасывали рабочих и служащих не поляков. Мастерские закрывались за отсутствием сырья и топлива. Безработные требовали открытия кооперативных столовых и мастерских, которые дали бы работу безработным членам союза. Бундовцы и поалей-ционисты из городского самоуправления всячески срывали это дело.

Центральному бюро профсоюзов удалось организовать при рабочем кооперативе портняжную и папиросную мастерские, где находили себе работу безработные члены союза. Профессиональные организации стали базой для развертывания партийной работы: Первая подпольная коммунистическая ячейка была создана в профсоюзе папиросников и табачников.

*

Большевики разворачивали работу среди крестьянства. Листовки Бобруйского комитета передавались из рук в руки по селам и деревням уезда. Одна из них призывала:

«Товарищи крестьяне! Объединяйтесь вокруг власти советов!

Гоните в шею польскую сволочь! Гоните вон народных насильников и палачей. Да здравствуют наши друзья по ту сторону Березины! Да здравствует советская власть!»

Поднимались белорусские батраки и крестьяне. Они доставали припрятанное после империалистической войны и партизанских боев в дни германской оккупации оружие, объединялись в партизанские отряды, угрожали тылам польской армии, готовили помощь своей родной Красной Армии. Крестьяне не давали захватчикам хлеба, угоняли скот в леса. На непокорные села и деревни посыпались жестокие удары. Свистела польская нагайка, горели целые деревни, злобно расправлялась с народом белопольская свора. Но воля трудящихся к борьбе не была сломлена. Росли партизанские отряды. Их создавали и руководили ими большевики Бобруйщины: подрайонный комитет, волостные и сельские ячейки, отдельные коммунисты.

В конце февраля 1920 года в местечке Ясень была организована районная коммунистическая ячейка из шести человек. Члены ее поставили своей целью создать возможно больше коммунистических ячеек в деревнях. Коммунисты должны были вести пропаганду на сходах и в разговорах с отдельными крестьянами, распространять литературу, знакомиться с настроением масс, взять на учет оружие и людей, готовых, когда это потребуется, к открытой борьбе с белополяками.

Руководство Ясенской ячейкой Бобруйский комитет осуществлял через Федорова. Собрания ячейки происходили регулярно, велись протоколы. Иногда на заседаниях присутствовало до двенадцати человек. С этой районной ячейкой были связаны деревенские: Богушевская, Побокевичская, Малокаменская, Большекаменская, Барановичская, Осовская, Белевская, Соломенская, ячейки в Старинках, Киселевичах. Свислочская районная комячейка объединяла деревенские ячейки в Голянке, Чучах, Косье, Шейпичах, Столярах, Углате. Эта районная ячейка имела большое значение. Она находилась у самой линии фронта, у переправ через Березину. Коммунистические ячейки вели работу и среди польских солдат. Нехватало средств и оружия, но работа большевиков развивалась успешно. Уже к январю 1920 г. в деревнях Бобруйского уезда было до пятнадцати партийных ячеек. К лету количество их дошло до двадцати двух. В Глушке и Ясени имелись подпольные склады большевистской литературы. Объединить партийную работу, обобщить опыт мест — такова была неотложная задача. Бобруйский подрайонный комитет решил созвать уездную партийную конференцию.

*

Утром 25 апреля зубной техник Каменский направился на Школьную улицу. Здесь на конспиративной квартире собиралась конференция. Один за другим через значительные промежутки времени приходили делегаты.

Фалк знакомится с ними. До этого дня он не знал их лично, но он прекрасно знал их работу, он ощущал их возле себя — плечом к плечу.

Деловито работает конференция, дорога каждая секунда. Конференция обобщает опыт подпольной работы. Представители волостных ячеек получают указания. Фалк подводит итоги, намечает перспективы.

Конференция подходила к концу, принимались резолюции. Вдруг на улице послышался шум. Взглянув в окно, Федоров увидел, что к дому подходят жандармы. Все вскочили с мест. Каменский поднял руку.

— Спокойно, товарищи, бегите. Вас ждет работа, — прозвучал его твердый голос.

— В окно, через сад, — указывал он дорогу.

Один за другим выскакивали в окно участники конференции. Каменский рвал в клочья протокол, резолюцию, анкеты. В дверь ломились жандармы. Когда дверь слетела с петель под напором жандармов, и они ворвались в комнату, в ней не было ни одного делегата с мест. Не успели уйти только Каменский, Федоров и Боброва.

Место и время конференции выдал дефензиве Родов, присланный в Бобруйск для транспорта литературы и оказавшийся провокатором.

Срочно было созвано заседание комитета. Было решено: подпольщикам, которых знал Родов, переменить квартиры.

— Тебе, Натан, следовало бы на время уйти через фронт, тебе опасно оставаться теперь в городе, — уговаривали товарищи Блюменталья. Он запротестовал.

— Я не уйду, пока не будет прислана замена. Мы должны во что бы то ни стало продолжать работу. Покажем грязным польским бандитам, что мы не боимся смерти. Мы никогда не оставим занятых нами позиций! — обращаясь к членам комитета, говорил Блюменталь.

Спорить с ним было бесполезно.

28 апреля состоялся полевой суд. Фишель Каменский, Петр Федоров и Мария Боброва обвинялись в участии в работе подпольного большевистского комитета и организации партизанских отрядов и были приговорены к расстрелу.

На другой день по городу было расклеено объявление за подписью коменданта этапной станции капитана Бразулевича, что в 7 часов 57 минут вечера 28 апреля приговор был приведен в исполнение.

В городе узнали о зверских пытках, которым подверглись арестованные. Жандармы всеми способами пробуждали «национальные» чувства у Федорова.

Освобождая его от оков, палачи говорили:

— Если выдашь участников организации, мы тебя освободим. Ты ведь русский человек, и ты обязан это сделать.

На его глазах они избивали Каменского. Отказывая дать воды Каменскому, они «милосердно» подносили ее Федорову. Федоров ответил как мог: он плюнул в лицо офицера. Его снова заковали и зверски избили. Боброва была больна тифом. Она потребовала врача. Жандармы только ту же затащили оковы на ее руках и ногах.

Ни одного имени не вырвали палачи у истерзанных людей. Мужественно умирали бойцы великой партии Ленина-Сталина.

Усиленный конвой вел в крепость искалеченных Каменского и Федорова. Боброва идти не могла, ее принесли к месту расстрела на носилках и привязали к дереву. К Каменскому подошел раввин. Он отстранил панского прислужника:

— Если раввин хочет сделать мне услугу, так только не посредничеством перед богом и панами. Напишите в Кнышин моим родителям, что я умер за великое дело социализма...

Офицер торопливо подал солдатам команду стрелять.

Каменский запел «Интернационал». Стоя рядом с ним, пел Федоров. К ним присоединился слабый голос привязанной к дереву Бобровой.

Офицер повторил приказание. Руки солдат дрожали, они не могли взять верного прицела. Вместо дружного залпа прозвучало несколько беспорядочных выстрелов. Работу палача выполнил офицер. Он сам расстрелял осужденных.

В Бобруйске вспыхнула забастовка протеста. Паньки увидели, что арест нескольких участников конференции не есть еще провал коммунистической организации. Она существует. И массы с нею.

На другой день после расстрела по городу были разбросаны и расклеены большевистские прокламации. Пиня Золотин с товарищем пробрались в крепость и здесь распространили обращение к польским солдатам. Недалеко от Бобруйска партизаны пустили под откос эшелон с орудиями и снарядами.

В рядах польской армии усилилось разложение. Участились убийства офицеров солдатами. В реке был найден труп офицера, расстрелявшего Каменского, Федорова и Боброву.

Жандармы вместе с предателем Родовым рыскали по городу. Они охотились за большевиками и комсомольцами.

3 мая ночью в квартиру Пини Золотина ворвались восемь жандармов. Пиня выскочил в запасную дверь. Жандармы бросились за ним и через несколько минут его окровавленного за волосы втащили в комнату.

Начался обыск. Ничего не нашли жандармы, и это окончательно взбесило их.

— Связать его, — приказал жандармам офицер.

— Я не вор и связывать меня незачем, — твердо проговорил Пиня. Его увели.

Через два дня жандармы ворвались в каморку Натана Авербуха.

— Здравствуй, Блюменталь! Как поживаешь, Блюменталь?! — злорадно кричали жандармы.

Они бросились избивать спокойно встретившего их Авербуха, изорвали на нем всю одежду.

— Бандиты... — сорвалось с его уст.

Нелегко было пробиться к двери суда. Каждые пять минут в зал входит новый караул. Польское командование боится, как бы солдаты не заразились большевизмом, слушая речь Авербуха.

— Бандиты, — говорил он, — меня вы умертвите, но на мое место встанут тысячи новых борцов. И вам не избежать постыдной гибели!

— Они очень смелые, они храбро ведут себя, — шепчет в толпе у здания суда какой-то солдат. — Наверно, расстреляют... — сочувственно добавляет он.

К вечеру кончилась очередная комедия панского правосудия.

7 мая были расстреляны Натан Авербух, Янкель Гольдштейн, Пиня Золотин и 19-летний гимназист Василий Подберезский.

*

Провалы и гибель героических работников бобруйского подполья нанесли тяжелый урон, но не прекратили работы бобруйских большевиков. Еще теснее сплотились вокруг комитета члены организации. На место погибших товарищей становились новые.

Подпольщики, за которыми началась слежка дефензивы, были отправлены из Бобруйска в соседние с городом деревни. Здесь крестьяне охотно скрывали у себя большевиков, оберегая их от польских жандармов. Некоторых коммунистов комитет решил переправить через Березину в Советскую Россию.

Однажды в город въехало несколько подвод. На передней сидел партизан, переодетый польским солдатом. Крестьяне забрали несколько подпольщиков и под видом торговцев скотом увезли их на хутор, находившийся верстах в семи от Бобруйска.

В пригороде Бобруйска, Кривом Крюке, у реки жил член партии Мильто. Через него осуществлялась связь бобруйского комитета с партизанами. Он передавал почту и переводил людей через фронт.

К Мильто пробрался член комитета Марон и еще четверо подпольщиков, уезжавших в Смоленск. Мильто внимательно всех осмотрел и проговорил:

— Так не годится. Подозрительно больно. Сделаю-ка я из вас спекулянтов.

И каждому принес по мешку с солью. «Спекулянты» пробрались в сарай и зарылись в сено, ожидая подходящего момента для переправы. Поздно вечером Мильто принес неутешительную весть: на берегу Березины расположилась цепь жандармов, были усилены кавалерийские разъезды.

— Но ничего, — спокойно сказал Мильто, — жандармам в

руки не попадетесь. У меня сейчас командир поречского партизанского отряда Игнат Герасимович. Он нам поможет.

Сырость и холод загнали жандармов в избы соседней деревни. Быстро была вынесена со двора лодка. «Спекулянты» благополучно переправились на левый берег.

Отведя их подальше от берега, Мильто вернулся назад. Он должен был перевезти мешки с солью. Минут через пятнадцать раздались выстрелы. «Неужели Мильто убит?» — мелькнула у всех одна мысль. Проходит час — нет Мильто. Вдруг послышались быстрые шаги. Подошел Мильто. Все вздохнули с облегчением.

— Польский солдат, стоявший на пароме, — рассказывал Мильто, — стрелял по лодке, но, получив взятку от опытного «спекулянта», отпустил меня.

Двинулись вперед. На условленном месте нашли командира партизанского отряда.

— На дороге кто-то зажег спичку. Там, видимо, стоит часовая. Пойдем стороною, через лес, — сказал он товарищам.

Так и сделали. Рассвет застал группу уже вдали от берега. Залегли в кустах и, дежуря по очереди, провели там целый день. В сумерки под защитой тумана двинулись дальше. Благополучно миновав польские окопы, разрешили себе передышку в Поречье, в десяти верстах от Бобруйска. Здесь распрощались с Мильто. Дальше шли увереннее. Линия польского фронта была позади, но командир поторапливал: на рассвете и в этих местах не раз случались налеты неприятельской кавалерии. Вышли на козуличскую дорогу.

— Смотрите, товарищи, — предупреждал на прощанье Игнат Герасимович, — если партизаны начнут вас обстреливать, бросайте вверх шапки. Тогда вас пропустят.

За двухдневную дорогу полюбился товарищам смелый, энергичный партизан. Жаль было расставаться с ним.

Попрощались, дальше направились одни. Вдали показалась деревня Козуличи. Вдруг над головами зажужжали пули. Подпольщики легли на землю и начали бросать вверх шапки. Стрельба сразу же прекратилась. Их окружили вооруженные крестьяне.

— Скажите спасибо, что остались живы, — говорил старик-партизан после первых радостных приветствий, — вы шли гуськом, цепочкой... А мы ожидали налета панов. Только нет, не пустим мы их сюда!

Старику можно было верить. Вся деревня была вооружена винтовками и ружьями.

В грозном молчанье слушали партизаны рассказ о борьбе большевиков и рабочих Бобруйска против белополяков, о зверских пытках и расстрелах. Они клялись отомстить панам.

Из Козулич группа пробралась в Борисов, а оттуда — в Смоленск.

*

10 июля — исторический день для Бобруйска. Полки Красной Армии мощным ударом опрокинули польские заставы, овладели переправой и с боем вступили в город.

Высколенные части познанцев покатались назад. Их громили с фронта регулярные части Красной Армии, их били с тыла партизанские отряды.

— За освобождение от ига польских панов!

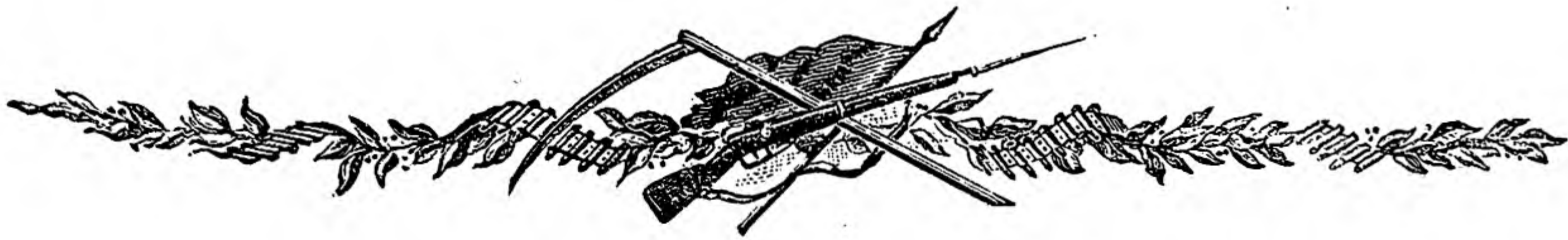
— За советскую Белоруссию!

С этим кличем вливались партизанские отряды в Красную Армию, вместе с нею двигались дальше на запад.

Бобруйский подрайонный партийный комитет вышел из подполья. Был создан уездный ревком.

Вылавливались оставшиеся в городе мародеры, польские жандармы и помещики.

Бобруйск снова стал советским. Навсегда. Белорусский народ любовно хранит в своей памяти светлые образы замученных и расстрелянных белополяками мужественных борцов за дело коммунизма.

С. ВИЛЮГА

Воспоминания бывшего командира партизанского батальона

ПРИФРОНТОВЫЕ ПАРТИЗАНЫ

Осенью 1919 года наступление поляков было задержано на реке Березине. В это время я работал в Смоленске. С нетерпением ждал я вестей из родного Бобруйского уезда. Сведения приходили в штаб западного фронта ежедневно. По деревням хозяйничали карательные отряды. В небе пылало кровавое зарево пожаров. Паны выводили из крестьянских хлевов последнюю скотину. На придорожных деревьях качались трупы повешенных.

Но уже в Дукоре, Козыреве, в Игуменском и Слуцком уездах росло партизанское движение. Окруженные со всех сторон польскими войсками дрались партизаны, с оружием в руках отстаивая свою свободу и землю.

После захвата Бобруйска белополяками был создан Ревком, который вел работу в восточной части Бобруйского и в Рогачевском уезде, в прифронтовой полосе. Я был назначен членом Ревкома. Ревком расположился в деревне при станции Красный Берег. Большевики возглавили стихийное народное движение, которое поднималось во всей Белоруссии.

На призыв Ревкома и партизанского штаба крестьянство прифронтовой полосы ответило массовым притоком добровольцев в части Красной Армии и в партизанские отряды. В ноябре 1919 года я был назначен начальником партизанских отрядов по Бобруйскому и Рогачевскому уездам.

Был создан штаб по организации партизанских отрядов в прифронтовой полосе и в ближайшем тылу польских войск за Березиной. Был организован отдельный партизанский батальон в 600 человек и десять мелких отрядов, которые действовали недалеко от фронта в тылу белополяков. Сначала в батальоне было три роты, а с января 1920 года в него влился отозванный из Рудобелки партизанский отряд, насчитывавший 150 человек.

Вместе с передовыми частями Красной Армии, помогая им держать фронт, дрались против польских войск прифронтовые партизаны. Партизанский батальон расположился возле станции Красный Берег, в деревнях Краснобережской слободке, Казимировской слободке. В партизаны шли старики, шли молодые парни 17—18 лет.

Военными специалистами батальон не располагал. Командирами были бывшие солдаты старой армии, иногда унтер-офицеры. Командиры отрядов со всей энергией взялись за военную подготовку партизан. Польские войска наседали, надо было давать им отпор, и военному делу партизаны учились уже в боях.

Хуже обстояло дело с вооружением. Часть партизан приходила в отряд с винтовками, которые были припрятаны со времени империалистической войны и германской оккупации. Некоторое количество винтовок получили от 8-й стрелковой дивизии. Те, кому оружия нехватало, вооружились за счет врага после первых боев. В сборе винтовок и особенно патронов большую помощь оказывало партизанам население. Патроны собирались и доставлялись в отряды пачками и даже коробками.

Крестьяне кормили партизан в деревнях, привозили и приносили продукты партизанам в лес.

*

Рано утром 13 декабря батальон вышел из Красного Берега. Под ногами хрустел снег. Партизаны шли молча, минуя деревни и хутора. Остановились только в деревне Китин, недалеко от местечка Паричи. Я приказал выслать разведку. К вечеру разведчики возвратились.

Наступила ночь. Батальон пошел в атаку на Паричи. Белополяки были ошеломлены неожиданным нападением. Отстреливаясь, начали они удирать в деревню Козловку. Но и здесь их настигали пули невидимых в темноте ночи партизан.

Батальон занял Паричи и Козловку. Окрыленные первой удачей, партизаны рвались в новый бой. В тот же день батальон выступил из Парич и направился дальше на запад.

Станция Ратмировичи в ста километрах от фронта. Партизаны неслышно подошли к станции. Впереди мерцал зеленый огонек семафора. Солдаты и командиры польского железнодорожного батальона крепко спали.

— Огонь! — отдали команду по цепи партизан командиры.

Испуганные белополяки выскакивали из домов и попадали под меткие пули партизан.

Захватив Ратмировичи, партизаны погнались за неприятелем по железнодорожному полотну. Часть польского железнодорожного батальона занимала полустанок Мошки. Белополяки, захваченные врасплох и здесь, не успев даже одеться, бросились по направлению к Бобруйску. В Ратмировичах и Мошках враг оставил все железнодорожное имущество и много оружия, которое очень пригодилось партизанам.

Налет партизан на Ратмировичи вызвал панику среди польского гарнизона. «Большевики идут на город! Целая армия! Фронт прорван!» — передавали друг другу польские солдаты. Но продвигаться дальше партизаны не могли. Мы были в глубоком тылу у врага, за сто километров от своих баз. У нас было мало боеприпасов, а тут еще ударили 30-градусные морозы. Нагруженные трофеями, захватив пленных, возвращались партизаны в Красный Берег.

Опомнившись от паники, штаб польской дивизии бросил наперерез партизанам снятые с фронта отборные, хорошо вооруженные части. Но за врагом следили надежные друзья партизан. Крестьяне своевременно доносили нам о засадах и передвижениях белополяков. Уничтожив у хутора Полянки целый польский отряд, батальон вышел из глубокого тыла, сохранив все свои трофеи и не понеся ни одной жертвы.

Польское командование укрепило фронт и передвинуло его ближе к Бобруйску. Километрах в двадцати пяти от Бобруйска в деревне Стасовка расположилась рота белополяков. 25 декабря 1919 года третий партизанский отряд добрался на подводах до деревни Углы. Отсюда в пешем порядке отряд зашел в тыл деревни Стасовка и начал наступать на нее с двух сторон. Партизаны дрались отважно. Но поляки не сдавались. Пришлось с бою брать каждую избу, каждый сарай.

Причины яростного сопротивления польских солдат скоро выяснились. Из опроса пленных мы узнали, что офицеры загугивали их баснями о жестокостях партизан.

Прячась за изгородью, подполз к одной избе Иван Дятлов. Это был высокий белокурый парень, лет двадцати, любимец отряда. Одну за другой бросал он гранаты в самую гущу врагов. Подхваченная огненным вихрем, летела в небо земля, белая снежная пыль.

Но вот из-за угла соседней избы раздался выстрел. Иван упал.

Отряд почти целиком уничтожил польскую роту, но тор-

жество победы было омрачено глубоким горем. Молча возвращались партизаны в Красный Берег, скорбно поглядывали на одинокие сани: там на мягкой соломе неподвижно лежал Иван Дятлов. . .

Были организованы торжественные похороны. Штаб был убран траурными флагами и зеленью, а дорога от Красного Берега до Змеевки, родной деревни Ивана, была устлана ельником. Из всех ближайших деревень пришли на похороны крестьяне. На могиле Дятлова партизаны поклялись, что не положат оружия до тех пор, пока вся Белоруссия не будет освобождена от польских панов.

Партизанский батальон держал фронт вместе с частями 8-й стрелковой дивизии. Красные части занимали деревни Бортники, Бирча, Турки, Воротынь. Далее линия обороны шла по реке Ола до местечка Щелрин. Поляки захватили хутор Усохи, деревню Плесы, совхоз Вовуличы. От врага нас отделяла нейтральная зона около семи-восьми километров в ширину. Заняв Вовуличы, польские части выдвинулись клином в сторону нашего фронта. Паны часто пользовались этим для неожиданных налетов и причиняли нам много хлопот.

Командование дивизии решило выбить белополяков из Вовулич. Операция была поручена командиру бронепоезда имени Ленина и первому партизанскому отряду.

Была тихая зимняя ночь. В воздухе кружился легкий снег. Недалеко от железнодорожной станции чернело орудие. Возле него притаился пулемет. Бронепоезд с потушенными огнями медленно приближался к станции. Вот он остановился, из вагонов высыпали одетые в белые балахоны красноармейцы и партизаны. До огневого гнезда оставалось шагов двести. Стоявший у орудия часовой вдруг насторожился, поднял голову и стал всматриваться в приближавшиеся серые призраки. Пулеметчик что-то забормотал и кинулся к пулемету. Раздался залп партизанских винтовок.

— Ур-ра! — крикнули партизаны и бросились вперед.

Сраженный меткой пулей, упал на снег пулеметчик.

Как вихрь налетели красноармейцы и партизаны на орудие и перебили команду. На помощь подошел бронепоезд и открыл стрельбу из орудий по Вовуличам. Белополяки бросились бежать.

Команда бронепоезда и партизаны возвратились в Красный Берег с трофеями: было взято орудие, пулемет и несколько десятков винтовок.

*

Шла весна 1920 года. Таял снег. Мутные бурные ручьи мчались по полевым бороздам в Олу. Начинался разлив.

Штаб партизанского батальона расположился в деревне Омельно, а отряды занимали прежние позиции на левом берегу

Олы, держа связь с 72-м полком, который стоял у Рогачевского шоссе. Выставлялось боевое охранение. Партизаны отправлялись в разведку. Остальные были наготове.

Вечером 2 марта в одной из изб деревни Омельно собрались на вечеринку девушки. Здесь же было много молодых партизан.

— Ну и вояки, — шутили девушки, мерно жужжа веретенами, — на вечерку пришли. Смотрите, как бы вас паны не переловили. Перережут вас тогда, как кур.

— Не застанут нас паны врасплох, — подсаживаясь ближе к девушкам, смеялись партизаны. — Банька в дозоре, а Петька — в секрете. В случае чего дадут нам знать...

Слышалась оживленная болтовня, раздавались взрывы хохота. Вдруг на улице раздалось хлопанье крыльев и голосистое «кукареку». Девушки вздрогнули, старухи закрестились и забормотали:

— Не к добру поет петух так рано. Еще далеко до полуночи.

Партизаны захохотали.

— Да это же наш партизанский петух поет! Это идет с разведки Кублицкий.

Введенные в обман, загорланили по деревне настоящие петухи.

Кублицкий вошел в хату. Обвешанные гранатами и патронными лентами партизаны уступали лучшее место весельчаку-товарищу, к нему протягивались кисеты с махоркой.

— Кури, петушок!

Вдруг сразу оборвался веселый смех и перестали жужжать веретена. Все насторожились. По улице галопом проскакал конный дозор.

Партизаны бросились из хаты.

— По местам! — слышалась команда.

Тяжело прогрохотал первый орудийный выстрел. Все партизаны к этому времени заняли уже свои места в окопах. На правом фланге, где были расположены красноармейские части, завязался жестокий бой.

Но еще спокойно и тихо было на участке, занятом партизанами. Еще не возвратились с правого берега Олы партизанские секреты. Партизаны нетерпеливо ворчали в окопах:

— Надоело ожидать!

— Скорее бы шли!

Вдруг захлопали по воде шесты: это наш дозор спешно переправлялся на плотках через Олу. Он сообщил, что в Турках появился конный польский разъезд. За ним густо двигалась пехота.

— Огня не открывать, пока поляки не начнут переправляться через реку! — приказал я.

Партизаны напряженно всматриваются в противоположный берег. Вот темные пятна показались у переправы. Тихо заплескалась вода. В этот момент луна вынырнула из облаков, и пар-

тизаны увидели на реке плоты, заполненные людьми. Весь правый берег реки был густо усеян ожидавшими переправы legionерами.

— Открыть пулеметный и ружейный огонь! — передалась по окопам команда.

Поляки не выдержали. Падая в панике с плотов в холодную воду, давя один другого, метнулись они опять в сторону Турок. Меткие пули партизан настигали их и за рекой. Так же дружно была отбита партизанами атака польской части, наступавшей вдоль железнодорожного пути.

На следующую ночь белополяки повели наступление на Жлобин четырьмя группами: по Рогачевскому шоссе, по железной дороге из Бобруйска на Турки, на Щедрин и на Плесовичи. Захватить Жлобинский железнодорожный узел — таков был план польского командования.

70-й полк, занимавший позиции левее партизанского батальона, был сбит белополяками. Они прорвали фронт у деревни Радущь, порубили передовую кавалерийскую заставу и двинулись к местечку Казимиrowo. Паричская группа белополяков тоже двинулась на Плесовичи.

В захваченных деревнях начался кровавый разгул панов.

В Казимиrowo накануне прибыл из Смоленска бобруйский уездный военкомат. Поляки заняли местечко, окружили дом, где спали сотрудники военкомата, ворвались к ним и вытолкали их во двор. С успевших одеться срывали одежду, кто был в одном белье, того раздевали догола. Потом, босых и раздетых, погнали к церкви. За оградой еще лежал нерастаявший снег.

Два часа держали польские бандиты раздетых людей на морозе, всячески издевались над ними. Наконец офицер приказал: «Стреляй!» — и сам первый нацелился из маузера в одну из женщин.

Загремели выстрелы. Люди падали, на снегу расплывались черные пятна крови. Паны стреляли не очень метко. Упавшие на снег раненые корчились от холода и жестоких мучений.

— Раненых не добивать! — пряча в кобуру дымящийся маузер приказал офицер, — пусть мерзнут. Оставить караул, чтобы никто из мужиков не оказал им помощи!

Наступил рассвет. Взошло солнце. На окровавленном снегу лежало двадцать четыре трупа.

Так были замучены помощник военкома Адамович и начальник мобилизационного отдела Шашинский. Два дня лежали за церковной оградой под охраной польских часовых неубранные трупы.

Передовые польские части, сея смерть на своем пути, шли от Казимиrowa на Жлобин. Но красные бойцы отогнали их к деревне Малевичи. Одна группа белополяков при переходе моста через Олу по Рогачевскому шоссе была разбита наголову 72-м

стрелковым полком. Красные бойцы почти целиком уничтожили два польских полка.

Вторая группа, встретив около Турок и у железнодорожного моста через Олу героическое сопротивление партизан, отступила. Тогда, грабя и поджигая деревни, убивая мирных жителей, двинулись белополяки из Малевич в обратный путь.

Партизанский штаб решил перерезать дорогу отступавшей из-под Жлобина группе польских войск. Я отобрал сто двадцать лучших партизан и шестьдесят красноармейцев бронепоезда имени Ленина и направился к деревне Радушь.

Наступало утро 6 марта. Восток розовел. Утренний снег звонко хрустел под ногами. Подошли к деревне Коврики. В избах уже топились печи, и дым столбами поднимался над трубами.

Завидев партизан, крестьяне выбегали на улицу, женщины выносили хлеб, сало и блины с маслом. Шагая рядом с партизанами, они подавали им продукты. Показывая на противоположный берег реки, откуда слышались выстрелы, крестьяне говорили партизанам:

— Паны налетели. Грабят, убивают...

Чтобы пройти до Радуши, нужно было перебраться через разлившуюся реку Олу.

Партизаны принесли с собой жерди и положили их на лед. Нашлись смельчаки, которые начали перепрыгивать с льдины на льдину. Так, один за другим переправились партизаны на другой берег Олы. Перенесли ящики с патронами, перетасили пулеметы. Путь лежал среди небольшого кустарника, залитого водой.

Вдруг отряд остановился, и люди, точно по команде, опустились на корточки в ледяную воду. Помощник командира второго отряда Голомако, который шел впереди, передал по цепи, что из деревни Степы в Салотин едет польский разъезд. Промокшие насквозь, добрались партизаны до густого кустарника, окаймлявшего тракт. Здесь должны были проходить отступавшие белополяки. В кустах партизаны наткнулись на крестьян из деревни Радушь. Они дрожали от испуга.

— Мы думали, что нас окружают паны... Они на рассвете заняли деревню... Слышите, стреляют. Свиной бьют, кур ловят, — говорили крестьяне. Они убежали из Радуши и увели своих коней, чтобы не отдать их полякам. В Радуши и Степах гремели выстрелы.

Отряд подходил к кладбищу, расположенному на половине пути из Радуши в Степы. Вдруг партизаны заметили бегущего из Радуши человека. Его остановили и привели в отряд. Это был шестидесятилетний старик. Два парня бросились ему навстречу:

— Куда летишь, отец?

Увидев в отряде своих сыновей, старик заплакал от радости.

— Скорее спасайте деревню, — плача говорил он. — Все разграбили, лошадей всех забрали. И моего коня взяли. Я не хотел отдавать, просил, умолял, так они меня всего нагайками исполосовали...

— Иди, дедушка, спрячься где-нибудь, — сказал я ему. — Сейчас мы покажем панам.

— С богом, детки! С богом! — шептал старик. — Проучить нужно висельников.

Чтобы не выдать себя, партизаны перешли дорогу, ступая след в след один за другим. Остановившись в густом сосняке, начали советоваться, как расположиться и где установить пулеметы. Вдруг послышался лошадиный топот.

На дороге показалась группа польских всадников: четверо улан и две нарядно одетые женщины. Они смеялись и весело рассказывали, как были замучены сотрудники бобруйского военкомата.

Глаза партизан загорелись ненавистью. Кю мне подбежал Голомако:

— Товарищ начальник! Разрешите... Едут четыре офицера и две паненки. Мы их поймаем живьем!

Едва удержавшись, чтобы самому не выстрелить по ненавистным панам, я прошептал:

— Нельзя. Обнаружим себя, проиграем бой.

Я осмотрелся и подал команду:

— Занимай позицию.

Партизаны залегли вдоль дороги. На дороге показался обоз. Вozy доверху были нагружены награбленным добром и боеприпасами. На каждом возу сидело по два-три поляка.

Когда первые подводы поровнялись с партизанами, задние подводы выезжали на Радуши.

— Огонь! — крикнул я.

Услыхав выстрелы, крестьяне-подводчики соскочили с возов и бросились в лес. Некоторые рубили оглобли и вскакивали на лошадей, чтобы увести их подальше от огня. Часть вместе с возами свернула в лес. Слышались крики раненых, гулкое ржание лошадей, треск саней и телег.

Часть легионеров бросилась в канаву и начала отстреливаться. Они установили пулеметы и открыли бешеную стрельбу. На выручку им шло из Радуши подкрепление.

Больше часа продолжался бой. У партизан подходили к концу патроны, пополнять их было неоткуда. Почувствовав ослабление огня, поляки вскочили и бросились в атаку. Они думали, что партизаны, расстреляв все свои патроны, ушли в глубь леса. Партизаны неподвижно лежали в щели.

Вот уже легионеры подошли на сто шагов. Вдруг яростный ружейный и пулеметный огонь отбросил их обратно.

Первая цепь поляков залегла за деревьями. За ней двигалась вторая цепь, за второй — третья. Отбиваясь ручными гранатами, партизаны начали отступать в глубь леса. Отход прикрывал пулеметчик Костенко.

— Большевики, — кричали поляки, — сдавай пулемет!

— Возьми, пся крив! — отвечали партизаны, поливая врага метким ружейным огнем.

Отойдя в лес, партизаны остановились и залегли на пригорке. Здесь стояли подводы, захваченные у врага в начале боя. На возах кроме награбленного панами добра оказалось и оружие: винтовки и патроны.

Поляки приближались. Но партизаны уже обеспечили себя патронами. Из-за кустов показался Костенко. Он тащил на себе пулемет. Приведя свои ряды в порядок, партизаны в обход двинулись на белополяков. Опять завязался жестокий бой. Скрытые за деревьями партизаны били без промаха. На помощь партизанам подоспела одна из ближайших частей Красной Армии. Не выдержав губительного огня, поляки отступили. Больше 500 человек убитыми и ранеными и большой обоз потеряли белополяки в этом бою с партизанами.

Как выяснилось позже, партизаны вели бой с отступавшими по этому пути одиннадцатью польскими компаниями¹, которые имели 30 пулеметов и две легких батареи. А партизан было всего 180 человек.

Вместе с доблестной Красной Армией партизаны прифронтовой полосы отбили наступление польских войск на Жлобин.

*

Из польского тыла к нам часто пробирались люди. Они рассказывали о хозяйничанье польских панов в деревнях. Часто партизаны таким образом получали письма от родных. Пришедший на другой день возвращался домой, унося из Красного Берега послания партизан, коммунистическую литературу. Им одним известными болотными тропами пробирались такие посланцы от деревни к деревне, от хутора к хутору. Часто ходоки несли в Полесье динамит, револьверы, патроны. Крепкими нитями была связана Красная Армия с белорусским народом.

В начале апреля в штаб партизанского батальона явился человек в серой свитке, забрызганной грязью. Это был житель местечка Паричи.

— Паны сгоняют подводы в местечко Паричи, — закуривая, говорил ходок. — Готовятся к налету. Они строят паром на Березине по дороге из Парич на Щедрин...

— Сколько их?

— Целый полк. Дня через три-четыре выступают.

¹ Компаниями назывались в польской армии роты.

Решено было послать отряд с бронепоезда имени Ленина и партизанский батальон в районы деревень Углы, Горки и местечка Паричи. Решили устроить засаду и хорошенько «угостить» белополяков.

8 апреля красноармейцы и партизаны выступили из Красного Берега.

Продвигались осторожно, минуя деревни и хутора. На рассвете 9 апреля миновали Щедрин. Взошло солнце. Мы вступили в лес, тянувшийся на протяжении пяти километров вдоль разлившейся реки Березины.

Устроили короткое совещание. Было решено разбить батальон на две группы. Второй и третий отряды направились к переправе через Березину у деревни Углы. Первый и четвертый партизанские отряды и красноармейцы с бронепоезда имени Ленина подошли к тракту у Парич. Здесь, в километре от переправы, партизаны засели в лесу по обе стороны дороги.

Река разлилась, затопив все луга и поймы. Дорога от Горок на Паричи казалась узкой серой лентой, протянутой через залитую водой пойму. В зарослях лозы кричали дикие утки и трубили селезни. У партизан-охотников чесались руки: «Эх, стукнуть бы селезенчика!»

Весь день прошел в ожидании врага. Ни одна живая душа не показалась у места переправы. В ожидании прошел второй день. Взятые продукты были давно съедены. Кто-то догадался:

— Давай отправим человек трех в деревню! Пусть соберут что-нибудь из еды.

— Верно!

— Кто из ближайших деревень — выходи!

В отряде таких было немало.

Три партизана ушли в Пекаличи, Добровольщину и Дворище.

— Там теперь к пасхе готовятся! — вздыхали партизаны-старики. — Завтра воскресенье.

— И мы готовимся, — поддразнивали стариков парни. — Пост справляем. Целый день росинки маковой во рту не было.

В сумерки послышался скрип колес. Из чащи леса вынырнула одна подвода, за ней вторая, третья.

Партизаны бросились к телегам. В узлах на возу лежали копченые окорока, румяные пироги, сыр. В ведрах желтело масло. Большие лукошки были доверху наполнены крашеными яйцами.

— Насилу вырвались из деревни! — с веселой улыбкой рассказывали наши посланцы. — Мы говорим: «Хватит!», а они тащат и тащат на возы. «Кушайте, — говорят, — детки, да панов хорошенько бейте!» На завтра приглашают всех партизан в деревню вместе отпраздновать пасху. «Уж если всем сразу нельзя оставить позицию, то хоть по частям приходите, но чтоб обязательно».

Основательно подкрепившись, партизаны вновь заняли боевые места. Сменились заставы.

Наступила ночь с 10 на 11 апреля. Противника все не было. Приближался рассвет. От воды, клубясь, поднимался туман. Необычайная тишина царила в лесу.

Вдруг партизаны насторожились. У переправы тревожно закрикали и начали взлетать дикие утки.

Ко мне быстро подбежал стоявший в секрете партизан.

— Поляки идут! — задыхаясь, прошептал он.

— Приготовиться, но огня не открывать до новой команды! — передал я приказ по цепи.

Через две-три минуты у переправы слышался глухой шум. Показалось больше сотни солдат. Они вошли на мост. Перейдя мост, колонна остановилась. Офицеры и солдаты начали присматриваться к следам, оставленным нашим дозором. На мосту появилась вторая колонна. Она тоже остановилась. До нас долетело слово: «Большевицы».

Триста метров отделяли красных бойцов от врага. Рассвело. Противник был виден на дороге, к которой с обеих сторон подходила вода. Опасаясь, что поляки могут повернуть обратно в Паричи, я отдал приказ открыть ружейный и пулеметный огонь.

Пораженные неожиданной встречей, легионеры так растерялись, что даже не снимали с плеч винтовок. Один за другим падали они на дорогу и в воду.

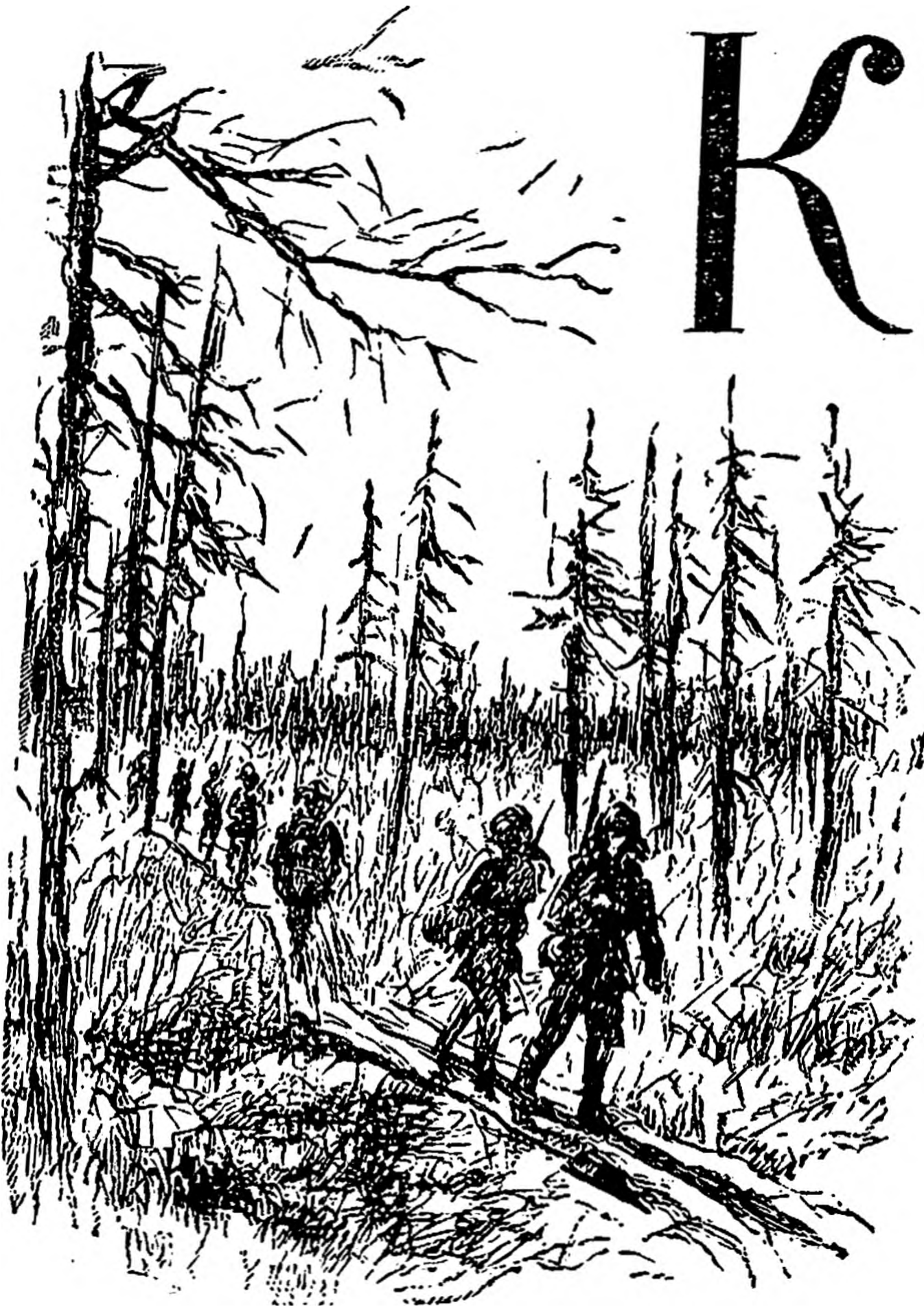
Уцелевшие добежали до местечка Паричи и подняли там страшную панику. Польская батарея открыла ураганный огонь по лесу, но он не причинил нам вреда.

В этом бою 11 апреля триста красноармейцев и партизан наголову разбили целый полк белополяков.

*Рассказ орденоносца
ВАСИЛИЯ ВЕРЕВКИНА*

КАК МЫ БИЛИ БЕЛОПОЛЯКОВ

К

огда нашу деревню захватили поляки, я был дома. Я и еще трое крестьян из деревни Химы достали винтовки и создали небольшую партизанскую группу. Позже к нам присоединились еще несколько человек из Дворянинович, Польшкович, Шпилевщины и других деревень. В моей хате находился наш штаб. Местные кулаки, которые знали про нашу работу, выдали меня белополякам. Вечером 3 декабря я был схвачен жандармами. Меня отвели в хату, рядом с которой жил комендант, и поставили часовых. Один солдат ходил по улице и посматривал в ворота — как бы я не убежал. Я знал, что если меня отведут в Бобруйск, то обязательно расстреляют. Удрать сейчас же,

до наступления дня, было для меня вопросом жизни. Но как убежать от восьми человек стражи? Я выработал план действий и тотчас же приступил к его выполнению. «Делайте со мной, что хотите, а я покуда буду спать», — заявил я солдатам. Сняв сапоги и тулуп, я лег. Минут через десять я нарочно захрапел, как будто сладко заснул. А одним глазом все время посма-

тривал на поляков. Часа через четыре начали укладываться и они. Только один солдат долго ходил по хате и пел: «Еще Польша не згинела». Я хотел броситься на него, задушить, захватить винтовку и убежать. Но скоро, как бы угадав мои думки, он сел около дверей и начал дремать. Тогда я потихоньку натянул сапоги, взял винтовку и патроны и вышел во двор. Удрать от часового, который ходил по улице, было не трудно. К тому же я был с винтовкой, а стреляю я всегда метко. Страх и радость у меня перемешались. Пройдя несколько шагов медленно, я пустился бежать. Сильный морозный ветер и снег забивались под рубашку, мерзли ноги, а я все бежал. Остановился только на хуторе у знакомого, километра за три от деревни.

Через несколько дней я с товарищем присоединился к Красной Армии.

В феврале 1920 года белополяки сделали налет на деревню Дворяниновичи. Шестьдесят пять красноармейцев 70-го стрелкового полка неожиданно были окружены неприятелем. Я в то время возвращался из Бобруйска, куда по заданию особого отдела 8-й дивизии доставил революционную литературу на польском языке. Я хорошо знал эти места и вывел роту из окружения, а затем мы сами окружили поляков и сильно побили их. Они потеряли убитыми около сорока человек. За это я получил благодарность от командира полка, и мне выдали военную одежду и сапоги.

После этого боя я остался в полку служить пешим разведчиком.

В конце февраля поляки неожиданно повели наступление на деревни Пересека и Пархимковичи. Бой шел по фронту шириной километров в двадцать. Мы потом узнали, что это наступление поляки повели, чтобы дать возможность крупному помещику Буглаку, офицеру польской армии, поглядеть на свое бывшее имение Жиличи. Попасть ему туда так и не удалось, несмотря на то, что поляков было раз в пять больше, чем красноармейцев. Жаркий был бой. Сначала мы отступили километров на десять. Поляки нажимали, они уже подошли к самому имению Буглака. Сто метров осталось до деревни Пархимковичи. Мы собрали последние патроны и кинулись в атаку. Здорово помогли нам крестьяне. Когда были убиты наши артиллеристы, то крестьяне, которые служили раньше в артиллерии, добрались до батареи и удачно вели огонь по неприятелю. Враг был смят. Красноармейцы захватили командира польской части. Он пробовал отстреливаться из своего небольшого револьвера «бульдога», пока красноармеец не заколол его штыком. Под Пересекой поляки кинулись на наш бронеавтомобиль, но были уничтожены пулеметным огнем.

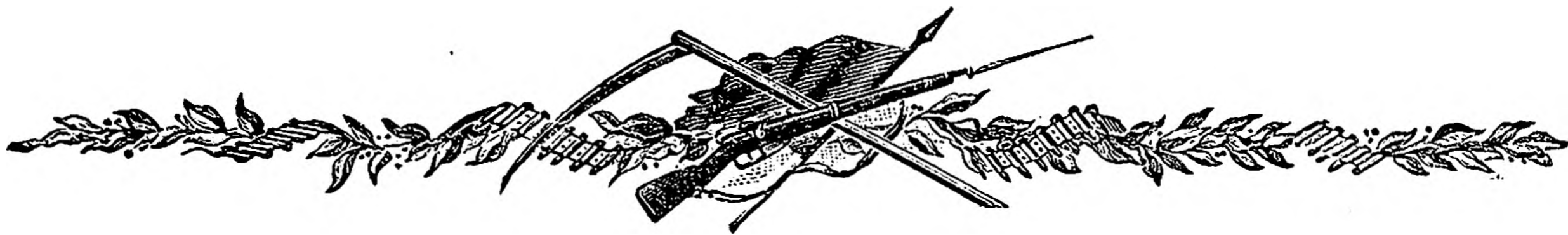
За участие в этом бою я получил от нашего советского правительства высшую награду — орден Красного знамени. Мне хотелось отблагодарить за эту высокую честь, и я еще больше

старался быть хорошим разведчиком. Не раз я участвовал в боях и дошел с Красной Армией до самой Варшавы.

Когда был прорван наш фронт, я попал в плен к полякам. Нас, пленных, собрали человек шестьдесят, дали десять конвоиров и повели в Варшаву. Но теперь в Варшаву я уже не хотел идти, решил убежать. Когда мы подошли к небольшому лесу, я выхватил у одного солдата винтовку, застрелил его и еще двух конвоиров. Другие товарищи убили остальных. Двадцать дней мы прятались в лесах от поляков, голодали, ели грибы и траву. Часть товарищей погибла. Я с двумя красноармейцами едва добрался до своего полка. Однако ж мне удалось участвовать в боях под Минском, когда мы окончательно отбросили поляков от нашей столицы.

Когда на наши места напали банды Булак-Балаховича, я и против них бился. Досталось же Балаховичу от Красной Армии под Мозырем! А потом гнали мы его до самой границы.

В 1921 году мне выдали коня, телегу, плуг и отпустили домой. А дома уже поделили панскую землю, и я сразу стал хозяином. Скоро я вступил в колхоз. Никогда, работая на своей полосе, не имел я того, что имею теперь в колхозе. Единоличное хозяйство заедало крестьянина, не давало никакой возможности отдохнуть и культурно жить. Хорошо и счастливо жить можно только в колхозе. Наш колхоз имени Красина является примерным в Михалевском сельсовете и, когда нужно будет, не только я, но и все наши колхозники пойдут защищать от врага нашу дорогую родину.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ

*По воспоминаниям бывших красных партизан
Я. Богдановича и И. Герасимовича*

ПАРТИЗАНЫ СВИСЛОЧИ И КОЗУЛИЧ

Польские войска двигались к Березине. На своем пути поляки наталкивались на преграды, созданные партизанами. За несколько дней до захвата Бобруйска партизаны во многих местах по Бобруйскому тракту подпилили телеграфные столбы. Недалеко от станции Осиповичи железнодорожники и крестьяне из ближайших деревень разрушили железнодорожный путь. Это задержало продвижение белополяков.

Когда последние красноармейские части прошли по мостам через Березину и Свислочь, красные партизаны принесли смолу, керосин и подожгли мосты. Поляки задержались у разрушенных мостов.

С польской армией вернулся граф Забелла, бывший председатель уездной земской управы. При советской власти крестьяне вспахали часть его земли и пользовались дровами из помещичьего леса. Вернулся также и пан Коржаневский. В местечке Свислочь и окрестных деревнях появились конные познанцы. Они согнали народ и заставили всех идти на работу в имения Забеллы и Коржаневского. Ежедневно крестьян гоняли

бесплатно работать на панов за вспаханную помещичью землю и вырубленный лес. Жестоко расправлялись с теми, кто руководил разделом помещичьей земли.

В деревне Татарковичи в темном сарае собралось человек десять крестьян и рабочих из местечка. Договорились организовать партизанский отряд. Через несколько дней снова собрались на хуторе близ Свислочи. На собрании были уже новые люди из деревни Углаты. Сформировали отряд. Он назывался «Отряд № 7».

Недалеко от Свислочи — деревни Вирково, Леневка, Осово. С середины октября сюда начали часто наведываться польские разъезды. Приехали солдаты в Осово. Забрали у одной крестьянки корову, здесь же на улице ее зарезали и стали в котлах варить мясо. Наскучило ждать, пока сварится мясо, начали искать развлечений. Заметили, что на улицу из хаты выглянул крестьянин. Солдаты набросились на него, стали его трясти, щелкать по носу и потешаться над его беспомощностью. Вдруг один солдат спросил крестьянина:

— Большевики сюда скоро придут?

— Скоро! — резко ответил тот.

В тот же момент над его головой засвистели нагайки. Избив крестьянина до полусмерти, солдаты пошли к котлу есть мясо. На другой день группа партизан залегла в ложбине за деревней Осово в засаду. Несколько польских солдат вышли на дорогу. У них был вид самодовольных забияк, залихватская походка. Внезапно из ложбины грянул выстрел, потом другой, третий. Спеси солдат как не бывало, они бросились бежать назад. Белополяки спешным порядком выбрались из деревни другой дорогой. Наступили сумерки. Партизаны вошли в деревню и разошлись по хатам. С того времени в отряд начали прибывать люди из Леневки, Виркова, Осова, Лютина, Залолья. Сначала в отряде было 40 человек, потом — 74, а еще позже — 120. Свислочские партизаны имели 18, им одним известных, переправ через Березину. В 1920 году из отряда выделилась самостоятельная группа, получившая название «Отряд № 13».

Километрах в двадцати от Свислочи есть деревня Козуличи. Как только поляки явились в Козуличи, они убили Семена Кедо, старика Дрозда, Федосью Кисель, сожгли несколько хат и гумен, взяли 70 коров и начали забирать зерно и различное крестьянское добро.

После этой расправы в избе на краю деревни собралось много крестьян. Они решили организовать партизанский отряд.

Километрах в семи от Козулич, в деревне Хомчи начиналась полоса, занятая Красной Армией. Близость к фронту наложила особый отпечаток на деятельность козуличских и свислочских партизан. Близкое соседство Красной Армии вдохновляло крестьян на открытые выступления против польских захватчиков.

Один крестьянин пробрался через линию фронта. От имени жителей своей и ближайших деревень просил он командира 72-го полка помочь в борьбе с белополяками. Из полка им дали немного оружия. Кое-что нашлось у самих крестьян. Многие со времени империалистической войны сохранили винтовки. Создался отряд, в нем было 80 человек. Организацией его руководил Бобруйский подпольный комитет. При помощи свислочских и козуличских партизан большевики вели революционную работу среди польских солдат.

В Бобруйске стояли крупные части познанской дивизии. Однажды Козуличский отряд получил агитационную литературу. Ее надо было распространить и среди солдат и среди населения.

В морозный вечер партизаны запрягли сани, положили несколько охапок соломы. Внизу к саням были подвязаны шпагатом пачки листовок. На соломе сидел человек с редкой бородкой, в лаптях, в рваном кожушке. Приехав в Бобруйск, человек остановился на рынке, зашел в лавку, купил кое-какую мелочь. Темнело. Человек поехал обратно. Проехал одну улицу, повернул в другую, выехал на третью. Так за ночь объездил он весь город. На перекрестках, на многолюдных улицах он подрезывал шпагат. Выполнив поручение, он тихо выехал из Бобруйска. На другой день польские солдаты и жители Бобруйска читали большевистские листовки.

Свислочские и козуличские партизаны скрывались в лесных зарослях и в деревнях нейтральной зоны. Зимой 1919 года они связались с передовыми красноармейскими частями и получали оперативные задания от штаба 72-го полка, занимавшего позицию на восток от Бобруйска. Создалась целая фронтовая линия партизанских отрядов. Козуличский отряд граничил со Свислочским.

Вместе с красноармейцами партизаны вели бой против врага, вместе с ними защищали деревни нейтральной полосы от озверевших панов.

В начале января 1920 года батальон Красной Армии произвел вылазку в тыл польских частей. Глухими тропинками вел батальон партизан Тарас Ананьич. Около самого местечка Свислочь разыгрался бой. 18 красноармейцев вместе с Ананьичем были взяты в плен. Всех их повели на допрос. Ананьича вели отдельно от колонны красноармейцев. Ананьич видел, как колонна остановилась, солдаты окружили пленных, и офицер стал подходить к каждому красноармейцу. Сначала Ананьичу показалось, что он о чем-то спрашивает пленных. Но вдруг раздались отчаянные крики и вопли. Ананьич присмотрелся и увидел жуткую картину: каждому красноармейцу офицер отрезал нос и уши. Из-за деревьев на эту дикую расправу смотрели испуганные крестьяне.

— Братцы, запомните навсегда и отомстите! — крикнул им Ананьич.

В тот же момент удар прикладом по голове оглушил его. Его погнали в Свислочь к этапному коменданту. Комендант на протяжении 6 часов мучил Ананьича, допытывался, где находятся партизанские отряды. Терпя нечеловеческие пытки, Ананьич не вымолвил ни слова. Его вывели во двор. Помощник коменданта пригнал крестьян, чтобы они преисполнились страхом перед польской армией. Комендант поднял револьвер. Тарас Ананьич упал с простреленной головой.

Недалеко от Бобруйска есть деревня Киселевичи. Однажды на улице появились польские кавалеристы. Они спешили и пошли по хатам выгонять оттуда людей. Приказывали выносить и выводить с собой и детей. Всех согнали в здание школы и заперли дверь. У окон поставили караул. Два польских офицера с веселым видом обложили стену школы соломой. Подошел третий офицер, он держал в руках спички. Офицер потешался над тем, как женщины показывают ему в окна своих детей, прося сжалиться над ними и не предавать их мучительной смерти в огне. У одного окна старик прижимал к груди четырехлетнюю девочку, целовал ее голову и вздрагивал от рыданий.

Офицер держал спичку в руках. Вот он подошел к соломе, присел, намереваясь поджечь ее. Но тут внезапно грянул залп, — это партизаны мчались по улице. Офицер побледнел, закричал, польские кавалеристы стали поспешно удирать.

Из открытых дверей выбегали женщины с детьми. Старик опустил девочку на землю и обнял ближайшего партизана. Несколько часов спустя он уже был в лесу, в отряде.

Приближалась весна 1920 года. Все чаще выступали партизаны. Нескольким партизанам было поручено пробраться в местечко Любоничи. Около Любонич был большой мост. Здесь по тракту двигались обозы с оружием и с награбленным добром, проходили воинские части.

Одиннадцать человек партизан шли по лесу глухой проселочной дорогой. Впереди возвышалась насыпь и мост. На мосту стояли часовые. Недалеко от моста расположился караульный отряд. Вдруг грянуло «ура» и залп из 11 винтовок. Одиннадцать человек бежали к мосту. Испуганный неожиданностью, караульный отряд бросился бежать. Пока начальник опомнился и вернул своих солдат обратно, под мост уже были подложены пироксилиновые шашки.

Не успели поляки добежать до насыпи, как мост со страшным грохотом взлетел на воздух. Партизаны той же лесной дорогой благополучно вернулись назад.

Сильно досталось польским грабителям от партизан в деревне Вирково. Целый польский батальон, дотла ограбив деревню Перекал, шел на Вирково. Партизаны сообщили об этом

команде разведчиков 68-го полка. Те обещали помочь. Вокруг Виркова — лес. Партизаны раньше поляков доскакали до Виркова и скрылись по хатам. Каждый имел при себе гранаты. Условились, как только начнется грабеж, расправляться с белополяками тут же на месте. Сотня партизан и 20 разведчиков-красноармейцев разбились на четыре группы и заняли все дороги, ведущие из Виркова. По сигналу каждый командир должен был подать команду так, будто у него не 25 человек, а целый батальон. Спрятавшись в кустах в лесу, партизаны пропустили поляков в Вирково. Солдаты, как всегда, начали грабить деревню и насиловать женщин. Командир отряда дал сигнал. С четырех сторон раздалась громкая команда: «батальон, цель!» В деревню бросились красноармейцы. Впереди бежал командир с гранатой. Поляков охватила паника. Тем временем стемнело. В хатах, где думали спастись солдаты, на них набрасывались спрятавшиеся там партизаны. Крестьяне и крестьянки брали топоры, колья, вилы и били поляков.

Вокруг деревни шел ожесточенный бой. Рукопашная схватка происходила на всех четырех дорогах. Из целого батальона поляков осталось только несколько человек, но и те были взяты в плен. Было захвачено много оружия и отобрано все, что они награбили в трех деревнях.

В начале июля польские войска начали поспешно отступать. Свислочский отряд был разбит на три группы. Ночью одна группа переправилась через реку Березину у деревни Углаты. С ней шел военный руководитель, присланный из Красной Армии. Второй отряд направлялся на Свислочь. Третий отряд шел от деревни Перекал в обход местечка Свислочь. Ночью несколько партизан пробрались в местечко и перерезали телефонные провода. Партизаны окружили местечко. Начался бой. Партизаны захватили много пленных, 18 винтовок и телефонные аппараты. Поляки были навсегда выброшены из Свислочи. Все три группы снова соединились, и отряд двинулся на Осиповичи по горячим следам польских войск. Иногда отряд сливался с наступающими частями Красной Армии.

К этому времени козуличский отряд насчитывал до 70 человек. Руководил отрядом Игнат Герасимович. Козуличские партизаны повели наступление на польские окопы в районе деревни Подречье, бросились в атаку. Поляки побежали, сбросив оружие и вещи.

Несколько партизан из козуличского отряда переплыли Березину и подошли к Бобруйской крепости. Они узнали, что часть польского гарнизона находится еще там. Партизаны стояли, притаившись в высокой ржи у дороги. Они дождались, когда из крепости выехала кавалерийская часть, и начали бросать бомбы. В панике кавалеристы обратились в бегство. Партизаны проникли в город и вбежали в дом, в котором нахо-

дился польский военный штаб. Там не было ни одного человека. На столах и в столах лежали важные документы.

В тот день партизаны вместе с жителями Бобруйска начали восстанавливать мосты на Березине. И уже ночью по мостам прошли части Красной Армии.

Отряд пошел дальше с Красной Армией.

В ночь с 10 на 11 июля свислочские и козуличские партизаны подошли к станции Осиповичи и здесь встретились с осиповичскими партизанами. На станции стоял польский бронепоезд «Смелый». Партизаны решили его взять. Из отряда послали за помощью в ближайший полк Красной Армии.

Штаб полка дал отряду несколько красноармейцев и одного командира. При содействии железнодорожников красноармейцы и партизаны разобрали рельсы на пути, по которому должен был пройти бронепоезд, и захватили его.

Часть партизан вернулась в Бобруйск. Большинство же пошло дальше с Красной Армией. Из Осиповичей свислочские и козуличские партизаны двинулись к деревне Крынки. Здесь в лесу захватили и расстреляли переодетых жандармов, которые за несколько часов перед этим грабили деревню Крынки и издевались над жителями. На пути партизаны встречали следы разрушений, которые производил бегущий перед Красной Армией враг. Деревня Мезовичи была сметена артиллерийским огнем. Деревни Мосеевичи партизаны уже не нашли: она сгорела дотла, осталось одно пепелище. На пожарище было обнаружено много обгорелых трупов. Поляки пристреливали крестьян, спасавшихся из пылающих хат. В колодцах партизаны находили утопленных детей — это польские бандиты мстили семьям красных партизан.

Около деревни Дrajно к партизанскому посту прискакал на взмыленном коне с винтовкой за плечами паренек лет 19 и начал просить, чтобы его взяли в отряд. При первой же разведке польский разъезд захватил молодого добровольца в плен. Через некоторое время партизаны пошли в наступление и выбили поляков из деревни. Жители рассказали, что поляки долго и страшно мучили пленного партизана, но никакими издевательскими не добились от него нужных им сведений. Тогда офицер приказал обвязать его соломой и сжечь живым. Так и не узнали партизаны ни имени, ни места, откуда прибыл этот бесстрашный герой.

Вместе с Красной Армией свислочские и козуличские партизанские отряды дошли до Брест-Литовска, уничтожая по пути ненавистных польских панов.

*По воспоминаниям бывших красных партизан
А. ОДИНЦА и С. ВИЛЮГИ*

БОИ У РЕКИ ПТИЧЬ

Партизанские отряды в Глусском районе возникли в 1918 году. Александр Соловей собрал батраков и крестьян Рудобельской волости и организовал первый отряд красных партизан. В этом отряде было до 400 бойцов. Партизаны Рудобелки героически дрались против польских легионов Довбор-Мусницкого, против германских оккупантов.

Когда в августе 1919 года к Бобруйску стали приближаться польские войска, в Рудобельской волости начали вновь создаваться партизанские отряды. Позже они слились в один отряд.

Партизаны были окружены сочувствием самых широких масс крестьянства. Крестьяне привозили партизанам в лес еду, оружие и сообщали сведе-

ния о том, где находятся поляки и какие у них силы. Хорошо одетые и вооруженные польские войска, несмотря на помощь кулачества, оказывались бессильными в борьбе с партизанами.

Вместе с красноармейскими частями партизаны укрепились на левом берегу Птичи. С сентября 1919 года до второй поло-

вины января удерживали они в этом районе фронт и отстояли многие из деревень: Новую Дуброву, Старую Дуброву, Рудобелку, Карпиловку, Лавстыки, Ковали.

В отряде насчитывалось больше 200 человек. Постоянно несли гарнизонную работу 150—180 человек. Это были батраки из Рудобелки, крестьяне бедняки и середняки из деревень Азаричской, Паричской и Глусской волостей. Их возглавляла группа коммунистов.

В конце августа отряд получил первое боевое крещение.

Была ночь. Польская разведка, состоявшая из 12 человек, направлялась к деревне Лавстыки. Отряд напал на разведку, и пятеро легионеров было убито.

Второй раз отряд встретился с поляками в последних числах сентября в деревне Ржаново. Партизаны переправились через Птичь, выбили польскую часть из деревни, захватили у поляков продовольствие и 10 винтовок. В октябре партизанский отряд получил от командира 50-го полка Красной Армии задание захватить село Поречье. Красноармейцы должны были наступать с тремя орудиями, а партизаны — ударить с тыла. Но красноармейская часть задержалась и к назначенному времени не подоспела. Потревожив поляков, партизаны вынуждены были вернуться назад.

В начале ноября три роты красноармейцев и отряд партизан получили приказ взять село Зуборевичи. Главные силы противника были расположены в фольварке Березовке. Как и всегда во время совместных действий Красной Армии и партизан, красноармейцы вели наступление с фронта, а партизанский отряд зашел в тыл. Партизаны расположились между Березовкой и Зуборевичами. Дело было ночью. Испуганные внезапным наступлением красных частей, поляки бросились бежать в Березовку, не успев надеть сапог и шинелей. По дороге они наскочили на партизан. Начался бой. На помощь полякам подоспело сильное подкрепление из Березовки. Партизаны и красноармейцы вынуждены были отступить. Но поляки оставили на месте много убитых и раненых. Особенно радовались партизаны, что удалось захватить несколько десятков винтовок. Их сейчас же роздали молодежи, которая давно уже рвалась в отряд.

Героически боролись партизаны вместе с небольшими красноармейскими частями против наседавших поляков.

Пока было тепло, партизанам было легче бороться с врагом. Но с января начались морозы, доходившие до 30 градусов. Непроходимые болота стали проезжими. Кустарники и леса, которые укрывали партизан и откуда они наносили неожиданные удары полякам, обнажились. Из лесов и болот партизаны вынуждены были перебраться в деревни. Основные силы Красной Армии на этом участке фронта стояли восточнее. 200 человек партизан и небольшой отряд красноармейцев оказались со всех сторон окруженными на левом берегу Птичи. Поляки через

свою шляхетско-кулацкую агентуру собрали сведения о силах красных партизан и их расположении.

В ночь с 14 на 15 января 1920 года большая польская часть в 1500 человек с артиллерией и 30 пулеметами повела наступление на позиции красных партизан. Шляхтичи провели поляков за реку Птичь.

Основной отряд партизан был расположен в Новой Дуброве. В деревне Ковали было 30 красноармейцев и 20 партизан, в Карпиловке — 15 красноармейцев и 10 партизан, в Лавстыках — 200 партизан. Польские части наступали со стороны Поречья и Ржанова. Сделав налет на деревню Шкову и выбив находившуюся там красноармейскую роту, они зашли в тыл позициям, которые на левом берегу Птичи удерживали красноармейцы и партизаны. Поляки наступали широким фронтом — одновременно на деревни Новую Дуброву, Карпиловку, Лавстыки и Ковали.

В деревне Ковали было лишь 20 вооруженных партизан. Накануне они получили ручной пулемет, но он оказался испорченным. Когда прибежал часовой и сказал, что деревню окружили поляки, партизаны бросились в конец деревни, надеясь пробиться к своим, но уже было поздно. Деревня была охвачена цепью противника. Решили пробиться в Лавстыки. Попытка эта обошлась очень дорого. Из 20 человек в живых осталось лишь четверо. Раненые, которые не могли уже идти, стреляли лежа до последнего патрона.

По Новой Дуброве и окопам возле деревни поляки открыли ураганный артиллерийский и пулеметный огонь.

Красноармейцы и партизаны стали пробиваться из Новой Дубровы сквозь польскую цепь. Они видели, как сразу в нескольких местах запылала деревня Ковали. Решили отойти в Карпиловку, но вскоре заметили, что и она горит. Партизаны направились к Смыковичам, но и там уже были поляки. Красные партизаны отступили к Рудне, предварительно выбив врага из Смыковичей. После этого жестокого боя партизаны не досчитались многих славных товарищей. Героически погиб помощник командира отряда Максим Ус. Он один убил около десятка врагов и упал тяжело раненный. Максим погиб, истекая кровью, крепко сжимая винтовку в руке. Погибли Степан Подуто, Василий Звонкович, Фома и Григорий Пальцевы, Кузьма и Максим Ковалевичи, Василий и Федор Данилевичи. Поляки потеряли более 150 человек убитыми. Партизанам досталось много винтовок.

Выбив партизан из деревень Дуброва, Ковали, Лавстыки, Карпиловка, белополяки начали кровавую расправу с населением. Они обстреляли Новую Дуброву артиллерийским огнем. Озверевшие паны в избы бросали бомбы и никому не давали тушить пожар. В огне погиб скот и все крестьянское имущество. Поляки расстреливали на месте всех мужчин, выбегавших из

горящих хат. Оставшихся в живых забрали в качестве заложников и погнали на расправу в Бобруйск. За два дня из Рудобельской волости белополяки увели в Бобруйск 200 человек. Большинство их умерло в тюрьме от пыток, холода и голода. Многих убивали по дороге. Так были разграблены и сожжены четыре деревни у Птичи.

Особенно изощрялись польские офицеры и жандармы в издевательствах над захваченными в плен партизанами и их семьями.

Партизан Леон Одинец заболел тифом и, не желая обременять товарищей, остался в своей семье в Карпиловке. Как только поляки заняли Карпиловку, кулаки выдали Одинца. Началась пытка. Сначала пытали жену Одинца и его старуху-мать, требуя, чтобы они рассказали о партизанах, указали, где они. Женщины никого не выдали. Их замучили до смерти. Потом начали пытать самого Одинца. Больного, его бросили в холодный подвал и обливали на морозе несколько раз водой, требуя, чтобы он выдал товарищей. Ничего не добившись, еле живого, с отмороженными руками и ногами, бросили в Бобруйскую крепость.

Во время боя был ранен партизан Зиновий Рогович. Его отправили на хутор к родственникам. Подойдя к хутору, он натолкнулся на вражескую заставу. Озверевшие легионеры замучили его. На груди у живого Роговича они вырезали красноармейскую звезду, выкололи ему глаза, отрезали язык и потом изрубили на части.

Отец^о Александра Соловья, который в этот момент был в Красной Армии, пошел проведать свою дочь. Как только старик появился в деревне, кулаки выдали его полякам. Он находился в амбаре, когда солдаты пришли за ним. Зная, что ждет его, шестидесятилетний старик вышел из амбара с винтовкой.

— Я погибну, но хоть одна собака подохнет и от моей руки, — сказал он и выстрелил.

Один из легионеров упал. Поляки на месте растерзали старика.

25 января поляки совершили налет на деревню Ломовичи Рудобельской волости. Партизаны отошли, но, укрепившись на опушке леса, метким огнем заставили врага отступить. На месте боя осталось семь убитых польских солдат и ручной пулемет. Партизаны в этом бою потеряли убитыми двух товарищей.

После четырехмесячной неравной борьбы, лишившись своих опорных баз на Птичи и связи с частями Красной Армии, рудобельский отряд не мог больше оставаться в глубоком тылу у поляков. Отряд был отозван в Красный Берег и включен в отдельный партизанский батальон под названием «4-й партизанский Рудобельский отряд».

Летом 1920 года рудобельские партизаны снова возвратились

в родные места. Командованием Красной Армии они были направлены в тыл отступавших польских войск.

Небольшими группами переправились партизаны через Березину и собрались в лесу на берегах Птичи.

Партизаны сожгли деревянные мосты в Березовке и Холопеничах, чтобы затруднить отход польских войск. Они делали засады на пути белополяков, уничтожали отдельные вражеские части, отбивали у них обозы с оружием и награбленным добром. В деревне Затишье стоял польский батальон и громадный обоз. Подходя к Затишью, партизаны в лесу увидели много людей: стариков, женщин, детей. Это были жители ближайших деревень. Они ушли сюда, притащили свои пожитки и пригнали уцелевший от панских грабежей скот.

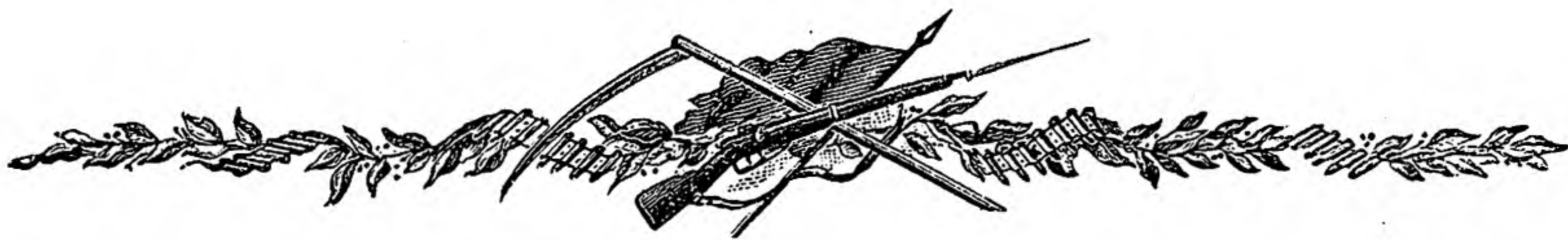
На рассвете семеро партизан по густой ржи подобралось к самой деревне. Они перелезли через изгородь, потом через другую. Один из них подал команду: «Рота, пли!» Раздался дружный ружейный залп, и в польский обоз были брошены две гранаты. Поляки решили, что подошла Красная Армия, и пустились бежать. Выбив врага из деревни, партизаны угнали подводы в глубь леса и захваченным оружием вооружили пришедшую к ним крестьянскую молодежь.

Крепко побили поляков партизаны на лугу у деревни Поречья. По пути на протяжении нескольких километров партизаны перерезали телефонные провода, прервали связь противника.

Партизанский отряд осторожно двигался среди кустов. Антон Одинец, который после ранения не мог владеть винтовкой, шел с бомбой. Он получил задание наблюдать за движением поляков и условными знаками оповещать об этом товарищей.

Одинец полз среди густой высокой травы. Вверху кружился польский самолет. Поляки шли лугом: впереди пехота с батареей, позади кавалерия. Партизаны рассыпались в цепь и дали дружный залп. В полной панике бросилась удирать польская кавалерия, пехотинцы бежали вслед, бросая винтовки, оставив на месте человек 60 убитых. Неподалеку у озера косили крестьяне. Увидев отступающих польских легионеров, косари с косами пошли на них. Многих забрали в плен, загнали в озеро. Один крестьянин косой загнал в озеро 25 легионеров. Партизаны взяли в этом бою 4 двуколки, 3 пулемета, большое количество патронов, бомб и винтовок.

У Поречья партизаны встретились с передовыми частями Красной Армии и пошли с ними дальше.

Воспоминания бывшего красного партизана П. ГРИЦКЕВИЧА

БОРЬБА И ГЕРОЙЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ПАРТИЗАН

Десятого августа 1919 года поляки заняли Слуцк. Для нелегальной работы в городе была оставлена группа партийцев и создан уездный подпольный комитет коммунистической партии. В деревнях Слуцкого уезда начали создаваться подпольные большевистские ячейки. Осенью 1919 года и в нашей деревне Варковичах организовалась волостная ячейка партии. Нас было всего несколько человек. Руководил нами член уездного комитета Иван Иванович Бочко. Наша волостная ячейка охватывала деревни: Варковичи, Лучники, Серяги, Безверховичи, Подлипы, Ушеловичи, Василюки, Вокшицы, Браново. Мы призывали

население не давать наглым захватчикам ни продовольствия, ни денег, ни людей для работы. Наши призывы находили живой отклик среди крестьян, которые уже испытали все ужасы хозяйничания польских панов.

На окраине Слуцка в маленьком домике девушка-коммунистка печатала на пишущей машинке воззвания, листовки.

Члены ячейки расклеивали эти воззвания на видных местах в окружающих деревнях, разбрасывали листовки и в городе, особенно по базарным дням. Волостная ячейка поднимала и организовывала крестьян на вооруженную борьбу против поляков.

Как мы работали? Сперва мы находили надежных людей. Мы объясняли такому надежному человеку наши задачи, затем давали ему винтовку, обязывали хорошо спрятать ее и быть готовым в любую минуту выступить. Таким образом в Варковичах и Серягах организовался партизанский отряд — 28 партизан, вооруженных винтовками и имевших к ним по несколько десятков патронов. Желавших уйти в партизаны в окрестных деревнях было много, но на всех нехватало оружия.

В начале 1920 года в Слуцке состоялась 1-я уездная подпольная конференция большевиков. Она происходила в доме на углу Болотной и Копыльской улиц. Съехались представители со всего уезда. К тому времени почти во всех волостях уже существовали подпольные ячейки. На конференции все делегаты заявили, что крестьяне поддержат открытое выступление против оккупантов. Один из партизан-партийцев говорил на конференции:

— Народ подготовлен. Дайте только приказ, мы соберем крестьян и возьмем Слуцк.

Уездная конференция дала указание усилить работу по подрыву тыла польской армии. Делегаты вернулись в свои отряды, и с весны 1920 года участились случаи порчи военного польского имущества, разрушения железнодорожных путей, взрыва мостов.

Помню, наш отряд получил задание повредить телеграфную линию. Нам удалось перерезать провода и повалить столбы на расстоянии двух-трех километров. Польское командование прислало в Варковичи карательную экспедицию. Каратели забрали у крестьян скот, дочиста ограбили деревню и наложили большую контрибуцию. Это вызвало возмущение крестьян не только в Варковичах, но и в других деревнях.

В апреле 1920 года в Слуцке произошел большой провал. В домике сторожихи театра Соловейчика шло уездное совещание партизан. О нем пронюхали жандармы. Сторожка была окружена, и участники собрания арестованы.

Мы, в Варковичах, узнали об этом на другой день. Уездный комитет партии предложил отряду быть наготове. Боясь провала, мы предложили партизанам вместе с молодежью уйти в воробьевские леса. Партизаны перешли на нелегальное положение, спали не дома, а на гумнах и в лесу.

Белополяки учинили военно-полевой суд над арестованными революционерами. Среди арестованных было и несколько польских солдат-коммунистов: Петр Ярмолицкий, Михаил Емильянчик, Александр Каминский. Они связались с слуцкой

большевистской организацией, помогали ей добывать оружие для партизан, вели коммунистическую пропаганду в польских войсках. Полевой суд, состоявшийся 24 апреля, приговорил к расстрелу 14 человек: Никифора Бенько, Михаила Тишкевича, Петра Степановича, Николая Тишкевича, Максима Тишкевича, Петра Солодоху, Михаила Реутовича, Степана Красуцкого, Ефима Грачука, Антона Симоновича, Михаила Быченко, Емильянчика, Каминского и Ярмолицкого. Несколько человек было приговорено к каторжным работам. В тот же день командир польского окружного этапа полковник Шемет распорядился расклеить по городу объявление о приговоре. Немедленно из Слуцка в Варковичи прибежал паренек-комсомолец и сообщил, что расстрел большевиков и партизан будет происходить в ближайшее воскресенье. Мы все, конечно, без оружия двинулись в город. В воскресенье крестьяне обычно приезжали на базар. Но в этот день в городе было исключительное скопление народа. Крестьяне ближайших волостей, узнав о расстреле, спешили в город, к тюрьме. Вот из ворот вывели наших товарищей, связанных друг с другом веревками. Они были избиты до неузнаваемости. Руки их были скованы цепями. Эта страшная шеренга медленно двигалась вперед. Арестованные были окружены со всех сторон жандармами и конными солдатами, которые разгоняли народ. Избитые, истерзанные в польских застенках, коммунисты и партизаны спокойно шли к кладбищу. По пути они пели: «Мы жертвою пали», а подходя к кладбищу, запели: «Вставай, проклятьем заклейменный». В толпе слышались рыдания, плакали не только родные осужденных, но и незнакомые им люди. Народ напирал на конвойных, раздавались негодующие возгласы.

Польские власти просчитались. Жестокой расправой с партизанами и коммунистами они хотели запугать трудящихся. А на самом деле они вызвали только новый взрыв возмущения и еще большую ненависть. Видя, что народ все прибывает, и волнение усиливается, конные жандармы и полиция стали разгонять народ нагайками и прикладами. Многих оттеснили и загнали в речку.

Расстрел произошел на кладбище. Жандармы заставили самих осужденных вырыть себе могилу. Сраженные пулями польских бандитов, они падали в могилу со словами: «Мы умираем, но Красная Армия скоро прогонит вас».

Два с половиной месяца спустя, когда Красная Армия освободила Слуцк от белополяков, погибшим героям были устроены торжественные похороны. На их братской могиле поставлен памятник.

После слуцкого провала нашей ячейке было поручено перенести оружие в более надежное место. На потайном складе в Слуцке были запрятаны винтовки, патроны, бомбы, литература. И вот однажды ночью человек десять коммунистов и

партизан направились в Слуцк и всю ночь переносили свой опасный груз. Оружие и литература были спрятаны по деревьям, в огородах, на гумнах. Польские власти считали, что они покончили со слуцкими большевиками. Но уже к 1 мая почти по всему уезду и по городу были расклеены воззвания коммунистической партии и разбросана литература.

В июне 1920 г. состоялась 2-я слуцкая уездная конференция большевиков. Место для нее было выбрано километрах в пяти от Слуцка, на болоте. Кругом, во ржи, стояла охрана: несколько партизан, вооруженных винтовками. На конференции присутствовал представитель ЦК коммунистической партии Литвы и Белоруссии.

Поздно ночью, поодиночке собрались в указанное место человек двадцать делегатов от волостных партийных организаций. Далеко от места сбора встречали их члены уездного комитета и надежные партизаны. На конференции стоял вопрос о подготовке к открытому выступлению против белополяков при приближении Красной Армии к Слуцку. Мы уже знали, что на Украине конница Буденного гонит поляков. Недаром оккупанты с таким озлоблением и остервенением набрасывались на крестьянство, отыскивая партизан, подвергая уничтожению целые деревни.

На случай выступления мы заранее заготовили из материи красные звездочки, чтобы иметь в этот момент отличительные знаки. Звездочки хранились на гумне, под соломой.

Когда началось июльское наступление Красной Армии, из уездного комитета пришел Бочко и предложил отряду немедленно собраться.

— Ну, товарищи, мы двигаемся на Слуцк, нужно выбить оттуда поляков и защитить город от полного разрушения, — сказал он.

Партизаны вышли на улицу с винтовками и выстроились в колонну. Крестьяне, женщины, дети плакали от радости, целовали и обнимали партизан. Матери говорили сыновьям: «Идите, сынки, бить поляков, чтобы они больше не вернулись!»

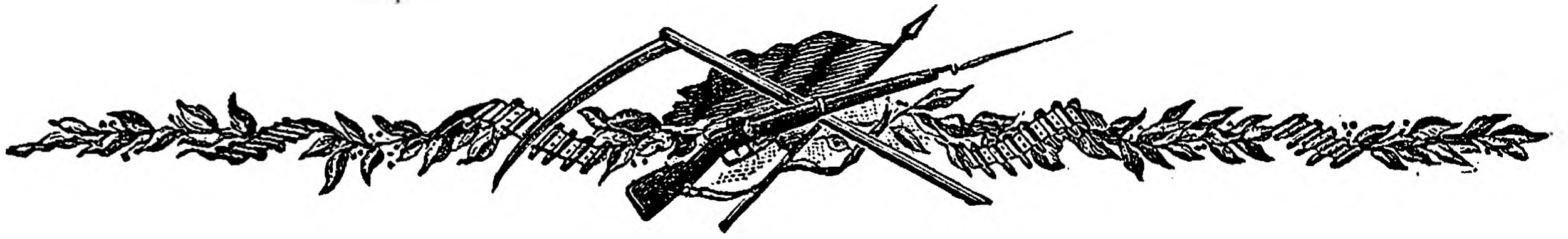
Наш отряд под командой Бочко вышел в Лучники. Здесь мы убили полицейских и солтыса¹ и направились к Слуцку. Озверевшие польские банды жгли и разрушали город. Население попряталось на чердаки и в подвалы. Всю ночь с 14 на 15 июля через город спешно отступали польские части, все грабя и поджигая на своем пути. Они подожгли коммерческое училище — трехэтажное здание. Был взорван и подожжен вокзал, разрушены пути. Некоторые дома были облиты смолой и подожжены. Расположившись на другом берегу, озверевшие бандиты начали обстреливать горящие кварталы.

¹ Солтыс — староста.

Огнем было уничтожено более 150 домов по улицам Володарского, Комсомольской и Юрьевской. Люди сгорали, сходили с ума от ужаса.

Увидев партизан на улицах города и узнав от своей разведки о подходе частей Красной Армии, польские войска побежали дальше на Пинск. Наш отряд занял учреждения, железнодорожную станцию. Был выделен начальник по охране складов. В город вступали части 2-й дивизии. Впереди шел броневик. Красноармейцев и партизан радостно встречали, ликование охватило всех трудящихся Слуцка. Мы не могли пройти вперед: нас обнимали, слезы радости катились по изможденным лицам.

2-я дивизия двинулась дальше преследовать отступающего врага. Партизаны к ней присоединились. Члены уездной партийной организации отправились по волостям Слуцкого уезда для организации ревкомов.

М. ПОСЛЕДОВИЧ.

*По воспоминаниям Наталли Бобко, Т. Воровика,
С. Качана, колхозников колхоза «Перемога»*

ПАРТИЗАНЫ ДЕРЕВНИ ТЕРЕБУТЫ

Волна ненависти к захватчикам поднималась все выше. Один за другим создавались партизанские отряды. Рабочие и крестьяне доставали и чистили припрятанное оружие, в одиночку и группами пробирались по ночам в леса. В непроходимых чащах копали землянки. На узких болотных тропах выставляли часовых.

Голубой лентой вьется в бескрайних болотах река Птичь. Редкие одинокие островки, поросшие орешником, дубняком, кленом, высоко поднимаются над болотом. В густой траве, среди непроходимых трясин, появляются и исчезают глухие звериные тропы.

Вдоль болот песчаные холмы, широкие долины с тысяче-летними дубами, ольхою, чер-

ной смородиной, колючей ежевикой. За болотами — огромные леса, редкие, затерянные в их тени деревушки.

Это Полесье. Это Щитковичи, Теробуты.

Все дальше протягивалась в глубь белорусских лесов и болот грабительская лапа польских захватчиков. На длинных

греблях¹ закачались возы с награбленным добром, потянулись к железнодорожным станциям гурты скота. Все чаще узкими тропинками в глухие лесные чащи и болота уходили крестьяне. Они несли с собой винтовки и жгучую ненависть к польским панам и военщине.

Весной 1920 года сухощавый человек пробирался болотной тропинкой в деревню Теребуты. Время от времени человек опускал руку в правый карман френча и ощупывал холодную сталь нагана.

Около деревни он притаился в густых зарослях ольхи. Сумерки сгущались. Дневной шум замирал. В окнах изб вспыхивали редкие тусклые огоньки, люди зажигали лучину.

Человек вышел на выгон, перемахнул через изгородь и направился к черневшей в темноте хате. Вдруг из-за угла вынырнула и бесшумно приблизилась к нему быстрая тень:

— Апанас?

— Я.

— Один?

— Так.

Пришедший отвечал коротко и едва слышным голосом. Это был руководитель теребутского партизанского отряда Апанас Семко. Он пробрался к своему помощнику Сергею Качану.

Они вошли в избу.

— Что нового? — устало опускаясь на узкую скамейку возле двери, спросил Апанас мягким голосом. — Взяли винтовки у соседей?

Вместо ответа хозяин избы выругался. Гость вскочил.

— Не дали?

— Не дали, подлецы... Может быть неприятность от этих панских лакеев. Они сказали, что расскажут полякам о партизанах.

Апанас опять опустился на скамейку. В хате воцарилась напряженная тишина.

— Идиоты! — не сдержал он своего гнева. — Подлые изменники! кулачье! Знаешь, — обратился он к Сергею, — теперь моя рука не дрогнет, если придется в них стрелять. Хоть они и соседи наши... вместе росли, вместе коней пасли.

Голос его дрожал от гнева. По заданию большевистской организации с чрезвычайной осторожностью подбирал он людей в партизанский отряд и уже набрал тридцать человек, готовых отдать жизнь за советскую власть.

Крестьяне шли к нему. Их нужно было вооружить. Но хватало винтовок, патронов, гранат. Решили взять винтовки в соседних деревнях, у кулаков.

— Что делать? — взволнованно говорил Сергей. — Налетели

¹ Деревянный настил через топь.

поляки на Щитковичи. Избили крестьян; у одной женщины забрали 150 рублей, пуд сала, одежду. И все требовали, чтобы сказала, где ее сын-партизан, где пулеметы. Всю избили нагайкой, выбили зубы...

Апанас молчал. Со всех сторон доходили жуткие вести о хозяйничаньи польских захватчиков в соседнем Игуменском уезде, о неслыханных пытках в игуменской тюрьме. Паны искали партизан и большевиков, зверски издевались и грабили население...

— Нужно сделать налет на имение, — поднявшись с лавки, сказал Апанас своему помощнику. — Там жандармы. Пусть знают, что безнаказанно они не будут издеваться над народом. Заодно добудем у них оружие. А кулачье пусть помалкивает... если хотят жить!

Налет не удался. Кто-то сообщил жандармам о приближении отряда. Началась упорная перестрелка. Потеряв одного товарища убитым, партизаны отступили.

Из Слуцка шли тревожные вести о провале подпольной большевистской организации. В окружающих город деревнях жандармы переловили и заковали в цепи много партизан.

Майские ночи еще были холодны. Болота дышали пронизывающей сыростью. Больной туберкулезом, Апанас вынужден был, пренебрегая опасностью, часто ночевать дома. Однажды под утро его схватили поляки, скрутили веревками руки и вывели на улицу. Сжалось сердце у Апанаса, когда он увидел окруженного польскими солдатами своего помощника Сергея Качана. Подвели еще четверых связанных партизан.

Семко мучила одна мысль: дело, в которое он вложил столько сил и здоровья, погибнет, партизаны разбредутся по своим хатам, отряд развалится... А если арестованные товарищи не выдержат пыток и сдадут, начнутся облавы, выловят оставшихся на воле всех, до одного!...

Вот солдаты отводят в сторону одного из партизан. Капрал приказывает им развязать руки арестованного. Капрал высокий, толстый. Его тупые глаза медленно блуждают вокруг.

— Мы отпустим тебя, — обращается он к партизану. — Останешься дома, если скажешь, кто начальник отряда и укажешь других партизан.

— Я ничего не знаю о партизанах, — сдержанно отвечает арестованный. — Не видел я никаких партизан, пане.

— Так? — в глазах капрала засверкали злобные огоньки.

— Посмотрим! Связать!

Арестованных усадили на подводы. Около каждого партизана уселись по два солдата. Семко приказали влезть в переднюю телегу. Капрал сел рядом.

— Гони, — приказал он, тщательно осматривая свой револьвер.

Партизан везли в Игумен, за семьдесят верст, в дефензиву. Там умели «допрашивать».

Мелькнули перед глазами Апанаса знакомые избы, дорогие лица. Кто знает, может быть последний раз он видит их и уже никогда не ступит его нога по родной земле.

Жгучая ненависть наполнила его сердце. Жить, чтобы действовать! Порвать эти путы, которыми связаны руки!

До Игумена оставалось всего несколько верст. Капрал опасно поглядывал на придорожные заросли, на молчаливый лес. Задние подводы отстали.

Как завороченный смотрел Апанас на кусты. До них пятнадцать-двадцать шагов. За кустами — могучие сосны. Если бы перескочить эти двадцать шагов!.. Там, в огромном лесу, тропинки на неведомые полякам болотные острова.

Сжав связанные руки в кулаки, Апанас ударил изо всей силы капрала в зубы. Капрал упал навзничь. Апанас начал душить его, старался сбросить с воза. Раздался выстрел: капрал пытался направить револьвер на Семена. На соседних возах всполошились солдаты, навалились на арестованных партизан. Ударив капрала еще раз, Семко скатился вместе с ним с воза и, вскочив на ноги, бросился за куст.. В голове его звенело от напряжения. Позади гремели выстрелы. Наконец, все стихло... Он бежал по лесу.

На следующий день Апанас был уже в своем отряде.

Остальных арестованных партизан солдаты привезли в Игумен. Здесь их зверски пытали. Связывали вместе руки и ноги и в таком виде держали по целым суткам. Били молотком по пяткам и по стопе, вливали воду в нос. Вырывали волосы на голове, выщипывали усы — все требовали, чтобы они выдали товарищей.

Из Игумена теребутских партизан перевезли в минскую тюрьму. Здесь выдавали в день только сто грамм хлеба и грязную, вонючую похлебку. А затем решили отправить их в концлагерь в глубь Польши. Вот и остановка в Койданове. Во время смены караула партизанам удалось бежать. Истерзанные пытками, ослабевшие, еле добрались они до Теребут.

— Отдохните! Подкрепитесь! — радостно встретил их Апанас. Он ожил. Отряд разрастался, добывал оружие. Крестьяне были полны решимости до конца бороться с наглыми захватчиками.

Теперь уже никто из партизан не решался заглядывать в свои деревни. Все дворы арестованных и бежавших из-под стражи партизан были ограблены панами дочиста и сожжены. Семьи их с малыми детьми прятались в лесах.

Приближались решающие дни. В отряд уже доходили слухи о готовящемся наступлении Красной Армии.

Чувствуя свой близкий конец, польские паны совсем озверели. Однажды утром в отряд прибежал крестьянин и сообщил,

что в Щитковичи наехало человек тридцать поляков, грабят, издеваются над оставшимися в деревне стариками и детьми.

Через полчаса партизаны уже приближались к Щитковичам. Поляки заметили, открыли стрельбу из пулемета. Загремели партизанские винтовки. Начался бой. Паны не выдержали и, оставив в деревне пять человек убитых, бросились бежать.

Вечером, далеко выдвигая впереди себя разведку, к Щитковичам подошел целый польский полк. Тяжело гремели по ухабам орудия, звенели сабли. Деревня была окружена. Сейчас же началась расправа. Послышались крики и плач женщин и детей. Над крайней хатой, а затем и над другими за клубился дым. Пламя вырывалось из-под крыш, жадно охватывая сухую солому. Слышались редкие, неторопливые выстрелы...

Притаившись на опушке леса, партизаны крепко сжимали винтовки.

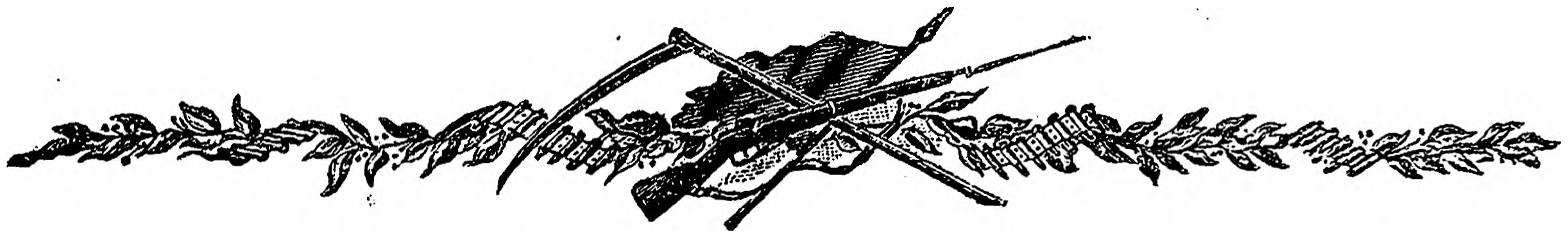
— Невинных убивают сволочи!.. — услышали они гневный голос Апанаса. — Огонь! Залпами!..

Цепь белополяков дрогнула. Легионеры начали прятаться за сарай, заборы. Заиграли сбор. А в лесу гремели и гремели выстрелы.

Поляки начали отступать.

Когда партизаны вошли в деревню, они увидели страшную картину: пятнадцать стариков и детей, не успевших уйти в лес, поляки убили или сожгли живыми.

В этот же день из Игумена пришла весть, что польские войска бегут под напором Красной Армии. Собрав свой отряд, Апанас Семко выступил навстречу ей, по пути уничтожая небольшие польские части.

Рассказ П. ТИШКЕВИЧА,
колхозника колхоза «Гигант»

РАССТРЕЛ ЧЕТЫРНАДЦАТИ

У меня было три сына. Старший сын Степан вернулся с фронта и принес с собой винтовку. Он говорил, что надо поддерживать советскую власть. Когда пришли поляки, Степан и младший сын Михаил вступили в большевистскую подпольную организацию. Сначала я об этом ничего не знал. Мои сыновья были очень осторожны. Они скрывались: жили, где попало, и даже мне, родному отцу, ничего не рассказывали. Только случайно я узнал, что Степан и Михаил ушли в партизаны.

Я сказал Михаилу:

— Плохо тебе будет, если поляки поймают.

Михаил улыбнулся:

— Что они мне сделают, посижу в тюрьме, и выпустят.

Сын стал мне доказывать,

что нам всем нужно бороться против панов за советскую власть. Степан тоже говорил: «Только советская власть хороша».

Большевики и красные партизаны нашего местечка Греска работали под руководством Слуцкой подпольной партийной организации. С организацией было связано несколько польских

солдат. Один из них оказался шпионом и выдал всю организацию. Польская дефензива напала на след гресских партизан.

Однажды ночью, это было в апреле 1920 года, я слышу стук в дверь. Открываю и вижу — жандармы в сенях и на дворе. С ними старшина. Он показывал, где живут красные партизаны.

— Где партизаны? — накинулся на меня жандарм.

— Тут нет партизан, пане, я не знаю никаких партизан, — ответил я, а сам дрожу: Степан спрятался на гумне, а Михаил пришел ночью домой и не раздеваясь лег спать.

— Иди в хату, старая собака! — заревел офицер, и два жандарма втолкнули меня в дом. В дверях они поставили караул и никого не выпускали. Моя мать, старуха, хотела выйти в сени. Жандармы ударили ее прикладом в грудь. Она упала и заплакала. Жандармы пошли на гумно, нашли там Степана и привели его во двор. Он был весь в крови — по дороге его секли плетьюми.

Потом позвали меня.

— Иди сюда, старая собака.

Я попросил:

— Пане, если хотите меня мучить и бить, так уж бейте, чтобы все видели.

Они вывели меня во двор и стали сечь плеткой. Всего избивали. Потом привели в сарай Михаила. Поляки разорвали на нем одежду. Один сел на его голову, другой — на ноги, и долго секли его плетьюми.

Арестовали много наших красных партизан — Петра Солодуху, Петра Степановича. При аресте их всех ужасно избивали. В особенности издевались над Петром Солодухой. Его били так, что у одного жандарма нагайка оторвалась. Две сестренки Петра (одна — девяти, а другая — двенадцати лет) кинулись к жандармам, стали целовать им руки, просили не мучить брата. Жандарм схватил плетку и избил девочек. Потом направил на них револьвер и закричал: «Стрелять буду! Где брат спрятал оружие?» Напугал детей почти до смерти. Другой жандарм на коне бросился на отца Петра, старика Солодуху. Лошадь топтала его копытами, он не мог увернуться. Жандарм несколько раз ударил старика саблей и зарубил бы непременно, если бы его не оттащила жена.

— Пся крев твоя, — закричал жандарм, — зачем ты родила такого сына! — и замахнулся на нее саблей.

Хорошо, что старуха во время отскочила.

Жандармы дочиста ограбили деревню, позабирали скот, сало, холст. Потом связали всех арестованных, бросили их на подводы и увезли в Слуцк.

В Слуцке партизаны два дня просидели в тюрьме. Во время допросов их бесчеловечно мучили. 24 апреля был суд.

Четырнадцать человек, в том числе моего сына Михаила, приговорили к смерти, остальных — к каторжным работам.

— Вы осудили четырнадцать человек, но на наше место станут тысячи! — сказали партизаны, когда им объявили приговор.

У приговоренных к расстрелу спросили: «Может быть, кто-нибудь желает исповедываться?» Все отказались.

О приговоре я услышал в субботу. Я пошел к Ивану Тишкевичу и сказал:

— наших детей присудили к смерти...

Тишкевич разволновался. Решили скорее собираться в Слуцк.

Жена моя плакала всю ночь. Она приготовила для сына его любимые кушанья. В воскресенье на рассвете мы поехали в город.

Около города нас остановили польские солдаты и сказали, что в город ехать нельзя. Тогда мы оставили лошадей, а сами пешком пробрались в город.

Подходим к тюрьме. Возле тюрьмы стояла пехота и конница. Вокруг собралась большая толпа.

Я подхожу к коменданту и прошу:

— Господин комендант, разрешите мне с женой пройти к нашему сыну.

Он спрашивает:

— Вы — отец?

— Да, я отец.

Подошел к коменданту и Иван Тишкевич с дочкой.

Комендант велел пропустить нас. Нам открыли ворота в тюрьму. Весь двор был заполнен солдатами. Наши дети стояли по четыре человека в ряд со связанными на-крест руками. Железная цепь была протянута между рук выше локтя и замкнута. Они были избиты, изувечены, в страшных синяках. Лица опухшие, в крови.

Мы подошли к ним. Я с трудом узнал сына. Бросился к нему. Подошла и мать. Она стала на колени перед сыном и говорила:

— Сынок!.. Миша, умру вместе с тобой.

Приговоренные к смерти товарищи сына тоже захотели попроситься с нами. Мы простились и с ними.

У некоторых польских солдат, которые стояли против арестованных, на глазах были слезы. Один протянул моему сыну папиросу. Михаил жадно закурил, согнувшись: нельзя было поднять скованных рук.

Нас прогнали с тюремного двора. Мы спрятались возле тюрьмы в уголке и видели, как выводили наших детей. Они были окружены солдатами.

Я взял под руку жену, она шаталась. Все мы пошли за осужденными. Вдруг партизаны запели и до самой могилы пели революционные песни. В толпе слышался плач... Моя жена падала, не могла больше идти. Я оставил ее и пошел один возле цепи легионеров. Так я прошел улицу. Дальше мне не дали

проводить сына. Получив прикладом по спине, я вернулся к жене и вместе с нею пошел к месту расстрела. Я уже знал, где это: мне сказали, когда мы приехали в город. Но нас отогнали и от могилы. Я снова бросился к кладбищу, на котором расстреливали партизан, и укрылся под повозкой шагах в пятидесяти от места расстрела. Я все видел.

Была вырыта большая яма. Над ямой, помню, высокую, как стена, насыпь. В яме на пол-аршина стояла вода. Наши дети вошли в эту воду по колена.

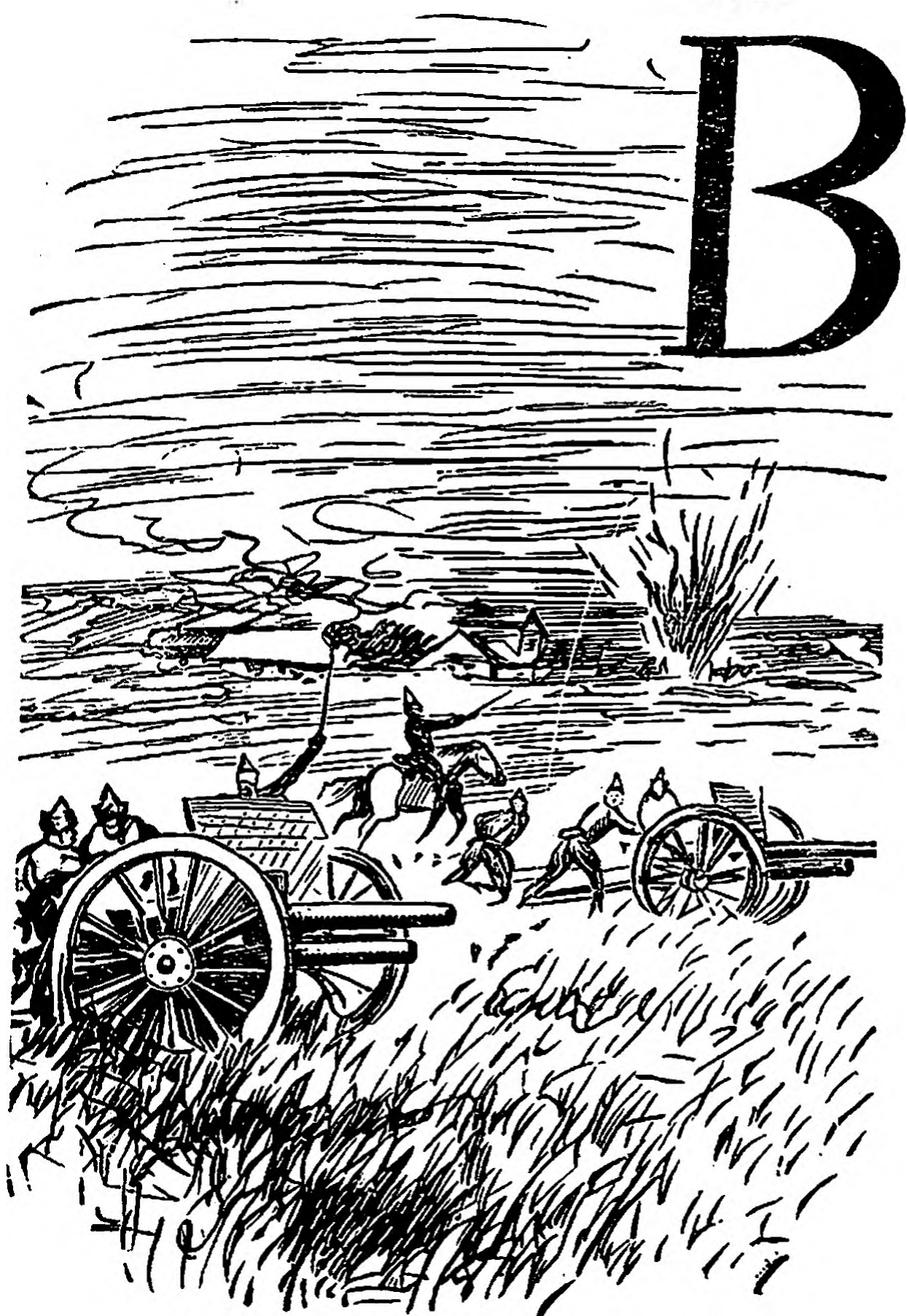
Вдруг один из партизан, Бенько, заговорил. Слышно было плохо. Но я слышал, как он сказал: «За одну нашу голову вы отдадите тысячи». Как только он произнес эти слова, жандарм ударил его шашкой, и тут же раздался залп. Не все партизаны упали. Некоторые продолжали стоять. Их толкали в яму и там достреливали. После нескольких выстрелов начали засыпать яму.

Я бросился к могиле. Некоторые шевелились. Их, еще живых, забрасывали землей...

В. ХРУЛЕВ

ПРОРЫВ

Весь июнь 1920 года Красные армии западного фронта в районе Белоруссии готовились к наступлению. 15-я армия стала получать пополнения, боеприпасы.

В июне с южного фронта прибыли свежие дивизии — 16 и 33-я Кубанская. Обе дивизии были хорошо вооружены и имели сильную конную разведку. У разведчиков были прекрасные кони. 15-я армия не имела конных частей. Из команд конных разведчиков обеих дивизий была создана конная группа.

В это же время прибыли три танка. Первые советские танки, сделанные на Путиловском заводе! Это были небольшие по размерам, малосильные

танки, каждый имел 37-миллиметровое орудие и два-три пулемета. Но как им обрадовались командиры и бойцы!

15-я армия была расположена в районе Полоцка. Танки нужно было переправить на левый берег Западной Двины. При отступлении поляки взорвали железнодорожный мост. Мы раздобыли три большие рыбацкие лодки, скрепили их поперек бревнами и сверху наложили клетку из бревен. Получился громадный паром. Танки нужно было доставить к берегу. Салеры с шутками и смехом дружно принялись за работу. За несколько

дней на высоких отвесных берегах Двины были вырыты сотни кубометров земли, в образовавшихся выемках уложены шпалы и рельсы. Платформы с танками, замаскированными мешками и брезентом, были спущены по одному, с большим трудом и предосторожностями на паром. По канату подтягивали его к другому берегу. Здесь уже стояли платформы с маленьким паровозом, который подал танки к позициям.

Наступило 3 июля. Весь день готовились части к бою. Комиссары, командиры и красноармейцы-коммунисты вели беседы с бойцами. Вдоль железной дороги должна была нанести удар по неприятелю 33-я Кубанская дивизия. Она стояла у станции Зябки. Правее была расположена 16-я дивизия, левее — 11-я. Перед ними были сильно укрепленные польские позиции.

Ночь на 4 июля прошла спокойно. В 6 часов 15 минут утра загрохотали орудия. В атаку пошли танки. Они быстро смяли проволочные заграждения, миновали окопы и открыли убийственный огонь вправо и влево по польским позициям. Поляки были ошеломлены, солдаты выскакивали из окопов, бросали винтовки, поднимали руки. Вслед за танками, в 6 часов 30 минут дружной лавиной двинулись полки 33-й дивизии. К 3 часам пополудни дивизия, ведя жестокие бои, углубилась на 16—20 километров в расположение польских войск.

Красные части захватили около 700 пленных и 19 пулеметов.

Вслед за 33-й дивизией двинулась вперед 11-я дивизия. Ей преграждали путь три полосы укреплений. Серьезным препятствием были река Соша и озера. В 6 часов 45 минут утра 31-я бригада пошла в атаку. Артиллерийский огонь красных батарей буквально сносил польские окопы. Красноармейцы бросались к проволочным заграждениям, набрасывали на проволоку плетеные маты, рвали и резали ее. В 7 часов 25 минут была захвачена первая линия окопов. Части польского 48-го пехотного полка обратились в паническое бегство.

На правом фланге против позиций 16-й дивизии неприятель еще держался. Здесь были сильные укрепления. Кроме того, глубокие овраги, горы, леса и речки являлись серьезной естественной преградой.

В прорыв на участке 33-й дивизии была двинута конная группа. Не прошло и сорока минут, как конники, обойдя поляков, укрепившихся в окопах против 16-й дивизии, начали рубить их. По окопам пронесся крик: «Конница Буденного!» Поляки обезумели от страха, солдаты в беспорядке выскакивали из окопов, бежали, забирались на деревья. Красные бойцы гнали врага на юго-запад. В первый же день было взято до 2 тысяч пленных.

К большому мосту недалеко от Зябок подходили колонны пленных. Их сопровождала небольшая группа плохо вооруженных красноармейцев. Неожиданно из леса выбежал плачущий мальчик. Он громко кричал:

— Поляки, поляки!

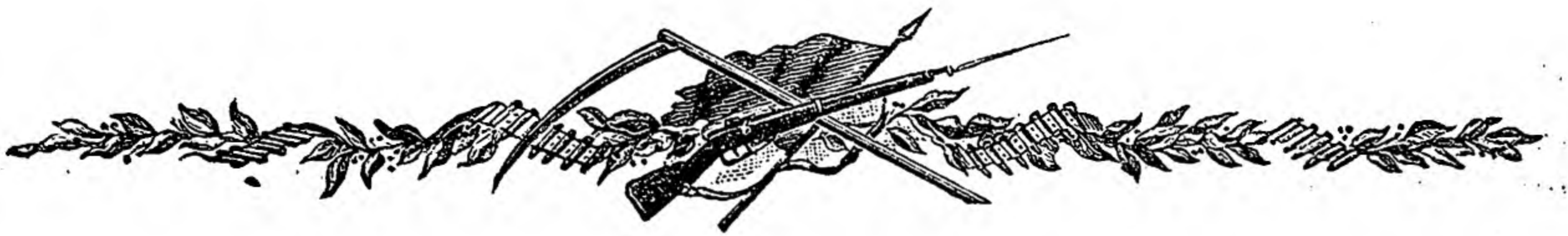
Вслед за ним к мосту подбежала женщина. Она показывала в сторону леса и, волнуясь, повторяла: «Поляки! Много поляков!» Пленные подбодрились и начали переглядываться. Несколько красносармейцев направились в лес. Перед ними открылась удивительная картина. Целыми взводами спускались с деревьев напуганные конницей поляки. Они прыгали с деревьев, бросали оружие, поднимали руки, по команде послушно выстраивались и шли в наш тыл.

За два дня части 15-й армии уже продвинулись с боями на 30—32 километра. 5 июля в 2 часа пополудни было взято Глубокое. Полевой штаб 15-й армии двинулся по следам наступающих частей. По пути валялись разбитые передки зарядных ящиков, поломанные повозки, фураж, патроны и артиллерийские снаряды. Но что особенно поразило нас, это большое количество неприятельских трупов. Видно было, что красные бойцы хорошо поработали. Местами нельзя было проехать, приходилось раньше расчищать дорогу.

6 июля 33-я дивизия завязала бой у станции Парафьяново. 10 июля части 15-й армии заняли укрепленный район Молодечно. 15-я армия двигалась на Белосток. Поляки поспешно отступали. Они пытались задерживаться на укрепленных рубежах, но напор красных бойцов был так силен, что опрокидывал все расчеты польского командования. Польские войска были охвачены паникой.

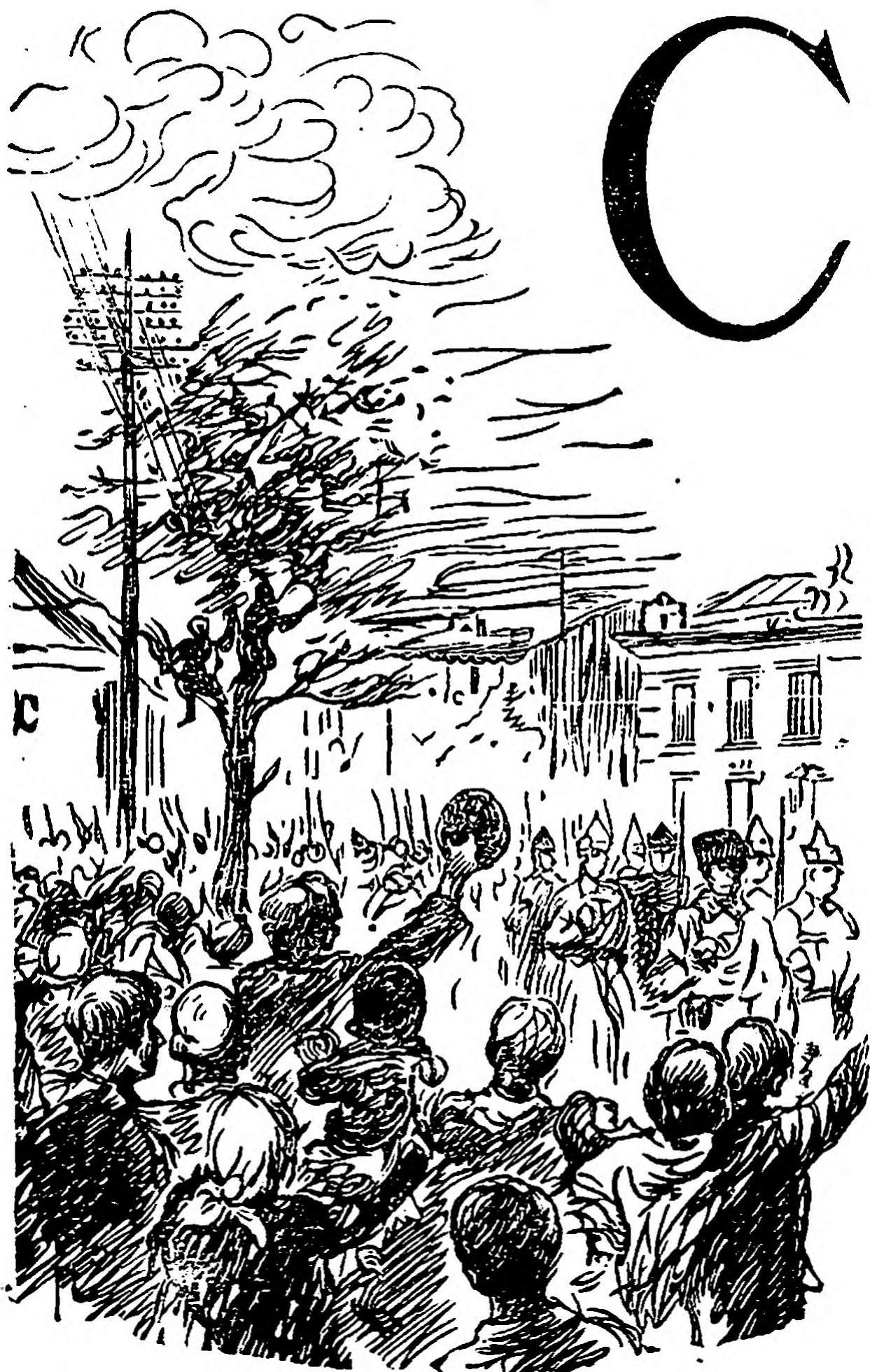
Население радостно приветствовало Красную Армию. Незабываемая встреча произошла в Белостоке. На рассвете 29 августа части 4-й дивизии начали атаку Белостока. Они с налета сбили поляков с укрепленных позиций, захватили около десятка орудий и завязали упорный бой в районе казарм. Полевой штаб двинулся на машинах в город. На улицах толнился народ, к центру трудно было проехать. Толпы рабочих с белыми повязками на руках окружили машину: «Остановитесь! Дальше не пустим!» Притащили откуда-то стол и попросили, чтобы кто-нибудь из командиров выступил. Десятки рук подхватили одного из штабных работников и поставили на стол. Его речь прерывалась восторженными криками. Когда мы попросили проводить нас в гостиницу, рабочие буквально облепили все четыре машины. Каждый хотел, чтобы ему досталась честь проводить красных бойцов на квартиру.

Бойцы и командиры рвались вперед. Они горели желанием покончить с ненавистным врагом.

О. ШЕКУН
По материалам Секретариата Главной
редакции «Истории гражданской войны»

ОСВОБОЖДЕНИЕ МИНСКА

С Украины шли радостные вести. Красная Армия освободила Киев, поляки бегут перед конницей Буденного. От большевиков-подпольщиков, от партизан слышат рабочие и крестьяне Белоруссии волнующие новости. Все громче разговоры: «Недолго пановать гадам у нас!». Все чаще выступают партизаны. Польское командование перебросило против них значительные силы, которые вынуждено было снять с фронта.

Красные армии западного фронта готовились к наступлению. 12 июня двинулась вперед Мозырская группа. 4 июля на рассвете части 15-й Красной Армии прорвали польский фронт. Поляки пытались закрепиться на линии старых германских окопов. Но

стремительное наступление советских войск разрушило их планы: окопы были заняты частями Красной Армии раньше, чем туда успели подойти главные польские силы.

16-я Красная Армия наступала в минском направлении. Перед ней стояла 4-я польская армия. Советская страна послала

на западный фронт подкрепления. В 16-ю армию прибыла 2-я стрелковая дивизия. Из далекой Сибири спешила 27-я дивизия. В ночь на 7 июля части 16-й армии начали переправу через Березину. Севернее Борисова шла к Березине 17-я дивизия. Против нее стояли две польские дивизии — 4 и 2-я дивизии легионов.

Разведчики передового полка пробирались к Березине. До реки осталось пройти около четверти километра. Как на зло, из-за облаков выглянула луна. Разведчики находились на узкой тропинке. Податься некуда: вокруг болото. Под убийственным пулеметным огнем разведчики подползли к самому берегу. У Березины быстрое течение, а многие бойцы не умели плавать. Укрывшись в ложбине у берега, разведчики сколотили небольшой плот и спустили его на воду. Вдруг на другом берегу раздались крики: «Пан, иди сюда». Бойцы думали, что это ловушка, но зов настойчиво повторялся. Разведчики поднялись на ноги: стрельбы нет. Несколько человек сели на плот и беспрепятственно переправились через реку. Оказалось, 18 солдат польской заставы убили своего начальника и решили сдаться. На других участках части 17-й дивизии с боем переправились через реку.

Южнее Борисова вела бой 27-я дивизия. Она 5 июля выгрузилась из эшелонов и сейчас же выступила на позицию. Дивизия имела лошадей, но повозок нехватало. Пулеметчики на руках переносили пулеметы, пока не захватили трофейные повозки у неприятеля. В полночь с 6 на 7 июля части 27-й дивизии вышли к реке Березине. Было еще темно. Справа и слева на Березине грохотала канонада. Орудийные вспышки, разрывы снарядов и шрапнелей бороздили темное небо. Батальон 81-й бригады попытался на понтоне переправиться через Березину. Поляки заметили и пулеметным огнем изрешетили понтон. Комбриг послал к месту переправы подкрепление. Польские заставы на правом берегу были сбиты. Части 27-й дивизии начали переправляться через реку.

По правому берегу Березины шла линия польских укреплений. Несмотря на упорное сопротивление и жестокий артиллерийский огонь, части 16-й армии 7 июля заняли неприятельские окопы и широким фронтом двинулись вперед.

Разбитый противник поспешно отступал к Минску. Его преследовали 17 и 27-я дивизии. Чтобы замедлить наступление Красной Армии, польское командование приказало поджигать леса.

Трудно было двигаться. Летний зной и дым лесных пожаров изнуряли бойцов. Приходилось бороться с огнем и с боями преследовать отступавшего неприятеля. Особенно упорное сопротивление оказали поляки вдоль железной дороги Борисов — Смоленичи — Минск.

9 июля 242-й Волжский полк с юга подошел к местечку

Смолевичи и очутился в тылу отступившей от станции Плиса польской бригады. У станции Виттенштейнской разыгрался горячий бой. Поляки бросили на поддержку бронепоезд. Бой продолжался несколько часов. К вечеру части 4-й пехотной польской дивизии стали поспешно откатываться на запад. Из окрестных лесов вышли жители местечка и ближайших деревень. С ликованием встречали они красноармейцев, наперебой приглашали к себе в хаты и угощали, чем могли.

Красная Армия спешила к столице Белоруссии. Духота и зной все усиливались. Приходилось двигаться ночью. Партизаны нападали на польские штабы, на отступавшие части, уничтожали связь, взрывали поезда, нагоняя на врага еще большую панику.

Польское командование предполагало задержать наступление 16-й Красной Армии на второй укрепленной полосе. Она проходила в 6—10 километрах восточнее Минска, по линии Малиновка — Копище — Озерище — Малый Сциклев, далее по реке Свислочь до деревни Караваево и отсюда — на юго-запад, к Слуцку.

Четвертая пехотная дивизия должна была занять укрепленные позиции восточнее Минска и прикрывать отступление других польских частей. Но все расчеты польских генералов были опрокинуты.

К 10 июля части 16-й армии вышли на фронт Городок-Смолевичи — река Волма — Пуховичи — Лапичи. Было взято большое количество пленных, пулеметов и семь орудий.

27-я дивизия двигалась на Минск с фронта, 17 и 8-я дивизии наносили удар с севера и с юга. 10-я дивизия уже перерезала железную дорогу между станциями Пуховичи и Талька. Она захватила паровозы и много вагонов с боеприпасами, снаряжением, награбленным поляками имуществом. Части 2-й дивизии вошли в Бобруйск, преследуя отступавших на Слуцк познанцев.

10 июля, совершив ночной переход, 27-я дивизия овладела переправами через реку Волму, и к вечеру передовые части ее продвинулись в район Озерище — Сциклев. Красная Армия стала в 7 километрах от Минска.

Город был опоясан полукольцом окопов с проволочными заграждениями. Фланги их упирались на севере в трудно проходимое болото, а на юге — в болотистую реку Свислочь. Поляки хотели выиграть время для эвакуации. Они жестоко дрались за подступы к Минску.

Тяжелый бой разыгрался на линии Копище — Уручье. Здесь противника атаковали части 17-й дивизии. Поляки имели прекрасно укрепленную позицию, и атака была отбита. К вечеру после перегруппировки и огневой подготовки передовой полк вновь перешел в атаку, сбил неприятеля с позиций и преследовал его до самого Минска. Особенно отличились в этом бою пу-

леметчики. Из наскоро устроенных гнезд-окопчиков они поливали поляков свинцовым дождем. Большие потери понес враг, когда начал отступать со своих позиций.

Одновременно части 27-й дивизии пошли в наступление на укрепления у Озерища. Здесь поляки оказывали упорное сопротивление. На рассвете 241-й полк 81-й бригады, уничтожив целый польский батальон, прорвал укрепленную линию. В прорыв проскочил кавалерийский полк. Конники на месте зарубили более 100 человек. Остальные части бригады двинулись в атаку.

Поляки отчаянно сопротивлялись, но были выбиты из окопов, понесли большие потери и в беспорядке стали отходить к Минску.

Наступление 81-й бригады было так стремительно, что явилось для врага совершенно неожиданным. Около 5 часов утра 11 июля польская часть, стоявшая на укрепленной позиции в районе Архиерейских дач, расположилась на травке позади окопов и проволочных заграждений и мирно отдыхала. Рядом стояла батарея в полной упряжке. В этот момент 241-й Крестыанский и 243-й Петроградский полки 81-й бригады стремительно атаковали поляков. Рубя и разрывая проволоку, красноармейцы ворвались в окопы. Поляки не успели схватить винтовки, поднимали руки и сдавались. Артиллеристы исчезли, не успев даже снять замки у орудий и угнать лошадей. Батарея досталась петроградцам.

Оставив роту красноармейцев для вылавливания разбежавшихся польских солдат, полки 81-й бригады устремились к городу. Завязалась ожесточенная схватка у вокзала.

Через Минск отступала 4-я пехотная дивизия и 2-я дивизия легионов. Убегающие в панике перед Красной Армией польские генералы и паны вымещали свою злобу на беззащитном населении. Весь день 9 июля легионеры под руководством своих офицеров поджигали правительственные и общественные здания и частные дома. Пожарные машины были заранее увезены по распоряжению польского командования. Горели целые районы, главным образом рабочие окраины. Были сожжены Александровский и Западный вокзалы и привокзальный район с жилищами железнодорожников. Сгорели обувная фабрика «Орел» со всеми прилегающими к ней строениями, паровая мельница, винный склад. Электрическая станция и другие предприятия были спасены лишь благодаря героизму рабочих и служащих, отстоявших их от огня. Шел сплошной разгром лавок и магазинов. Мародеры взламывали запоры, врываются в квартиры, забирали последнее и, уходя, грозили: «Мы еще придем... погодите, узнаете еще нас». Из домов слышались вопли избиваемых людей. Отчаянные крики женщин раздавались на каждом шагу. Награбленные вещи — платья, ботинки, самовары тут же продавались или сваливались на возы.

С утра 10 июля в городе стала слышна приближающаяся канонада. Радость охватила прятавшихся по чердакам и подвалам жителей. Красная Армия близко! Поляки бегут!

Улицы города запружены обозами, лавиной бегущих войск. На углах создались пробки. Крик, цоканье подков, треск ломающихся повозок, отборные ругательства — все слилось в сплошной гул. С панов соскочила вся их спесь. Лощенные офицеры улепетывают, нещадно подхлестывая лошадей. Их конфедератки с цветными околышами и позолоченными орлами летят на мостовую. Это не отход, это — паническое бегство. Никакой армии уже нет. По улицам города в панике бежит огромная банда грабителей и убийц.

Услышав приближающуюся к городу канонаду, жители осмелели. Они создают отряды самообороны, вынимают припрятанные револьверы, охотничьи ружья. Поляки уже нападают на население только группами, стараясь держаться поближе один к другому, с опаской озираясь вокруг. Им сопротивляются, устраивая засады во дворах, все чаще обращают мародеров в бегство.

Рабочие отряды выходят на улицу, подстерегают отдельных польских солдат и небольшие части, отбирают у них винтовки и открывают стрельбу по отступающему врагу. Они переловили и взяли в плен много солдат и офицеров и предотвратили окончательный разгром города. У Виленского вокзала скопились отступающие части. Железнодорожники ломали части паровозов, выпускали пар, лишь бы задержать отступление неприятеля до подхода Красной Армии. Многие герои заплатились за это жизнью — были расстреляны на месте озверевшими панами.

Всю ночь не спал Минск. Наступил великий для белорусского народа день — 11 июля. Рано утром жители увидели расклеенные по улицам воззвания Минского комитета коммунистической партии. Большевики Белоруссии приветствовали освободительницу белорусского народа — Красную Армию. Не обращая внимания на стрельбу, толпы собирались вокруг небольших листов. Раздавались радостные взволнованные голоса: «Красная Армия у самого города!»

В 11 часов 30 минут утра объединенные команды конных разведчиков вошли в Минск. Первые всадники в шлемах с красной звездой, появившиеся на улицах, не могли двинуться с места. Их окружили. Со всех сторон бежали к ним женщины, дети, старики. Наперебой спрашивали: «Скоро ли будут остальные? Где ваша дивизия?»

В 12 часов части 17-й и 27-й дивизий разгромили польские части у вокзала и вошли в город. По улицам двигались овеянные славой побед колонны Красной Армии. Запыленные, усталые, но с сияющими лицами шли красноармейцы. Трудящиеся Минска высыпали на улицы встречать Красную Армию. Раздавались приветственные крики. С балконов бросали цветы. Из

домов выносили воду и поили изнемогавших от жары красноармейцев, предлагали им на дорогу еду, приглашали отдохнуть и поесть, со слезами радости обнимали их. Но Красная Армия спешила дальше, по пятам преследуя врага.

Части 27 и 17-й дивизий в этот же день выдвинулись на 8—10 километров западнее и юго-западнее Минска. 27-я дивизия за один только день 11 июля захватила 6 орудий, 32 пулемета, много винтовок и патронов и несколько сот пленных. К 14 часам Минск был очищен от польских банд. Столица Советской Белоруссии снова стала свободной.

Большевики создали вооруженные рабочие дружины. Они очищали город от притаившегося врага, помогали устанавливать революционный порядок. Из минской тюрьмы были освобождены томившиеся там революционеры. Маленькие рабочие отряды нагоняли сильную панику на значительные польские части. Рабочие железнодорожных мастерских создали небольшую боевую группу, догнали целую роту поляков на Койдановском тракте. Шестеро рабочих засели во ржи и открыли стрельбу. Поляков было много, но они бросились бежать. Рабочие стали их задерживать, крича: «Стой! Бросай, пан, ружье!» Вслед за рабочими увязались ребятишки. И вот шестеро рабочих при помощи ребятишек взяли в плен 48 польских солдат с капралом, 2 кухни и воз с амуницией, освободили крестьян-подводчиков, которые везли награбленное поляками добро. К вечеру на улицах Минска появились пленные поляки. Угрюмо смотрели на них жители Минска. Иногда какой-либо еврей подскакивал к пленному и сердито, размахивая руками, показывая на свою бороду, кричал: «Не хочешь ли, пся крев, бороду отрезать? Попробуй!» Пленные солдаты лишь испуганно жмурились и жаллись ближе к своим конвоирам или к рабочим с красными повязками на рукавах. Красноармейцам приходилось защищать пленных от толпы.

На всем пути к Красной Армии присоединялись партизаны. Их подвижные отряды были так страшны полякам, что они вынуждены были отступать большими массами и только по дорогам.

Трудящиеся Белоруссии с восторгом встречали Красную Армию. Товарищ Сталин ярко характеризовал совершенно исключительное отношение белорусского народа к своей освободительнице.

«Такого отношения, — писал он, — мне не приходилось встречать ни на востоке, ни на юге.

Несмотря на бедность крестьянских масс на западе по сравнению с Поволжьем и югом, все же крестьяне делились последним с красноармейцами...

На нашем фронте имеется целая группа войск, все санитарное дело которой находится в руках крестьян и крестьянок,

проявляющих величайшие заботы и внимание к нашим раненым красноармейцам.

Что касается настроения белорусских крестьян за фронтовой полосой, то, по нашим сведениям, там происходят сплошные восстания, работают партизанские отряды, разрушающие тыл противника, сжигая склады и истребляя помещиков.

Можно смело сказать, что повторяется та же история, что в Сибири с Колчаком.

При приближении наших частей повсюду тыл противника начинает взрываться изнутри.

Мы присутствуем в настоящее время при подлинной крестьянской революции в Белоруссии»¹.

Красная Армия победоносно двигалась вперед, освобождая украинский и белорусский народ от польских захватчиков.

¹ Цитируется по книге К. Е. Ворошилова «Сталин и Красная армия», стр. 148—149.

III

ДОКУМЕНТЫ

1

ЧТО ПРИНЕСЛИ ПОЛЬСКИЕ ИНТЕРВЕНТЫ БЕЛОРУССКОМУ НАРОДУ

ОБЪЯВЛЕНИЕ ПОЛЬСКОГО КОМИССАРА СЛУЦКОГО УЕЗДА О ВОССТАНОВЛЕНИИ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕН- НОСТИ ПОМЕЩИКОВ И КАПИТАЛИСТОВ

Перевод с польского

Слуцк, 1 сентября 1919 г.

Согласно распоряжению заместителя Генерального комиссара восточных земель объявляется к всеобщему сведению:

1. Все распоряжения и декреты большевистских властей, касающиеся частной собственности, сим упраздняются. Право собственности вполне восстанавливается.

2. Комитеты, возникшие в период большевистского правительства, управлявшие делами земельного и лесного хозяйства, со дня объявления сего лишаются права вмешательства в дела частной земельной собственности. С момента передачи имений эти Комитеты упраздняются. Профессиональные организации сельскохозяйственных рабочих могут образоваться на основе устава, утвержденного властью.

3. Всякая частная собственность, как захваченная, так и находящаяся случайно не у законных владельцев, должна быть немедленно возвращена.

4. Владельцы имений и их юридические заместители обязаны до 10 сентября принять во владение имения, которые должны быть им переданы Ликвидационной Комиссией бывшего Управления частных имуществ (национализированных) после составления соответствующих актов.

5. Имения, которые до 10 сентября с. г. не будут приняты их законными владельцами без серьезных причин, остаются в администрации государственного управления и могут быть сданы в аренду на текущий хозяйственный год.

И. Черноцкий

И. д. комиссара Слуцкого уезда

ЦАОР, Польский фонд.

ПРИКАЗ № 85 ПО 70-МУ ПЕХОТНОМУ ПОЛКУ
О ЗАПРЕЩЕНИИ ПОЛЬСКИМ ОФИЦЕРАМ
И СОЛДАТАМ ГОВОРИТЬ С НАСЕЛЕНИЕМ
ПО-РУССКИ

Перевод с польского

15 апреля 1920 г.

Я неоднократно слышал на улицах Лиды, как рядовые и офицеры разговаривали с местным населением или по-немецки или по-русски. В ответ на сделанное мной замечание я слышал оправдание, что они не понимают по-польски.

Итак, прежде всего утверждаю, что все здешние граждане не только понимают, но и говорят по-польски, хотя неправильно, однако, некоторые элементы здесь принципиально не желают понимать и говорить иначе, чем по-русски, по всем известным причинам.

Во-вторых, считаю оскорблением достоинства поляка разговаривать во время уличных прогулок с еврейками на языке наших исконных врагов и строго это запрещаю и неподчиняющихся буду наказывать.

Все офицеры, жандармерия и все чины должны бдительно следить, чтобы этот приказ точно исполнялся.

Не оскорбляйте чести польской нации.

Модлевский
Подпор. и командир полка

ЦАОР, Польский фонд.

ГЛАВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ ПОЛЬСКИХ ВОЙСК
ОБЪЯВЛЯЕТ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ
ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК ОФИЦИАЛЬНЫМ ЯЗЫКОМ

Перевод с польского

5 марта 1919 г.

Распоряжение № 861

На территориях, занятых польскими войсками, официальным языком является польский.

... Правительственные распоряжения будут издаваться на польском языке, могут быть с переводом на языке местного населения. Решающим является польский текст.

Генеральный гражданский комиссар

ЦАОР, Польский фонд.

ОБЩАЯ СВОДКА

убытков, причиненных польскими захватчиками белорусскому народу, составленная комиссиями по расследованию польских зверств

	В золотой довойной валюте		В советских рублях 1919—1920 гг.		В николаевской валюте		Польскими марками		Керенками	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб. кред.	Марок	Руб.	Керенками		
Центр. и Минск. уездн. комиссия	13 763 167	34	914 004 519	—	38 752 666	77 175 619	148 200			
Бобруйская уездн. комиссия	1 037 326	64	—	—	—	—	—			
Борисовская уездн. комиссия	3 254 392	14	8 120 202 500	—	—	—	—			
Игуменская уездн. комиссия	1 744 623	82 ¹ / ₂	1 300	—	—	—	—			
Мозырская уездн. комиссия	19 721 488	56	—	—	—	—	—			
Слуцкая уездн. комиссия	3 508 282	84	—	—	22 747	—	—			
<i>Итого</i>	<i>52 029 281</i>	<i>34¹/₂</i>	<i>9 034 208 319</i>	<i>—</i>	<i>38 775 413</i>	<i>77 175 619</i>	<i>148 200</i>			

Председатель Центральной Комиссии (подпись)
 Секретарь (подпись)
 Верно: Секретарь СНК (подпись)

С В О Д К А

сведений о жертвах контрреволюции по городам и уездам Белоруссии

№ п/п	Наименование уезда	Число пострадавших			Всего по городу и уезду
		мужчин	женщин	детей	
1	Бобруйский уезд	9 479	18 958	28 438	—
	г. Бобруйск	250	485	1 051	58 661
2	Борисовский уезд		прибл.		25 000
	г. Борисов	1 332	1 938	—	59 002
3	Игуменский уезд и город	2 982	5 945	8 946	17 874
4	Минский уезд	1 173	1 448	1 767	4 499
5	Несвижский уезд и город	600	700	800	2 110
6	Новогрудский уезд	11 443	9 960	7 913	—
	г. Новогрудок	14	13	12	—
7	Вилейский уезд	500	500	1 000	—
	г. Вилейка	10	12	18	2 040
8	Слуцкий уезд	3 090	3 602	4 283	—
	г. Слуцк	447	493	795	12 710
<i>Итого</i>		31 320	44 054	55 023	—
Всего пострадало по 8 уездам . .		—	—	—	158 061 чел. ¹

Белпартархив при ЦК КП(б)Б, ф. 60, д. 64, л. 2.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОБРАНИЯ ПОГОРЕЛЬЦЕВ ДЕРЕВНИ ОСОВО ГОРБАЦЕВИЧСКОЙ ВОЛОСТИ БОБРУЙСКОГО УЕЗДА

10 октября 1920 г.

10 июля с. г. польскими панами при отступлении дотла сожжена наша деревня, состоявшая из 70 дворов. Из построек и вообще недвижимого имущества ничего не осталось. Ограблено много скота и 14 лошадей.

Убито 19 граждан — мужчин и женщин — осталось много вдов и сирот...

Все население деревни, более 400 душ напротив зимы остаются без помещений, одежды и обуви, среди чистого поля.

Просить губисполком и уисполком оказать помощь.

Горбацевичский волостной Ревком свидетельствует, что настоящее постановление вынесено гражданами дер. Осово и ими подписано.

*Предревкома (подпись)
Секретарь (подпись)*

Белпартархив при ЦК КП(б)Б, ф. 60, д. 76.

¹ Так в документе. Итоговая цифра значительно выше указанной.

**ОТНОШЕНИЕ БОБРУЙСКОГО ОТДЕЛА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ОТДЕЛ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
С ПРОСЬБОЙ ПОМОЧЬ ДЕТЯМ СГОРЕВШЕЙ ДЕРЕВНИ ОСОВО**

25 октября 1920 г.

При отступлении польских войск из пределов Бобруйского уезда в ночь с 9-го на 10-е июля с. г. отступающими было предано огню село Осово, все строения, которые благодаря дружной работе поджигателей одновременно запылали. Все усилия обезумевшего от горя населения спасти что-нибудь не привели ни к чему. Отступавшие победители выстрелами разгоняли немногих смельчаков, пытавшихся пробраться к своему скарбу. Свыше 10 человек заплатились жизнью на глазах своих родных и детей, были брошены живыми в огонь...

Ввиду исключительно тяжелого положения, в котором очутились жители д. Осово, а главным образом, малые дети, пережившие и перестрадавшие за время испытаний более чем кто-либо другой и лишившиеся существенно необходимого крова, пищи и одежды, отдел всемерно поддерживает прилагаемое при сем заявление Горбацевичского Волостнаробраза и убедительно просит Соцобеспечение принять немедленно энергичные меры к обеспечению теперь же детского населения деревни Осово предметами, указанными в упомянутом заявлении.

*Зам. Зав. Отд. Народ. Образования (подпись)
Члены Коллегии (5 подписей)
Секретарь (подпись)*

Белпартархив при ЦК КП(б)Б, ф. 60, д. 76.

**ОБЩАЯ СВОДКА
ПО ГОРОДУ СЛУЦКУ И СЛУЦКОМУ УЕЗДУ ЖЕРТВ,
ПОСТРАДАВШИХ ОТ БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ПОЛЬСКИХ ВОЙСК**

Август 1920 г.

Местность	Убитых людей	Раненых людей	Пог. хоз.	Сгорело построек	Угнано лошадей	Жеребят	Коров	Овец	Свиней	Телят	Упряжи	Контрибуции
Слуцкий уезд . . .	33	2	819	323	1 469	7	2 260	2 199	974	871	349	71 000
Гор. Слуцк . . .	—	—	—	106	8	—	5	—	—	—	2	—
	33	2	819	429	1 477	7	2 265	2 199	974	871	351	71 000

Примечание. Из числа построек в г. Слуцке сгорели постройки общественного характера: вокзал, коммерческое

училище, деревянное здание при гимназии, два дома б. земства, церковь, синагога, общественная баня и два моста через реку Случь.

Зав. отделом (подпись)

Белпартархив при ЦК КП(б)Б, ф. 60, д. 110.

СВОДКА,

СОСТАВЛЕННАЯ ОТДЕЛОМ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ, О ГРАБЕЖАХ И БЕСЧИНСТВАХ БЕЛОПОЛЯКОВ В СЛУЦКОМ УЕЗДЕ

21 августа 1920 г.

Представляя при сем общую сводку по 20 августа с. г. жертв контрреволюции по Слуцку и Слуцкому уезду и регистрацию по отдельным селениям, Отсобес сообщает, что польские белогвардейцы в июле сего года при отступлении, пользуясь беззащитностью мирных жителей, произвели беспощадный грабеж всех тех мест, где они проходили или куда попали: отбирали лошадей, рогатый скот, свиней, овец, продукты питания, одежду, обувь и все вещи, имеющие хотя мало-мальскую ценность, грабили с угрозой, насилием, вплоть до расстрела, сжигали целые селения и хутора, не позволяя жителям спасти свои последние крохи, взрывали мосты и, наконец, сожгли в Слуцке лучшие общественные здания: вокзал, коммерческое училище, деревянное здание при гимназии, церковь, синагогу, общественную баню и 106 строений частных владельцев на лучших улицах города Слуцка: Мостовой, Гоголевской и Юрьевской. Жители были терроризованы, ночами никто не спал, так как ходили упорные слухи, что весь Слуцк будет уничтожен, взорван, и если этого не случилось, то только потому, что вовремя вступили советские войска, и разбойники-мародеры вынуждены были бежать.

В уезде пострадали целые селения: Б. Силище, Евлихи, Нива, Збудище, Новинки, Лесопилка, Кальчицы, Беличи, Млын-ка, Кривичи. Сгорели не только постройки, но все сельскохозяйственное имущество. По подсчету одних только лошадей из уезда забрано и угнано 1 468, коров 2 260, свиней 974, не считая мелкого скота и птиц. Увезено: 871 телега, упряжи 348 комплектов, забраны продукты питания: сало, масло, яйца и проч. Убитых оказалось 33 человека и раненых 2 человека. Много семей осталось без крова, без пищи, без одежды и обуви.

Зав. отд. (подпись)

Белпартархив при ЦК КП(б)Б, ф. 60, д. 110.

ИЗ ДОКЛАДА ИНСТРУКТОРА БОБРУЙСКОГО ОТДЕЛА
СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ О РЕЗУЛЬТАТАХ ОБСЛЕДОВАНИЯ
СОЖЖЕННОЙ ПОЛЬСКИМИ ВОЙСКАМИ ДЕРЕВНИ ДРАЖНО
ЖИТИНСКОЙ ВОЛОСТИ

8 июля 1920 г.

2) Деревня Дражно находится в 25 верстах от ст. Старые Дороги. Население ее состоит из 1 800 человек приблизительно. Относительно числа семейств и количества усадеб точных данных не имеется и получить их, за отсутствием Сельского Ревкома, не пришлось. Ревком временно организован, лишь только 25 июля. По регистрации, произведенной мной лично, число дворов составляет 196. Из этого числа осталось неповрежденными после пожара 16 дворов и, кроме того, 17 гумен.

Общее число сгоревших домов	180
» » » гумен	162
» » » сараяв	178

Кроме того, уничтожена пожаром совершенно школа со всем имуществом, в ней находящимся, в том числе и личным ее школьного работника. Погорельцы разместились отчасти в уцелевших избах, наскоро сколоченных шалашах и халупах, а часть находится в особо тяжелых условиях, в лесу. Кроме того, несколько семейств нашли приют в соседней деревне Залужье.

Инструктор (подпись)

ЦАОР БССР, ф. 1367, связка 77, д. 8.

ПРОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ СОЖЖЕННОЙ БЕЛОПОЛЯКАМИ
ДЕРЕВНИ ДРАЖНО ЖИТИНСКОЙ ВОЛОСТИ, АДРЕСОВАННОЕ
В ОТДЕЛ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

П р о ш е н и е

Ввиду того, что деревня Дражно погорела хуже всех деревень, а именно, погорело 179 хат, 27 человек убито, уведено 37 лошадей с упряжью, все имущество погорело так, что горю нашему нет конца. Мы валяемся по пять семейств в одной землянке, и теснота так велика, что грозит разными болезнями.

ЦАОР БССР, ф. 1584, связка 84, д. 9.

С В Е Д Е Н И Я

о разграбленном, увезенном, уничтоженном и сожженном белополяками
имуществе в районе Песочанского ревкома

Пшеницы и муки	779 пудов
Лошадей	999 голов
Коров	403
Свиней	2 221
Овец	561
Телег и всяких к ним принадлежностей	241
Ржи	5 872 пуда
Овса	6 111 пудов
Ячменя	1 389 »
Гречихи	311 »
Картофеля	6 507 »
Сена	49 825 »
Соломы	2 815 »
Сала	326 п. 36 ф.
Масла	173 п. 2 ф.
Колбас	799 »
Сыров	720 штук
Денег	10 370 235 руб.
Кур	972
Яиц	19 514 штук
Меду	27 п. 20 ф.
Пиджаков	3 198
Шаровар	274
Нательного белья	2 474
Холста	22 956 (аршин)
Часов карманных	14 штук
Одеял	119 »
Простынь	173 »
Сапог	220 пар
Полушубков	345
Кож выделанных	1 520
Кузнечного инструмента	1
Крупы	510 пудов
Шинелей	70
Колес	188
Поясных ремней	224
Колец, серег и золотых вещей	21
Сожжено построек	379
Ушатов и ведер	150
Головных дамских платков	319
Золота и серебра в рублях	100 руб. зол. и 40 руб. сер.
Охотничьих ружей	20

Предревкома (подпись)

Зав. Отд. соц. обеспечения (подпись)

ЦАОР БССР, ф. 1259, связка 1487, д. 29.

ЗАЯВЛЕНИЕ ГРАЖДАН ДЕРЕВНИ КУЛАКИ
КИЕВИЧЕСКОЙ ВОЛОСТИ СЛУЦКОГО УЕЗДА
ОБ УБЫТКАХ, НАНЕСЕННЫХ ПОЛЬСКИМИ ВОЙСКАМИ

Июль 1920 г.

При сем прилагаем списки имущества граждан дер. Кулаки, уничтоженного, забранного, истребленного и сожженного польскими войсками 15 июля 1920 г. Отряды 40-й дивизии нагрянули на дер. Кулаки и зажгли ее во многих местах, так что все имущество и строения были уничтожены огнем дотла. Благодаря ураганному огню, препятствию со стороны солдат и напуганности населения спасти от пожара не удалось ничего. Есть и человеческие жертвы огня.

*Председатель Лешнянского Исполкома
Член Совета от дер. Кулаки (подпись)
Секретарь (подпись)*

Белпартархив при ЦК КП(б)Б, ф. 60, д. 110.

АКТ, СОСТАВЛЕННЫЙ ЧЛЕНАМИ КИЕВИЧЕСКОЙ
ВОЛОСТНОЙ КОМИССИИ ПО ОЦЕНКЕ УБЫТКОВ, ПРИЧИНЕННЫХ
БЕЛОПОЛЯКАМИ

22 марта 1922 г.

А к т

1922 года марта 22 дня, я, нижеподписавшийся, член Киевической волостной комиссии по оценке убытков, причиненных польскими властями, в присутствии понятых, граждан ближайшего к деревне Кулаки села Лешки, председельсовета и секретаря оценил убытки граждан деревни Кулаков Киевической волости отрядами польской 40-й дивизии и 12-м полком путем сожжения всей деревни и увода всего живого инвентаря в нижеследующем:

1. Сожжено пятьдесят пять домов со всеми холодными постройками стоимостью в довоенных рублях — 82 500 руб.
2. Сожжено одиннадцать гумен стоимостью в 3 300 руб.
3. Весь сельскохозяйственный инвентарь 55 домохозяев стоимостью в 27 500 руб.
4. Уведено двадцать две лошади стоимостью в 4 950 руб.
5. Уведено шестьдесят три штуки свиней стоимостью в 6 300 руб.
6. Уведено шесть поросят стоимостью в 600 руб.
7. Уведено тридцать семь овец стоимостью в 635 руб.
8. Сожжено семь тысяч четыреста тридцать пудов сена и клевера стоимостью в 3 715 руб.
9. Сгорела в огне одна лошадь стоимостью в 200 руб.
10. Сгорело в огне 3 свиньи стоимостью в 300 руб.
11. » в огне 51 штука ульев с пчелами стоимостью в 765 руб.
12. » разной одежды и утвари стоимостью в 55 000 руб.

13. Сгорело 560 пней фруктовых деревьев стоимостью в 5 700 руб.

Итого на сумму в довоенных рублях сто девяносто тысяч девятьсот двадцать пять рублей (190 925 руб.)

Член комиссии (подпись)

Поняты: Предсельсовета с. Лешки (подпись)

Секретарь (подпись)

Белпартархив при ЦК КП(б)Б, ф. 60, д. 110.

ДОКЛАД УПОЛНОМОЧЕННОГО БОБРУЙСКОЙ УЕЗДНОЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЗВЕРСТВ ПОЛЬСКИХ ВОЙСК И ВЛАСТЕЙ, ИМЕВШИХ МЕСТО В МЕСТЕЧКЕ УРЕЧЬЕ

А. Общее положение местечка до катастрофы

Местечко Уречье расположено на берегу небольшой реки Березовки, через местечко пролегает большой тракт Бобруйск — Глуск — Слуцк, и тут же проходит железная дорога Осиповичи — Слуцк. По численности населения Уречье можно отнести к разряду средних местечек Минской губ. Население — 60% христиан и 40% евреев. Христианское население в большинстве занимается хлебопашеством, а еврейское — ремеслами и мелкой торговлей. В культурном отношении Уречье стояло довольно высоко; здесь в последнее время имелись: общественная смешанная гимназия, две народных школы — русская и еврейская, две библиотеки — одна публичная, другая ученическая, вольно-пожарная дружина с роскошным собственным помещением, приспособленным для театральных зрелищ, два кооператива, почтово-телеграфная контора, железнодорожная станция, камера суда, аптеки и другие учреждения.

Б. Вид местечка в настоящее время

Вся местность вокруг местечка окутана сплошным густым дымом с горящих лесов и торфяных болот. С самого въезда в местечко с восточной стороны (от гор. Бобруйска) развертывается тяжелая картина со свежими следами разрушений и насилий. Справа, при въезде, высятся обгоревшие кирпичные дымоходы с трубами железнодорожной станции, целые груды мусора от взорванной вышки водокачки, дальше — уцелевший каким-то чудом дом Садковского с зияющими оконными дырами. Следуя далее по Глусской улице, мы видим по обе стороны следы пожаров в виде обгоревших печей, дымовых труб и целых гор мусора. Кое-где попадаются уцелевшие дома. Здесь помещалась в трех отдельных зданиях общественная гимназия, ставшая ныне жертвой огня.

Кончается, наконец, Глусская улица, и перед глазами открытое место по обе стороны реки, с торчащими кое-где дымовыми трубами и холмами мусора, с одинокими церковью и костелом, придающими окружающей местности вид кладбища. Да, это действительно кладбище. Кладбище, где покоятся остатки Базарной площади, Глусской, Слуцкой и Сороговской улиц. Картина жуткая, потрясающая. По пепелищу бродят с испуганными лицами и воспаленными глазами исхудалые, похожие на мертвецов жители, раскапывающие жалкие остатки своего сгоревшего добра или подбирающие обгоревшие гвозди и кусочки железа.

Отовсюду несутся стоны и рыдания несчастных погорельцев, оплакивающих потерю своего насиженного гнезда. Раскаленный воздух насыщен смрадом от обгоревших трупов скота.

В. Характер поджогов

По показаниям местных жителей, поджоги носили вполне организованный, систематический характер. Еще накануне пожара, 13 июля вечером, оставшиеся для ночлега офицеры и все без исключения солдаты потребовали себе для постелей соломы, на которой затем улеглись спать. Часа в два ночи по сигналу была собрана команда поджигателей, к которым вышел затем офицер и, осведомившись у солдат о достаточном запасе у них спичек, приказал им немедленно начать поджог каждого дома, причем дал солдатам разрешение брать с населения выкуп, но с тем, чтобы это не влияло на выполнение отданного приказа о сожжении местечка.

После этого солдаты разделились на группы по числу улиц и бросились выполнять отданный приказ. Каждый отдельный поджог сопровождался требованиями выкупа, уплата коего, однако, не гарантировала сохранения имущества. По Глусской улице, как редко застроенной, поджигался буквально каждый дом, причем поджигатель оставался до тех пор, пока огонь не разгорался в большое пламя. Если первый поджог не удавался, поджигали второй, а иногда третий раз. Жителей, находившихся в домах и пытавшихся тушить пожары, выстрелами загоняли в дом, где во многих случаях запирали двери снаружи, и несчастные должны были спасаться через окна. Для поджога пользовались заготовленной накануне для ночлега соломой, которую подкладывали внутри домов под комоды, сундуки, шкафы, а снаружи — под крыши.

Г. Погромы и грабежи

Если от пожара уцелело еще несколько домохозяев, то зато ужасы погромов и грабежей испытало все население. Начало погромов и грабежей положили следовавшие ночью с 10 на 11 июля по железной дороге этапы. Едва только (ровно в 12 час. ночи) подошли к станции два следовавшие один за другим поезда, как ехавшая в них толпа, называвшаяся «этапами

познанских войск», под предводительством начальников соседних станций Старые Дороги — пана Змулевича — и Верхутино — пана Милевича с диким криком бросилась на станционное здание и начала сокрушать все, что ей попадалось под руки. Рубили и ломали стены, переборки, двери, окна, полы, штукатурку, изразцовые печи, столы, стулья, шкафы, пожарный насос, пожарные бочки. Буквально изрешетив все здание, толпа разделилась на группы и бросилась грабить ближайшие дома русских железнодорожных служащих и частных лиц. Выламывались двери, ставни, окна, и через проломленные отверстия толпа врвалась в дом, где начинала не поддающийся описанию дикой разбой и грабеж. Все более ценное и портативное забиралось, а также уничтожалось на глазах помертвевших от страха и ужаса владельцев имущества и их семейств. Дикий вихрь этого налета, к счастью, захватил не более десятка домов, так как через два часа был дан сигнал к отходу поездов.

В доме Садковского громилы не оставили целым ни одного окна из двадцати двух. Затем грабежи возобновились в понедельник 12 июля и продолжались непрерывно до пожара. 14 июля число обысков у одного лица доходило до 10. Все показания свидетелей категорически подтверждают, что погромы и грабежи поощрялись командным составом. Так, в одном случае в ответ на жалобу девушки Эпштейн офицер ударил ее по лицу, а другой офицер в чине капитана на просьбу вернуть взятую лошадь ответил, что она хозяину не понадобится. Впоследствии эта семья оказалась запертой в доме снаружи, а две коровы прикреплены солдатами к стойлам за рога проволокой, где и сгорели. Семья с трудом вырвалась на двор, но ее выстрелами вновь загнали в дом и выпустили лишь тогда, когда несчастные отдали все имевшиеся у них деньги, но и этого поджигателям оказалось мало. Как только девушки вышли на улицу, солдаты погнались за ними, стреляя в них, и прекратили погоню только тогда, когда под руки им попался житель той же улицы, мельник, которого громилы бросились грабить.

Зверства и насилия

Все погромы, грабежи и поджоги сопровождались зверскими насилиями. Угрозы расстрелом с поднесением револьверов ко лбу и шее и избиения — это заурядные явления.

Не мало было надругательств над честью девушек, но выяснить эти факты не представляется возможным по вполне понятным причинам. Были случаи, когда офицеры требовали к себе девушек; за отказ отец одной девушки подвергся по приказанию офицера ограблению. Во время пожара выбегавших из домов жителей выстрелами загоняли в дом и в более упорствующих стреляли из винтовок.

Белпартархив при ЦК КП(б)Б, ф. 60, д. 110.

ПАНСКАЯ ПОЛЬША В СОЮЗЕ С БЕЛЫМИ ГЕНЕРАЛАМИ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ

ДОГОВОР БЕЛОПОЛЯКОВ С ГЕНЕРАЛОМ БРЕДОВЫМ

Д о г о в о р

1 марта 1920 г. установленный в Солодковцах между делегатами главного командования В. П.¹, уполномоченными доверительным письмом высшего командования В. П. за № 9142 ротмистром князем Станиславом Радзивиллом, доктором майором Станиславом Рупертом, поручиком Тадеушом Кобылянским и поручиком Иосифом Мошинским с одной стороны и генерал-лейтенантом Николаем Бредовым, командующим отдельной русской армией, составляющей часть армии генерала Деникина, начальником его штаба полковником генерального штаба Борисом Штейфоном, представителем казачьих войск полковником Владимиром Белогорцевым с другой стороны.

1. Армия генерала Бредова со всеми приданными ей учреждениями, находящимися впереди оперативной группы В. П. генерала Краевского, полностью принимается на территорию, занятую польскими войсками.

2. Высшее командование В. П. постарается сделать все возможное для возвращения всех солдат и офицеров частей этой армии, а также и семейств, находящихся при них, на территорию, занятую армией генерала Деникина. Для этой цели примет все меры посредничества между генералом Бредовым и правительствами дружеских государств, от которых зависит эта перевозка.

3. Вследствие большого процента инфекционных больных (сыпной тиф) в армии генерала Бредова, армия эта должна пройти карантин в санитарных пунктах, указанных главным командованием В. П.

4. Для этой цели устанавливается первый переходный пункт местечко Ярмолинцы, куда должна перейти вся армия генерала Бредова группами не более тысячи человек ежедневно; каждая из таких групп не должна иметь больше чем 300 больных.

5. Переход частей генерала Бредова до Ярмолинц производится с оружием в руках.

6. Все оружие, которым владеет армия генерала Бредова, остается ее собственностью, однако во время нахождения этой армии на территории Польского государства или в областях, занятых польскими войсками, а также при прохождении через эти территории главное командование В. П. принимает это оружие, а также все воинское имущество, обозы и лошадей на сохранение за надлежащими квитанциями (которые в будущем будут служить основанием для расчета), по особым описям в склады,

¹ В. П. — войско польское.

для этого назначенные. Взятые для сохранения оружие будет возвращено армии генерала Бредова в момент оставления ею польской территории, поскольку это оставление окажется возможным по международным условиям.

7. Все офицеры армии генерала Бредова сохраняют при себе свое оружие (холодное оружие и револьверы).

8. Во избежание осложнений в период пребывания в карантинах, а также во время перевозки армии оружие офицеров, занимающих должность ниже командиров батальонов, эскадронов (сотен или батарей), должно быть сохраняемо в особых кейсах под ответственностью и в заведывании старшего офицера данной части (полка, батальона и т. п.).

9. Холодное оружие, составляющее частную собственность казаков, входящих в состав армии генерала Бредова, должно быть также отдельно хранимо в кейсах при данной части и перевозимо одновременно с эшелонами.

10. Главное командование В. П. покупает всех лошадей, составляющих частную собственность офицеров и казаков, по ремонтной цене 3 000 (три тысячи) марок за лошадь. Как основание, устанавливается, что обер-офицеры могут иметь в пехоте и вспомогательных войсках одну верховую лошадь, штаб-офицеры — по две верховых лошади, командиры частей (не ниже полка) — одну верховую лошадь и две упряжных, генералы — две верховые и две упряжные лошади. В конных полках все офицеры имеют по две верховых лошади. Правом, указанным в п. 10, пользуются лишь те офицеры, которые исполняют офицерские обязанности, а не занимают должности рядовых. Владелец лошади представляет об этом удостоверение командира полка или части.

11. Канцелярии, архивы полков и частей, как и их знамена (штандарты), остаются на сохранении у командиров этих частей.

12. Во время отбывания армией карантина генерал Бредов сам или через своего уполномоченного будет вести дальнейшие переговоры с польскими властями и иностранными державами в целях избрания способов дальнейшего отправления его войск к армии генерала Деникина.

13. В случае, если вопрос отправления армии генерала Бредова (§ 2) не получит разрешения в течение времени нахождения в карантине, армия эта остается в дальнейшем в пунктах, указанных ей главным командованием В. П., и обязуется точно выполнять указания, получаемые от этого командования, и сохранять свою воинскую дисциплину.

Настоящий договор составлен в двух экземплярах — по-польски и по-русски, из которых один остается у высшего командования В. П., другой — у генерала Бредова или его заместителя.

Оба экземпляра считаются как оригиналы.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ПОЛЬСКИХ ВЛАСТЕЙ БРЕСТ-ЛИТОВСКОГО ОКРУГА
О ВЕРБОВКЕ СОЛДАТ ДЛЯ АРМИИ ГЕНЕРАЛА ЮДЕНИЧА

Вследствие распоряжения господина комиссара Брестского округа объявляю всем желающим поступить в ряды армии генерала Юденича, что Государственное управление по устройству пленных, беженцев и рабочих в Брест-Литовске перевезет их на казенный счет в Либаву.

Желающие ехать должны явиться в уездный Комиссариат для получения необходимых удостоверений.

В. Андрацкий
Кобринский Уездный Комиссар

ЦАОР, Особый отдел, д. 3, 1919 г.

3

БЕЛОРУССКИЕ БУРЖУАЗНЫЕ НАЦИОНАЛИСТЫ
НА СЛУЖБЕ АНТАНТЫ И ПАНСКОЙ ПОЛЬШИ

ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ СЪЕЗДА БЕЛОРУССКИХ БУРЖУАЗНЫХ
НАЦИОНАЛИСТОВ ВИЛЕНЩИНЫ И ГРОДНЕНЩИНЫ,
ПРИВЕТСТВОВАВШИХ ПИЛСУДСКОГО

16 июня 1919 г.

... 4. Съезд приветствует воззвание начальника войск польских Иосифа Пилсудского о восстановлении свободного Белорусско-Литовского государства. Съезд верит в искренность воззвания и его автора, который всегда защищал интересы демократии. Съезд верит, что слова воззвания будут осуществлены, и что польская демократия во время польской оккупации не затронет интересов белорусского крестьянства и этим самым заложит фундамент для дружественных отношений между обоими народами в будущем.

Белпартархив при ЦК КП(б)Б, ф. 60, д. 202, л. 21—22.

ИЗ ДОКЛАДА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ БНР¹ НА СОБРАНИИ БЕЛОРУССКИХ
НАЦИОНАЛИСТОВ В БЕРЛИНЕ О ФОРМИРОВАНИИ
КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ БЕЛОРУССКИХ ЧАСТЕЙ

10, 11 и 12 ноября 1919 г.

... В последнее время получено разрешение на формирование белорусских войск. Главный штаб армии будет находиться в Слониме Гродненской губернии. Содержание, снаряжение и

¹ БНР — «Белорусская народная республика». БНР была создана белорусскими буржуазными националистами, не имела территории и власти. Ее марионеточное правительство было на содержании у Антанты и Польши.

обмундирование будет давать либо Антанта, либо Польша. Это проведено специально Белорусской Комиссией, которая ведет переговоры по этому поводу с июня месяца.

Белпартархив при ЦК КП(б)Б, ф. 60, д. 202.

ИЗ ПИСЬМА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ МАРИОНЕТОЧНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
БНР МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПОЛЬШИ С ПРОСЬБОЙ
ПРИЗНАТЬ БНР

7 сентября 1920 г.

Гражданин министр!

Полтора года тому назад Начальник Польской республики фельдмаршал Язеп Пилсудский оккупировал белорусские земли Гродненщины и Виленщины и, собираясь в поход на Минщину, Витебщину и Смоленщину, объявил, что польский меч несет этим землям свободу и государственную независимость.

...С того момента прошло уже много времени. В руках польского командования находилась, значительное время, столица Белорусской народной республики и большие территории на восток от нее, обеспечивавшие спокойную организацию и строительство белорусского государства, но правительство Польши, к сожалению, до последнего времени не отважилось осуществить обещание начальника польской республики и признать независимость Белоруссии.

Считая, что современный момент наиболее подходит для того, чтобы выполнить обещание начальника польского государства, правительство Белорусской народной республики обращается через Вас, гражданин министр, к правительству государства Польского с предложением признать независимость Белорусской народной республики.

Примите, гражданин министр, уверения в большом моем к Вам уважении.

Оригинал подписал: В. Ластовский, Председатель Рады народных министров и замещающий министра иностранных дел
С оригиналом верно: Ю. Гладкий-Ластовский
Управляющий канцелярией Рады народных министров

Белпартархив при ЦК КП(б)Б, ф. 60, д. 202.

ПОЛЬСКАЯ ОККУПАЦИОННАЯ АРМИЯ —
БАНДА МАРОДЕРОВ

ИЗ СЕКРЕТНОГО ПРИКАЗА № 5 ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ
ПОЛЬСКИХ ВОЙСК, РАЗРЕШАЮЩЕГО ПОЛЬСКИМ ВОЙСКАМ ГРАБИТЬ
НАСЕЛЕНИЕ

Перевод с польского

30 ноября 1919 г.

...Главное командование ожидает, что командование фронтом сделает все, что только в его силах, для улучшения плохого состояния продовольствования, констатированного административными инспекторами. Робость здесь не к месту, солдат должен быть сыт за всякую цену. Главное командование возьмет под свое покровительство каждого, кто в хороших намерениях и в границах необходимости даже отступит от предписаний, чтобы только дать солдату то, что ему следует.

ЦАОР, Польский фонд.

ПРИКАЗ КОМАНДИРА 2-Й ДИВИЗИИ ПОЛЬСКИХ ВОЙСК
И ВЫПИСКА ИЗ РАПОРТА СТАРОСТЫ ТРОКСКОГО УЕЗДА
О ГРАБЕЖАХ И БЕСЧИНСТВАХ КОВЕНСКОГО И ЛИДСКОГО ПОЛКОВ

Перевод с польского

Гродно, 11 декабря 1919 г.

Прилагая «выписку из рапорта старосты трокского уезда», посылаю копию приказа командира дивизии по этому вопросу. «Командованию Ковенского и Лидского стрелкового полков. К сведению и безусловному и наиболее скорому проведению расследования с повторным приказом постоянного поучения офицеров и солдат, ибо, ежели это так пойдет далее, плебисцит для нас будет очень неблагоприятен. Нужно иметь в виду, чтобы население до крайности не доводить. Мы поступаем хуже, чем татары несколько столетий тому назад, когда нападали на Польшу».

С подлинным верно: *Борушак. Полковник и командир*
«Эти полки (Ковенский, Лидский 28 и 29 полки) прибыли прямо с фронта, слабо дисциплинированы и начали производить в отношении к населению насилия и злоупотребления. Прежде всего началось с непрерывной реквизиции подвод. Хотя эти полки имеют многочисленные обозы и порядочное количество лошадей, однако их не употребляют, а пользуются крестьянскими подводами, говоря, что, не получая овса для лошадей, должны их беречь, чтобы сохранить в хорошем состоянии на случай наступления. Дошло до того, что некоторые полки употребляли до 100 подвод в день, реквизируя насильно встречаемые подводы, если волости таковых не представляли. Одновременно началась реквизиция овса и сена, без расписок и платежа, а также копка в поле картошки и овощей; всякие обра-

шения к военным властям были безрезультатны. Одновременно в местах, находящихся вблизи демаркационной линии, все военные отряды начали создавать затруднения для свободной торговли, устанавливая цены и выдавая пропуска. На вмешательство начальников районов они не обращают внимания, и офицеры прямо заявляют, что им нужны деньги на одежду для солдат, которой интендантство их не снабжает. Особенно много жалоб поступило на Ковенский полк. Командования полков формально обещали поддержку, требуя указания виновных, что в большинстве случаев бывает невозможно.

Кроме того, все чаще имеются случаи самоуправства и насилий, например побоев, обрезания бороды евреям, увеличивается количество нападений на гражданское население и грабежей по дорогам, производимых лицами в солдатских мундирах. Так, например, несколько дней тому назад в окрестностях Ландварова был убит еврей людьми в солдатских мундирах. Подобные поступки солдат вызывают ужасное озлобление среди местного населения, которое, доведенное до отчаяния происходящими злоупотреблениями, начинает давать отпор, как это было в одной деревне, где бабы обливали кипятком отряд солдат, которые хотели произвести реквизицию подвод, так что солдаты должны были употребить оружие. Одновременно вследствие недостатка одежды, обуви и плохой экипировки в войске начинает распространяться большевизм, тем более, что в нем есть порядочно коммунистов, которые прежде служили в Красной Армии, теперь же, в целях агитации, вступили в Польскую армию.

Выписка верна:

(Подпись)

ЦАОР, Польский фонд.

ПРИКАЗЫ НАЧАЛЬНИКА 5-ГО РАЙОНА БОБРУЙСКОЙ УЕЗДНОЙ ПОЛИЦИИ ВОЛОСТНОМУ СТАРШИНЕ ГОРКОВСКОЙ ВОЛОСТИ
О РЕКВИЗИЦИИ СКОТА, ПРОДОВОЛЬСТВИЯ, ФУРАЖА И ОВЧИН
18 ноября 1919 г.

П р и к а з

Приказываю в течение 4 дней от сегодняшнего числа реквизировать и доставить в районное управление 85 кожухов и 75 овчин...

Если волость не доставит в назначенный срок нужного количества кожухов и овчин, последние будут реквизированы в принудительном порядке полицейскими в нужном количестве.

И. Чернецкий
и. о. начальника 5-го района

ЦАОР БССР, ф. 1655, д. 13, л. 51.

15 декабря 1919 г.

П р и к а з

Поручаю немедленно собрать и выдать для отряда штаба 10-го полка уланов пятьсот пудов (500 пудов) овса, частью взамен овса можно выдать ячмень.

Добровольский

За начальника 5-го района

148 п. овса выдано 13/І-1920 г.

Волостн. старшина Довнар

По этому поручению выдано 352 пудов овса

Волостн. старшина Довнар

ЦАОР БССР, ф. 1655, д. 7, л. 51.

5 января 1920 г.

П р и к а з

Приказываю в течение 5 дней от числа получения сего приказа реквизировать и доставить в районное управление 30 голов скота. Каждая голова скота должна иметь живого веса не меньше 8 пудов.

И. Чернецкий

и. о. начальника 5-го района

ЦАОР, ф. 1655, д. 7, л. 10.

8 января 1920 г.

П р и к а з

Поручаю немедленно выделить 80 голов коров для 1-й стрелковой дивизии В. П.

И. Чернецкий

и. о. начальника 5-го района

ЦАОР БССР, ф. 1655, д. 7, л. 11.

11 января 1920 г.

П р и к а з

Приказываю с сегодняшнего дня ежедневно высылать на дежурство в 5-й район двадцать подвод. На дежурство подводы должны прибывать в район не позже 8 часов утра.

Старосты, виновные в невыполнении вышеуказанного приказа, будут арестованы и посажены под арест при волости.

Такую же ответственность и вы несете перед районным управлением.

Ждан

Добровольский

ЦАОР БССР, ф. 1655, д. 12, л. 10.

15 января 1920 г.

П р и к а з

Настоящим поручаю вам в двухдневный срок от сегодняшнего числа реквизировать и доставить в районное управление 30 одноконных саней, нужных для обоза 2-й кавалерийской бригады колонна № 430 в Старых Дорогах. Сани должны быть в хорошем состоянии, с оглоблями. Весной сани будут возвращены их владельцам. За исполнение в назначенный срок вышеуказанного вы ответственны.

И. о. начальника 5-го района

ЦАОР БССР, ф. 1655, д. 7, л. 47.

20 февраля 1920 г.

П р и к а з

Согласно распоряжения господина старосты и военных властей должна быть проведена реквизиция скота посланным с этой целью господином Сергеем Родзевич в количестве 94 штук, которые должны иметь живого веса не меньше 12 пудов.

Вышеуказанное количество скота должно быть забрано из деревень, застенков волости (на имения назначает господин староста) и доставлено владельцам в Старые Дороги в день, обозначенный начальником района.

*Исполн. обязанности аграрного референта (подпись)
Секретарь (подпись)*

ЦАОР БССР, ф. 1655, д. 7, л. 59.

5 марта 1920 г.

П р и к а з

На основании телефонограммы за № 213 господина аграрного референта Бобруйского уезда поручаю немедленно приступить к реквизиции рогатого скота в количестве ста пятнадцати (115) штук, живого веса каждая штука должна быть не меньше восьми (8) пудов. Реквизированный скот должен быть доставлен в местечко Старые Дороги, 8, 9 и 10 марта т. г.

За неисполнение вышеуказанного к сроку вы ответственны.

*Начальник 5-го района (подпись неразборчива)
Секретарь*

ЦАОР БССР, ф. 1655, д. 7, л. 64.

3 апреля 1920 г.

П р и к а з

По поручению господина старосты от 31 марта за № 436 извещаю, что в Горковской волости должны быть реквизированы 110 штук скота, живого веса не меньше 6 пудов.

Поручаю распорядиться, чтобы означенное количество скота было доставлено к 12 часам дня и чтобы на каждую голову скота каждый владелец взял по два пуда сена (слово вырвано). Означенная реквизиция должна быть срочно выполнена.

*И. Чернецкий
и. о. начальника 5-го района*

ЦАОР БССР, ф. 1655, д. 7, л. 70.

РАСПРАВА БЕЛОПОЛЯКОВ С БОЛЬШЕВИКАМИ И КРАСНЫМИ ПАРТИЗАНАМИ БЕЛОРУССИИ

ОБЪЯВЛЕНИЕ КОМАНДИРА ОКРУЖНОГО ЭТАПА О ПРИГОВОРЕ
ПОЛЕВОГО СУДА ПО ДЕЛУ СЛУЦКИХ БОЛЬШЕВИКОВ, КРАСНЫХ
ПАРТИЗАН И ПОЛЬСКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОЛДАТ

Солдаты: Ярмолицки Петр, Емильянчик Михаил, Камински
Александр.

И цывильные: Симонович Антон, Быченко Михаил, Тишке-
вич Максим, Грачук Еухим, Тишкевич Миколай,
Красуцки Степан, Тишкевич Михаил, Солодуха Петр,
Степанович Петр, Реутович Михаил, Бенько Никифор.

Постановлением полевого суда Камандзира Окружного Этапа
Минска Литовского дня 24 красавика 1920 года за ЗДРАДУ И
ЗМОВУ ПРОТИВ ВОЙСКА ПОЛЬСКОГО ПРИГАВОРЕНЫ НА
КАРУ СМЕРТНУЮ ЧЕРЕЗ РАЗСТРЕЛ.

И геты приговор через две гадины после абвестки 25 гетаго
же красавика о 10 гадзине рано у Слуцку быу вышолнен.

Шемет

Палкоуник и Командер Окружного Этапа

Музей революции БССР.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О КАЗНИ БОБРУЙСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ

28 апреля 1920 г.

Приговором суда военного времени в Бобруйске, состояв-
шемся 28 апреля 1920 г., приговорены:

1. Фишель Лейзерович Камиянский по кличке Фальк, род.
в Кнышине, Белостокского уезда в 1887 г., иудейского вероиспо-
ведания, холост, по профессии зубоврачебный техник.

2. Петр Павлович Федоров, по кличке Днепровский и Пет-
ров, род. в 1893 г. в Пинске, православного вероисповедания,
женат, бывш. ж.-д. машинист.

3. Мария Боброва, род. в Локшах, Витебск. губ., в 1889 г.,
вероисповедания православного, девица, без определенного место-
жительства, —

за то, что в Бобруйске основали тайный коммунистический
комитет и организсвали в деревне партизанские отряды, с целью
вызова вооруженного движения, каковые деяния составляют тя-
желое преступление измены ст. 3 устава о судах военного вре-
мени, утвержденного 7 февраля 1920 г. —

ж смертной казни, через расстреляние.

Приговор исполнен спустя 2 часа после его объявления, в
19 час. 57 мин.

Бразулевич

Капитан и комендант этапной станции

Могилевский исторический архив, дело по архивной описи № 183.

ВЫПИСКА ИЗ ОБЪЯВЛЕНИЯ О КАЗНИ КОМСОМОЛЬЦА
ПИНИ ЗОЛОТИНА

Бобруйск, 7 мая 1920 г.

Приговором суда военного времени в г. Бобруйске присужден — Довид Пиня (два имени) ЗОЛОТИН, сын Меера и Голды, родившийся в гор. Бобруйске в 1898 г., иудейского вероисповедания, женат, по профессии столяр, за то, что в последние месяцах принадлежал в г. Бобруйске к тайному Коммунистическому Комитету, поставившему целью своей деятельности провести вооруженное восстание среди населения Бобруйского уезда, а также распространение среди того же населения прокламаций, коммунистической литературы, враждебного настроения польскому государству, чем учинил тяжкое преступление, предусмотренное ст. 3 устава о судах военного времени от 5 февраля 1919 г., приговорен к смертной казни через расстрел. Приговор приведен в исполнение 7 мая 1920 г. в 4 часа утра в г. Бобруйске.

Бразулевич
Капитан и комендант этапной станции

ОБЪЯВЛЕНИЕ ПОЛЬСКИХ ВОЕННЫХ ВЛАСТЕЙ
О РАСПРАВЕ С КРЕСТЬЯНАМИ
ЗА СОДЕЙСТВИЕ КРАСНЫМ ПАРТИЗАНАМ

Партизанские банды, появившиеся на польской территории, пользуются содействием крестьян некоторых деревень, расположенных в прифронтной полосе, на основании чего объявляю, что каждый человек или общество, которые будут замечены в содействии партизанским бандам, как-то: добровольно давать подводы, продукты и т. д., будут подвергаться контрибуции или конфискации всего имущества. Всякий, заметивший партизана и не сообщивший своевременно на ближайший пост, а также попавшийся с партизанами, будет расстреливаться на месте.

Приказываю всем старостам немедленно сообщить деревням и обществам о вышеизложенном объявлении.

А. Розен
начальник дивизии

ЦАОР, Польский фонд.

ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО ПОДЛЯСКОЙ ПОЛЬСКОЙ АРМИИ
О БОРЬБЕ С КРАСНЫМИ ПАРТИЗАНАМИ И НАСЕЛЕНИЕМ
БЕЛОРУССКИХ ДЕРЕВЕНЬ, ПОДДЕРЖИВАВШИХ КРАСНЫХ ПАРТИЗАН
Пинск, 10 мая 1919 г.

В дополнение приказов Командования Подляской армией от 9 апреля с. г. касательно полевых судов за нарушение общественного порядка, а равно и преступлений во вред армии доводится до сведения населения, что:

1. Злоумышленники, пойманные при подрезывании или порче телеграфных и телефонных столбов, проводов, а равно виновные в повреждении каких-либо линий сообщения подвергаются расстрелу на месте преступления, а их имущество — конфискации.

2. В случае, если виновники преступления не будут обнаружены, ответственности подлежат:

В городе — домовладелец, перед домом которого повреждена линия или столб.

В поле и вдоль железной дороги — жители деревень, находящиеся по соседству к месту преступления, причем мужская часть населения деревни в возрасте от 18 до 50 лет будет выстроена в одну шеренгу и каждый пятый будет предан полевому суду. Имущество казненных конфискуется, сверх того деревня уплатит денежный штраф.

Настоящий приказ имеет законную силу с момента его опубликования и должен быть расклеен во всех видных местах: на базарных площадях и улицах, в городах и местечках, селениях и деревнях, в волостных управлениях, на ярмарках и т. д.

*С подлинным верно: Начальник штаба ротмистр Гробицкий
Вр. командующий Подляской армии полковник Стржеминский
ЦАОР, Особый отдел, д. 3, 1919 г.*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА БРЕСТСКОГО ОКРУГА
О РАСПРАВЕ С ЖИТЕЛЯМИ ДЕРЕВЕНЬ И ПОСЕЛКОВ
В СЛУЧАЕ ПОРЧИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ИМУЩЕСТВА,
ТЕЛЕГРАФНЫХ И ТЕЛЕФОННЫХ ПРОВОДОВ

Перевод с польского

10 июня 1920 г.

На основании приказа Главного командования от 28 мая с. г., а также распоряжения Генерального комиссара от 30 мая с. г. приказываю следующее:

Охрана имущества, путей и железнодорожных объектов, а также телеграфных и телефонных проводов возлагается на жителей окрестных деревень и поселений, которые целиком отвечают за целостность и безопасность движения поездов и железнодорожных устройств.

Те, кто не исполняет относящихся к этому распоряжений местных административных властей, подвергнутся наказанию штрафом до 3000 марок или аресту до 6 недель каждый.

Налагать наказания, производимые путем административного взыскания, уполномачиваю уездных гг. старост.

Сверх того объявляю всему населению, что в случае какого бы то ни было покушения, направленного против интересов армий и железной дороги, виновные будут наказаны со всей строгостью, по предписаниям военного времени; в случае нераскрытия виновных ответственность целиком падает на деревни и поселения, расположенные ближе всех к месту покушения, причем к

жителям этих поселений будет применяться обложение денежной контрибуцией, а против представителей подлежащих властей самоуправления будет вестись соответствующее расследование.

Сие обязательное постановление входит в жизнь со дня объявления его населению.

Иосиф Баньковский

и. о. начальника Брестского округа

О. Малиновский

инспектор администрации Брестского округа

ЦАОР, Польский фонд.

6

ПРОНИКНОВЕНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ВЛИЯНИЯ В ПОЛЬСКУЮ АРМИЮ И БОРЬБА БЕЛОПОЛЯКОВ С КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АГИТАЦИЕЙ

ИЗ ОФИЦЕРСКОГО ПРИКАЗА № 5 КОМАНДОВАНИЯ
ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

Перевод с польского

Вильно, 16 июля 1919 г.

Среди солдат раздаются в большом количестве коммунистические брошюры, между прочим воззвания коммунистической рабочей партии Польши к солдатам-полякам.

Приказываю всем командирам и начальникам беспощадно уничтожать и вылавливать этого рода литературу.

Предпринять самые энергичные меры, чтобы сделать невозможным проникновение брошюр подобного содержания в руки наших солдат.

Внушить солдатам как обязанность гражданина, чтобы в случае получения или нахождения этого рода воззваний доносили об этом секретно своим командирам.

Рыдз-Смиглы

Ген.-подпоруч. и командир

ЦАОР, Польский фонд.

ИЗ ОФИЦЕРСКОГО ПРИКАЗА № 8 КОМАНДОВАНИЯ
ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

Перевод с польского

Вильно, 5 августа 1919 г.

Коммунистическая партия, поддерживаемая враждебными нам факторами, прилагает все усилия, чтобы дезорганизовать польскую армию и привести ее в состояние неспособности к борьбе.

Противодействие этим действиям необходимо и должно осуществляться энергично двумя путями:

Во-первых: офицеры, а особенно офицеры инспекции должны обращать бдительное внимание на гражданских лиц, посещающих казармы, следует надзирать за солдатами, а в случае серьезного подозрения в агитации изолировать. Всякие агитационные издания и газеты следует конфисковать.

Во-вторых: напоминаю офицерам, что их обязанностью является использовать всякий случай к преодолению вредной агитации.

Командиры назначают в скорейший срок офицерские собрания, на которых должны быть детально обсуждены вопросы борьбы с разлагающей агитацией в армии. После офицерских собраний командиры рот (эскадронов, батарей) назначат собрания подофицеров, на которых разъяснят в духе офицерских собраний задачи подофицеров в борьбе с коммунистической агитацией.

Рыдз-Смиглы
ген.-подпоруч. и командир

ЦАОР, Польский фонд.

ИЗ ОФИЦЕРСКОГО ПРИКАЗА № 12 КОМАНДОВАНИЯ
ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

Перевод с польского

Вильно, 30 сентября 1919 г.

Подтверждается, что большевики усиливают все больше и больше свою пропаганду среди наших солдат.

Во многих подчиненных частях контакт офицеров с солдатами слишком слаб.

Приказываю, чтобы специально в этой тяжелой для нашего солдата осенней и зимней кампании офицеры ближе вникали в жизнь своих подчиненных, чувствовали непосредственно все заботы и неудобства солдата, смягчали его огорчения, объясняли причины недостатков, наконец, со всей преданностью влияли на идейное и нравственное состояние своих частей. Недосмотр в этом смысле будет наказываться наряду с другими служебными проступками. Офицер должен стать старшим товарищем и духовным руководителем солдат.

ЦАОР, Польский фонд.

БОРЬБА БЕЛОРУССКОГО НАРОДА ПРОТИВ БЕЛОПОЛЯКОВ

РЕЧЬ М. И. КАЛИНИНА НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ
ЦИК ЛИТВЫ И БЕЛОРУССИИ, МИНСКОГО СОВЕТА
И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

20 июня 1919 г.

Товарищи, участники объединенного собрания высших правительственных учреждений и ответственные представители органов Литвы и Белоруссии, позвольте мне приветствовать в вашем лице литовско-белорусский народ, позвольте в лице Минского совета приветствовать местный революционный пролетариат и Красную Армию города Минска!

Товарищи! Принципы коммунизма в своих основах говорят, что каждая национальность, имеющая отличительные черты в экономическом или других отношениях, имеет право не только самоопределиться, но даже и отделиться, может представить собой совершенно суверенное государство. Как только российская коммунистическая партия стала у власти, она эти принципы провела в жизнь: на одном из своих съездов она дала право малым народностям на отделение. Но если мы принимаем это принципиальное предположение, то это вовсе не значит, чтобы всегда было выгодно делиться.

В такие периоды, когда вопрос о победе каждый день стоит на чашке весов, когда перед нами стоит вопрос, кто победит: буржуазия или трудящиеся массы, в такие ответственные моменты, разумеется, объединение, полное слияние всех советских республик, всех угнетенных классов имеет огромное значение. Поэтому вполне естественно, если в вашем ЦИК возник вопрос о слиянии, и если этот вопрос нашел самый живой отклик в Советской России. Ваше предложение имеет огромное значение в истории социальной революции. Российская советская республика идет навстречу вашему предложению. Этот вопрос рассматривался в ЦИК, и он разрешен в положительном смысле.

Окружение Литвы и Белоруссии врагами опасно для Советской России, опасно и для советской Венгрии. Теперь весь мир разделился на два лагеря: революционный и контрреволюционный. Поэтому то объединение, которое здесь фиксируется, необходимо по существу. Мы сознаем, что победа империалистов на вашем фронте есть наше поражение. И вот поэтому Российская советская республика послала вам военную помощь. Я не сомневаюсь, что во все тяжелые моменты на западном фронте Россия будет вас защищать.

Мы вступаем в полосу действительного объединения. Эта основа спаяет нас тесными узами. Этот союз даст нам возмож-

ность победить наших врагов и укрепить власть обеих социалистических советских республик. (Шумные овации.)

«Звезда» № 468 от 22 июня 1919 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРИНЯТАЯ НА ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ ЗАСЕДАНИИ
СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ, ЦЕНТРАЛЬНОГО
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ЛИТВЫ И БЕЛОРУССИИ И МИНСКОГО
СОВЕТА РАБОЧИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ
С УЧАСТИЕМ СОВЕТА И ПРАВЛЕНИЙ ПРОФСОЮЗОВ
И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ ГОРОДА МИНСКА

20 мая 1919 г.

Международная союзническая контрреволюция, потерпевшая поражение на юге России, напрягает все силы, чтобы нанести решительный удар советской власти на западе. Польская контрреволюция — это лишь орудие в руках союзного капитала. Такое положение делает наш западный фронт международным, на котором разрешится борьба между буржуазией и пролетариатом.

Трудящимся массам Литвы и Белоруссии превосходно известно, что польские легионеры несут не свободу и братство, не улучшение народного хозяйства, а окончательную хозяйственную разруху, голод для рабочих при сытости буржуазии; трудящиеся массы Белоруссии и Литвы знают, что польские легионы несут не братство, а национальную рознь, еврейские погромы и издевательство над всеми трудящимися.

При такой обстановке задача трудящихся масс Белоруссии и Литвы сводится прежде всего к мобилизации всех сил для фронта.

Советская социалистическая республика Литвы и Белоруссии должна отдать фронту всю свою живую силу, лучших своих борцов.

Советская социалистическая республика Литвы и Белоруссии должна мобилизовать все, что необходимо для фронта.

Весь рабочий класс должен быть поставлен под ружье, все трудящееся крестьянство должно быть мобилизовано для обороны страны.

Рабочий класс Литвы и Белоруссии заявляет, что он не сдаст без боя свою красную столицу, что он напряжет все усилия для ее обороны.

1. Каждый рабочий отныне является солдатом революции.

2. Каждый, кто не желает нести оружие, является врагом народа и должен служить ему на тяжелых тыловых работах.

3. Все припасы продовольствия, все припасы одежды и обуви должны быть отданы армии.

Рабочий класс требует от всех и каждого напряжения всех сил, полного спокойствия, рабочий класс уверен, что его усилия приведут к победе.

Собрание шлет свой горячий пролетарский привет стойким

борцам Красной Армии, мужественно отражающим все подлые попытки польской белой гвардии захватить наш красный Минск.

Собрание твердо верит, что армия на фронте грудью отстоит завоевания революции в Белоруссии и Литве и на каждый удар ответит ударом и на железо — сталью.

Долой польскую и международную контрреволюцию!

Да здравствует Советская Польша!

Да здравствует близкое торжество мировой революции!

«Звезда» № 443 от 22 мая 1919 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПРАВЛЕНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ О СОЗДАНИИ РАБОЧЕГО ПОЛКА

Конференция профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов, обсудив вопрос о положении Минска, постановляет создать особый рабочий полк для защиты города в грозный момент. Этот полк, не отрываясь от своих станков, должен ежедневно самым строгим и дисциплинированным образом обучаться военному делу.

Все союзы должны не позже чем в течение ближайших двух дней представить списки не менее чем двадцати товарищей каждый — самых активных и боеспособных.

«Звезда» № 448 от 28 мая 1919 г.

ПИСЬМО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЛИТВЫ И БЕЛОРУССИИ УЕЗДНЫМ ПАРТИЙНЫМ КОМИТЕТАМ О НАБОРЕ ПО ВОЛОСТЯМ ДОБРОВОЛЬЦЕВ В КРАСНУЮ АРМИЮ 22 мая 1919 г.

Совет Обороны Литвы и Белоруссии на заседании от 2 мая 1919 г. постановил привлечь среднее и беднейшее крестьянство к защите нашей республики против белогвардейских помещичьих польских банд и к активной борьбе с контрреволюцией.

Согласно этого постановления каждая волость должна выделить не менее 20 стойких, мужественных и искренно преданных советской власти крестьян (желательно бывших солдат), долженствующих быть прочным связующим ядром в той красноармейской части, куда они будут направлены.

Центральный комитет коммунистической партии Литвы и Белоруссии придает огромное значение быстроте и успешности проведения этого постановления.

Предлагается всем уездкомпартам немедленно инструктировать все волостные ячейки, волостные советы, волвоенкомы и уездвоенкомы по немедленному проведению этого постановления на следующих основаниях:

1. В тот день, который будет предназначен для набора, всех уездпартийных работников распределить по всем волостям, про-

вести митинги, на которых разъяснять смысл этого постановления и вообще наше отношение к среднему крестьянству.

2. Стремиться к тому, чтобы набор был произведен добровольно, что всегда возможно при тактически правильном подходе со стороны тех партийных работников, которые будут проводить это постановление.

3. Набор производить в контакте с местными исполкомами и партийными ячейками.

4. Всех выделенных для набора товарищей направлять немедленно через волвоенкомы в уездвоенкомы.

5. Каждая волость должна выделить не менее 20 крестьян, причем следует стремиться к тому, чтобы последние были старыми строевыми солдатами.

6. Уездпарткомы обязаны следить за тем, чтобы прибывающих в волости уездвоенком немедленно учитывал, расквартировал, обмундировал и довольствовал, для чего следует в учетный отдел ввести своего представителя.

7. Уездвоенкомы обязаны заранее обзавестись всем необходимым для успешной и своевременной мобилизации, каковое незамедлительно испросить у губвоенкома.

8. Всем уездпарткомам через каждые три дня сообщать о ходе мобилизации организационному бюро ЦК Л и Б.

Примечание. Товарищам, проводящим набор по волостям, следует обращать внимание мобилизованных на желательность собственной обмундировки, за какую уездвоенком уплачивает определенную сумму. Подобная мера, успешно проведенная, даст возможность быстрее влить мобилизованных во фронтовые части, а также нашим военным органам сэкономить весьма скудные и недостаточные запасы обмундирования.

*Центральный комитет коммунистической
партии Литвы и Белоруссии*

Белпартархив при ЦК КП(б)Б, ф. 4, д. 123, л. 125.

РЕЗОЛЮЦИЯ,

ПРИНЯТАЯ НА ЗАСЕДАНИИ ЦИК ССР Л и Б

СОВМЕСТНО С МИНСКИМ СОВЕТОМ, ЦЕНТРАЛЬНЫМ СОВЕТОМ
ПРОФСОЮЗОВ И ПРАВЛЕНИЯМИ ПРОФСОЮЗОВ

17 июля 1919 г.

Наступает последний и решительный бой. Мировая контрреволюция стремится нанести сокрушительный удар советским республикам.

В этот тяжелый момент все силы всех пролетарских республик должны быть приведены в боевую готовность для дачи отпора надвигающейся мировой контрреволюции.

Единство воли и действий должно объединить всех нас от венгерских равнин до уральских хребтов, от Ледовитого океана до Черного моря.

Все лучшие силы, весь пролетариат, все советские республики должны объединиться вокруг своей старшей сестры — Советской России в борьбе против мировой контрреволюции. Все свои силы мы должны напрячь для борьбы с объединенной мировой контрреволюцией. К этому должны быть приспособлены все наши органы. Деятельность гражданских органов должна быть сведена к минимуму, к исключительной работе по организации и укреплению тыла. Все лучшие силы должны быть предоставлены борющейся Красной Армии и ее органам, в руках которых должно быть сосредоточено все дело обороны, поэтому параллельные органы должны быть уничтожены, другие сокращены до возможных пределов или даже временно совершенно должны прекратить свое существование.

Принимая это во внимание, объединенное заседание ЦИК ССР Литвы и Белоруссии, совместно с Минским советом рабочих и крестьянских депутатов, центральным правлением профессиональных союзов и всеми правлениями профессиональных союзов постановляет:

1) Ликвидировать Совет обороны ССР Л и Б и передать в руки органов доблестной Красной Армии все дело защиты республики и изгнания лакеев союзного капитала, польских и литовских белогвардейских банд из пределов нашей республики.

2) Поручить Совнаркому и всем другим советским органам выделить всех товарищей, которые не являются необходимыми работниками в тылу, и направить их в ряды борющейся Красной Армии и ее органы, усилить работу военную, продовольственную, работу социального обеспечения и работу по борьбе с контрреволюцией.

3) Для руководства соответствующими гражданскими органами создать временный губревком, обнимающий всю оставшуюся часть ССР Л и Б и приспособить его деятельность к нуждам красного фронта и к борьбе со скрытой и открытой контрреволюцией.

Объединенное заседание выражает непоколебимую уверенность в том, что все эти шаги, направленные для укрепления фронта, явятся фундаментом полного торжества пролетариата тесно связанных между собой советских республик над общим нашим врагом — мировым империализмом.

«Звезда» № 493 от 20 июля 1919 г.

ВОЗЗВАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ ЛИТВЫ И БЕЛОРУССИИ К РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

С л у ш а й !

Уже более 10 месяцев, как на шею рабочих и крестьян Белоруссии сели польские паны.

Уже более 10 месяцев, как эти кровожадные пауки сосут кровь рабочих и крестьян. Они принесли с собою все ужасы

царских охранок, корпус жандармов, шпионов, сыщиков, которые зорко следят за тем, чтобы рабочие и крестьяне вели себя «спокойно», чтобы они не смели протестовать.

Рабоче-крестьянская молодежь!

Их лагеря и тюрьмы переполнены арестованными. Они бьют, мучают, убивают, расстреливают, вешают твоих отцов и братьев.

За что?

За одно то, что они работают. За то, что они крестьяне, не хотят нести на себе панское ярмо, за то, что они осмеливаются бороться с ними и хотят жить и строить жизнь по-своему.

Трудящаяся молодежь!

Ты так же, как и твои отцы и братья, преследуемые...

Над тобою глумятся, издеваются, тебе все запрещено...

Тебя также садят в тюрьмы, убивают, расстреливают...

Выход из этого один: нужно самим взять власть в свои руки, провозгласить у себя советскую рабоче-крестьянскую власть и самим строить свою жизнь.

Польские бандиты предприняли теперь новый поход на Советскую Россию. Они хотят надеть на русских рабочих и крестьян такое же ярмо, какое они раньше надели на рабочих и крестьян Белоруссии.

Но трудящиеся России не хотят иметь над собою их ига, и паны будут проучены.

И в то время, когда Красная Армия будет биться с польскими бандами на фронте, ты, рабоче-крестьянская молодежь, должна ей помочь.

Знай, что чем скорее, чем больше ты будешь помогать Красной Армии, тем скорее ты освободишься от ненавистного тебе ига панов.

Ты должна действовать рука об руку со старшими рабочими и крестьянами.

Рабочая молодежь! Твоя задача — разрушить тыл белогвардейцев. Ты должна мешать продвижению поездов, портить мосты, дороги, рвать телеграфные провода, вести агитацию среди польских легионеров, распространять коммунистическую литературу.

Крестьянская молодежь! Твой путь — в красные партизанские отряды, которых уже много в Белоруссии.

Геройскими налетами мы должны сеять панику в рядах белых.

Пусть под крепкими ударами Красной Армии на фронте, рабочих и крестьян вместе с трудящейся молодежью в тылу падет ненавистное иго панов и засияет новое солнце — солнце для трудящихся!

Пусть загремит по всей Белоруссии:

Довольно терпеть!

Долой панов, помещиков и фабрикантов!

Долой гнет и насилие!

Да здравствует освобождение рабочих и крестьян Белоруссии!

Да здравствует Советская Белоруссия!

*Коммунистический союз молодежи Литвы и
Белоруссии*

«Красная Смена» № 12 (26), 7 мая 1922 г.

ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ КРАСНЫХ ПАРТИЗАН БЕЛОРУССИИ

1. Бей помещиков и жандармов, беспощадно расправляйся с польской шляхтой и офицерами, ибо они мучают и грабят белорусский трудовой народ — рабочих и крестьян, высасывая из него последние соки.

2. Уничтожай, обезоруживай и с презрением гони от себя польскую армию, на штыках которой держатся ясновельможный пан Пилсудский и его придворная свора.

3. Разрушая в тылу поляков железные дороги, подкладывая под полотно взрывчатые вещества, разбирай рельсы, сжигай шпалы, а где можно, прячь в лесах, зарывай в землю, — только тогда польские громилы не смогут перебрасывать так быстро свои войска и жандармерию для подавления и расправы с партизанщиной, только тогда они не смогут при своем отступлении увезти в Польшу из Белоруссии белорусское богатство, принадлежащее трудовому народу.

4. Режь телефонные и телеграфные провода, подпиливай телеграфные столбы, ибо тем самым мы помешаем польским ворами быстро сговариваться между собой и строить планы расправ с нами.

5. Взрывай мосты через реки, через дороги, сжигай их, подпиливай шпалы, чтобы польские жандармы не носились быстро с своими пушками из деревни в деревню грабить и резать нас.

6. Поджигай военные склады с снарядами, пушками, а также продовольствием. Когда мы это сделаем, польскому пану нечем будет стрелять по беззащитным избам белорусского крестьянина и рабочего, а также кормить своих опричников — жандармов.

7. Перехватывай польских всадников, отнимай у них пакеты, донесения — там пишут о наступлениях, о грабежах; делай налеты на караулы, посты так, чтобы это было неожиданно, из-за кустов, нападай на отступающие обозы поляков, отнимай у них лошадей, повозки, упряжь, все, что попадется, и прячь подальше, все это пригодится.

8. Беспощадно расправляйся с пиявками-панами, не щадя своих вековых мучителей-кровопийцев. Своей поганой кровью да ответят они за веками пролитую батрацкую кровь. Помогай бедняку-крестьянину и рабочему поскорей освободиться от поганого польского шляхтича; не обижай своего брата, такого же труженика, как и ты!

9. Спеша на помощь приближающейся Красной Армии, протяни ей братскую руку и вместе с нею начисто вымети белорусскую землю от польского мусора — панов и помещиков.

10. Зови в свои партизанские отряды других товарищей; держи тесную, неразрывную связь с близкими партизанами для того, чтобы в нужный момент дружно обрушиться на панскую голову. Чем нас будет больше, тем скорее справимся с польскими висельниками, скорее закончим войну, восстановим у себя советскую власть и перейдем к мирному труду.

Долой палачей! Смелее, без страха, вперед!

Береги свою красную газету! Прочти и передай товарищу!
«Белорусская правда» № 3 от 7 июня 1920 г.

ПРИВЕТСТВИЕ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА
БССР ВСЕРОССИЙСКОМУ ЦЕНТРАЛЬНОМУ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ
КОМИТЕТУ И СОВЕТУ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ РСФСР
В ДЕНЬ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛОРУССИИ

31 июля 1920 г.

Заседание Военно-революционного комитета ССР Белоруссии совместно с рабоче-крестьянскими партиями и рабочими организациями Республики приветствует в день объявления независимости нашей Советской Республики авангард Всемирной Пролетарской Революции РСФСР в лице ее центральных органов — Совета Народных Комиссаров и Президиума ВЦИК. Единый фронт всемирной Социалистической Революции и единство интересов трудовых масс народов Белоруссии и России заставляют наши сердца биться с особым воодушевлением по поводу той тесной связи, которая устанавливается и установится еще прочнее между нашей молодой Республикой и нашим старшим братом, руководителем в борьбе и строительстве — РСФСР.

Белпартархив при ЦК КП(б)Б, ф. 4, д. 223, л. 17.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	Стр. 5
-----------------------	-----------

I. ПОД ПАНСКИМ ГНЕТОМ ПРИШЛИ ИНТЕРВЕНТЫ

<i>Е. Гусев и И. Голяшевич.</i> Белополяки в Минске	15
Тяжелые дни (По материалам)	18
<i>М. Голуб.</i> На фабрике	21
<i>С. Геклер-Тункель.</i> Страшное злодеяние	23
<i>А. Шаранов.</i> За крепостным валом	28

РАЗОРЕННЫЕ ДЕРЕВНИ

<i>Н. Рунцо.</i> Шпион	33
<i>А. Рунцо.</i> Арест партизан	36
<i>К. Денисевич.</i> Суд над партизанами	38
<i>Е. Павлович.</i> Живых в землю закапывали	40
<i>Л. Павлович.</i> «Подавай сюда рассол!»	42
<i>Н. Маглыш.</i> Неожиданное спасение	43
<i>А. Якимович.</i> Партизаны деревни Мартьяновки	45
<i>А. Раткевич.</i> Расправа с Мартьяновкой	47

РАЗГРОМЛЕННЫЕ МЕСТЕЧКИ

<i>С. Гельфанд.</i> В Липени	49
В Любоничах (По материалам)	51

ОТСТУПЛЕНИЕ РАЗБИТОГО ВРАГА

<i>А. Ходасевич.</i> Сожженная деревня	55
<i>Х. Ходасевич.</i> » »	57
<i>К. Мороз.</i> » »	59
Разгром Глузка (По материалам)	60
<i>М. Последович.</i> Трагедия города	62

II. НАРОДНАЯ ВОЙНА

	Стр.
В большевистском подполье (По материалам)	67
А. Шаранов. Минские и дукорские партизаны	74
З. Бядуля. Апанас Полонейчик	81
Ф. Шинклер. Бобруйские большевики в подполье	95
С. Вилюга. Прифронтовые партизаны	108
В. Веревкин. Как мы били белополяков	119
К. Черный. Партизаны Свислочи и Козулич	122
А. Одинец и С. Вилюга. Бои у реки Птичь	128
П. Грицкевич. Борьба и героическая смерть партизан	133
М. Последович. Партизаны деревни Теребуты	138
П. Тишкевич. Расстрел четырнадцати	143
В. Хрулев. Прорыв	147
О. Шекун. Освобождение Минска	150

III. ДОКУМЕНТЫ

1. Что принесли польские интервенты белорусскому народу	157
2. Панская Польша в союзе с белыми генералами против Советской страны	169
3. Белорусские буржуазные националисты на службе Антанты и панской Польши	171
4. Польская оккупационная армия — банда мародеров	173
5. Расправа белополяков с большевиками и красными партизанами Белоруссии	177
6. Проникновение большевистского влияния в польскую армию и борьба белополяков с коммунистической агитацией	180
7. Борьба белорусского народа против белополяков	182

**«БЕЛОРУССИЯ В БОРЬБЕ
ПРОТИВ ПОЛЬСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ»**

Государственное издательство политической
литературы. 1940 г.

Редактор *О. Шекун.*

Художественный редактор *Л. Юркевич.*

Заставки художника *А. Ермолаева.*

Корректор *Д. Бреговский.*

Техреды *М. Пиотрович* и *Е. Женин.*

Сдано в набор 15 мая 1940 г. Подписано в печать
9 сентября 1940 г. Формат 60 × 92¹/₁₆. 12 п. л.
12,21 уч.-изд. л. Тираж 25000 экз. Заказ № 308.
М.-3000. № изд-ва 1787.

Бумага Впшерского бумкомбината.

2-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Поли-
графкнига» «Печатный Двор» им. А. М. Горь-
кого. Ленинград. Гатчинская, 26.

Цена в переплете 8 р.